

№ 5
2011

КАЗАХСТАНСКИЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал — лауреат высшей общенациональной премии
Академии журналистики Казахстана за 2007 год

Главный редактор В. Р. ГУНДАРЕВ

Редакционный совет:

Р. К. БЕГЕМБЕТОВА (зам. главного редактора), Б. М. КАНАПЬЯНОВ
(г. Алматы), Г. К. КУДАЙБЕРГЕНОВ, (г. Астана), А. Ю. КУРЛЕНЯ
(г. Петропавловск), Р. Ю. МАХАТАДЗЕ (г. Караганда),
Ю. Д. ПОМИНОВ (г. Павлодар), В. И. РЫЖКОВ (г. Караганда),
Т. И. СЫЗДЫКОВ (г. Кокшетау), А. Ю. ТАРАКОВ (г. Астана),
И. Б. ТЕТЕРИНА (г. Астана), А. М. ШМИДТ (г. Алматы).

В номере:

Проза

С. Кинеев. Плакса. *Повесть* 3
Н. Махамбетов. Уметь прощать. *Повесть* 43

Поэзия

В. Коноплёв. «Будь от малого счастлив...». *Стихи* 37
Е. Кирсанов. «Много в мире прекрасных явлений...». *Стихи* 58
Т. Гарипов. Кирпичики. *Продолжение цикла* 100

Документальная проза

Ю. Поминов. Хроника смутного времени.
Записки редактора. Книга третья (продолжение) 63

Наш общий дом	
С. Жагипаров. Звезда Героя Жаныбая	106
Летопись Евразии	
С. Чемармазович. В будущее — постигая прошлое	112
Культура. Общество. Личность	
С. Назарова. «Легко и честно жил на свете я...»	114
Критика и литературоведение	
И. Шухов. Жизнестойкое слово; Бодался «Иван Денисович» с Иваном Петровичем	127
Искусство	
Н. Курпякова. Сто дорог Сапара Искакова	139
В семейном кругу	
Д. Джумагельдинова. Асель-кисель	140
Из почты «Нивы»	
С. Блажкова. Святой материнский наказ	163
Приключения. Детектив. Фантастика	
В. Третьяков. Возвращение на Обитаемый остров (продолжение)	164
Сатира и юмор	
П. Власов. Шапка, открытое письмо	191

Изоальбом «Нивы»: из работ Сапара Искакова.

К сведению читателей

В марте 2011 года сайты нашего журнала **www.niva-kz.narod.ru** и **www.niva.ucoz.kz** посетили более трёх с половиной тысяч читателей из 20 стран. Свыше полутора тысяч из них — жители Казахстана, около тысячи — россияне. Остальные представляют Германию, Польшу, Украину, Канаду, США, Кипр, Белоруссию, Австралию, Грузию, Великобританию, Литву, Киргизию, Азербайджан, Молдавию, Болгарию, Израиль, Эстонию, Узбекистан.

Сабит КИНЕЕВ

Плакса

Повесть

Не считают зазорным называть его Нытиком или Плаксой.

Одни походя. Иные намеренно.

Мальчик к насмешкам никак не привыкнет. Прозвища, брошенные по привычке ли, или из желания унижить лишний раз, воспринимает как тягчайшие оскорбления, как безутешные обиды.

Воспротивиться не позволяет ему излишняя робость. Не может ещё осознать свои способности и пользоваться ими по расчёту восьмилетний Сакен.

Кто-то и заметит смятение оскорблённого мальчугана, спохватится, обуждает попытку повторить обиды, но не все способны разглядеть страдающего укора детских глаз. И хула продолжает совершаться попросту, многие, дескать, так говорят, почему бы и не повторить?

Мальчик взглянет на обидчика с укоризной, затем отвернётся, проглотит обиду. Потомится он, помается до поры, пока пытливое детское внимание не отвлечётся чем-то занимательным, вскоре и вовсе забывает об оскорблениях. Пока навязчиво не ранят ими снова.

И возвращается всё на круги своя, являясь между тем, кроме несправедности, маленьким для нас, незаметным чудом, не имеющим значения потому, что не замечаем его — не умея разглядеть. А оно воистину необычно. Не озлобляется на обиды и унижения мальчик, не черствеет, оставаясь безгрешной, его душа, и открытый, доброжелательный ребёнок, обычный среди всех остальных, несёт свою нелёгкую ношу без внимания и помощи тех, от кого их иногда хотел бы получать, и бесконечно благодарный всем, кто отозвался к нему с добром.

Сабит Айдарович КИНЕЕВ

родился 26.05.1951 года в Акмолинске. Писатель, автор статей о русской, французской и китайской поэзии. Член редакционной коллегии журнала "Аманат". Публиковался в журналах "Аманат", "Нива", "Простор" (РК), "Вестник Ду Фу" (КНР). Работы издавались на казахском, русском, немецком и китайском языках.

Автор книг "Обычная история" ("Айкос", Алматы, 1998), "Песня" ("Nobel", Актобе, 2000), "Повесть о К. и К." ("Алтын гасыр", Астана, 2000),

"21 рассказ казахских писателей XX века" (международный клуб Абая, Алматы, 2001), "Песньномада", "Бригада", "Сны и бессонницы", "Отверженные" ("Nobel", Актобе, 2006), "Возвысивший Степь и Город" (Оренбург, РФ, 2010), "Путьномада" ("Фолиант", Астана, 2011).

Редакция журнала "Нива" сердечно поздравляет своего давнего автора Сабита Кинева с 60-летним юбилеем и шлёт ему самые наилучшие пожелания здоровья, счастья, благополучия и новых творческих обретений на литературном поприще!

Поразительное явление — детское великодушие.

Если бы все люди могли прощать друг другу обиды с лёгкостью и сердечным благородством, как добродушно снисходят к каждому из нас добрые дети, мир стал бы намного совершеннее.

Обычное явление — расчётливость взрослых.

Родители, обучающие своих детей добрым заповедям, зачастую не готовы помогать детям чужим, предпочитая всеобщему благополучию сугубо личностное. У взрослых, скоро и легко обманывающихся выгодными для себя выводами истин, добродетели опасно близки к порокам. Когда предпочитают держать во временных союзниках по расчёту врагов, не цenia постоянства бескорыстных и великодушных друзей, любовь к ближнему и ненависть к врагу теряют значение и смысл. Тогда левая рука не знает, что делает правая не из-за стремления оставить тайным милосердие, но из эгоистичного желания: да поступают с нами лучше, нежели мы с другими. И выбираем мы привлекательные врата лёгкого пути вместо сплывающего, где можно было бы услышать биение сердец других, и без разумения ближних не получает крепкого основания наш общий дом.

Источник жизни есть сердце, а любовь — великое чудо в сердце каждого человека, и самая чистая и безгрешная любовь — есть любовь к ребёнку. Поэты и писатели обращаются в своих произведениях к миру детства нередко из желания избавиться от суетности, лживости и лукавства, преисполняющих отношения взрослых с детьми и между собой. И ваш покорный слуга, вместе с вами, проявляю любознательность к небольшой истории из жизни одного мальчика. Кому-то она покажется обычной, а кто-то найдёт для себя нечто полезное — каждый из нас в глубине души своей судит своим судом, измеряет исключительно своей мерой.

Всю жизнь приходится слышать рассуждения о том, что мы перестали быть, а может, и не были, мудрыми как вороны и безвинными как голуби, и один из путей к самосовершенствованию проходит через чуткое отношение к детям.

Ещё одна небольшая история про ребёнка рядом с нами — попытка понять мир детей.

Они все так похожи, наши дети. Почти одинаковы. И при этом совершенно разные.

Вместе со многими неизбалованными в его возрасте детьми Сакен в меру наивен, непринуждён, достаточно общителен, добродушен и миролюбив.

Всё вокруг, казалось бы, его устраивало. Всё было бы ему по душе. Кабы не горечь, слишком часто прилипающая словно репей, что надолго оставляет мелкие колючки, едва заметные чужому глазу, но больно колкие и вредные надолго.

Всё было бы совсем иначе, если бы не повторяли обидные клички чрезмерно часто. Как правило, ни с того ни с сего...

Сакену объяснили, что в интернат его устроили для собственного же блага. Получит там знания лучше, чем в ауле. Так же отправляют его в интернат, а он уже достаточно большой, чтобы понимать столь важные причины в интересах большой, живущей более чем скромно, семьи.

Причин его отправки в интернат Сакен не понимал и понимать не хотел. Ему было по душе дома, в привычном кругу своих дел и забот. Мать обхаживала восьмерых детей от зари до зари, безуданно крутилась по дому: готовила, стирала, шила, штопала, вязала, усердно трудилась в саду и огороде. Отец ухаживал

на работу очень рано, возвращался поздно, видел его Сакен с сёстрами и братьями только перед сном, полдня по воскресеньям, и лишь по праздникам отец бывал с детьми весь день. И этот привычный уклад, где Сакен имел свою долю ответственности за порученные ему матерью работы по дому, а также немало времени для беззаботных игр и развлечений, был ему по душе. Другой жизни, совершенно новой, пугающей своей неизвестностью, вдали от привычного уюта родного дома, от преданных друзей, он не хотел, боялся её.

Но он знал, что его желания не зависят от него самого, он полностью зависим от воли старших, и раз они уже решили что-то, поступят по-своему, и принять новую жизнь, какой бы она ни была, Сакен был вынужден.

И когда мать привезла его в интернат, Сакен старался держаться, как предупреждала мама, достойно, не плакал при ней, когда она, закрыв дверь, оставила за ней Сакена в совершенно новом для него мире, он не побежал за ней.

Ему показали его комнату, кровать и тумбочку, и когда предоставили время освоиться, он пошёл изучать двор, оказавшийся громадным, только тогда там, где лежали горы свежеструганных досок, найдя тихое местечко, сел и заплакал.

Он был полон новых открытий каждый день, этот необычный мир с порядками и событиями совершенно непривычными, особенно интересными в первые дни и недели пребывания в интернате. Иной, слишком строгий распорядок дня с утра до вечера, сглаживался возможностью поиграть в свободное время с ровесниками, их в интернате было намного больше, чем в ауле. Появились у Сакена новые друзья. И, увы, новые недруги тоже.

В интернате одевали и обували бесплатно, и никогда до этого Сакена не кормили столь сытно, разнообразно и часто, если считать вместе с полдниками — выходило четыре раза в день. При интернате была музыкальная школа и в каждой из комнат для занятий музыкой, называемых классами, стояли фортепьяно. Многие из классов пустовали, в свободное время Сакен усаживался на вращающемся круглом стуле перед загадочной и манящей чёрно-белой клавиатурой и начинал подбирать знакомые мелодии.

Старшие братья, когда Сакена увозили в интернат в первый раз, убеждали оптимистично — после окончания музыкальной школы он может поступить в консерваторию. А когда получит высшее музыкальное образование — ему будет открыта прямая дорога в большую музыку, может стать известным музыкантом или дирижёром.

Преподаватели также питали надеждами, при старательности и упорстве любой выпускник школы вполне сможет добиться славы композитора, и тогда его портрет добавится к тем, что украшают коридоры интерната. Сакен рассматривал их с большим интересом, быстро запомнил непривычные слуху фамилии Бетховен, Моцарт, Бах, Чайковский, Гайдн, Глюк, Мусоргский... Когда он оказывался в коридоре один, ему казалось, что каждый его шаг сопровождается строгими взглядами мудрых гениев.

В музыкальном интернате каждый час, даже минуты, расписаны строго-настрого. После занятий по общеобразовательным предметам давался часовой перерыв, затем детей отправляли для занятий по музыке.

Через каждые десять-пятнадцать минут требовательные воспитательницы бдительно проверяли, не проводит ли кто-то из подопечных время празднo, отвлекаясь рисованием танковых боёв да поединков мушкетёров.

Сначала, с полгода, Сакен играл на виолончели, но преподаватели сочли, что у него коротковаты пальцы, и перевели на класс гобоя. Перевод Сакена не совсем обрадовал. Играть на виолончели ему нравилось больше, чем на гобое. Досаду заметно скрасила смена преподавателя, оказался он на редкость добродушным и терпеливым. Самая большая строгость его (ученики называли преподавателя между собой не по имени-отчеству, а несколько по-домашнему, “дедушка Гизатуллин”) выражалась укоризненными покачиваниями головой.

Преподавательница, обучавшая игре на виолончели, забылась быстро. Хотя должна была бы помниться долго. От зычных её воплей сжималось в тревожный комочек сердце, и Сакен терялся, забывал всё, что знал и умел, а она расплялась ещё больше. Не было ни одного урока, чтобы Гуляим Касеновна не выходила из себя, не кричала, не била большим и тяжёлым смычком Сакена по рукам и по голове.

Однажды, когда смычок сломался о голову Сакена, она разозлилась ещё больше и толкнула его с такой силой, что, упав и ударившись головой о ножку рояля, он потерял сознание. Испуганная преподавательница взяла с Сакена слово — не говорить об этом никому, и стала бить его с меньшей силой.

У неё также обучался мальчик годом младше Сакена, Калнияз, приехавший из районного центра, находящегося в далёкой западной части Казахстана. Калниязу не без труда давался каждый урок, однако редкими трудолюбием и старательностью, занимаясь дополнительно не менее часа каждый вечер самостоятельно, он снискал симпатии у всех интернатовцев. Но не у своей преподавательницы. Калниязу, отличавшемуся от Сакена большими старательностью и усидчивостью, доставалось не меньше.

Как полагалось в школе-интернате, раз в месяц по воскресеньям Гуляим Касеновна водила Калнияза и Сакена в кинотеатр “Казахстан”, двухзальный, с просторным фойе, в нём иногда выступали артисты, музыканты и певцы. Сакен с огромным интересом рассматривал их наряды: мужчины выглядели словно рояли — в чёрных фраках, белых рубашках и галстуках-бабочках, а женщины в тяжёлых бархатных платьях синего, бордового, зелёного цветов. Они были из какого-то другого мира, свободного, сами себе хозяева, говорили, играли и пели всё, что сами хотели и где хотели, из недоступного далёкого мира взрослых, где никто не смеет указывать им, чем и сколько времени надо заниматься. Глядя на артистов, Сакен мечтал о том, что когда станет взрослым, никто не сможет заставлять его делать что-нибудь по указанию, он сам будет выбирать себе занятия по душе. Но уж очень долго ещё предстоит ждать времени, когда можно стать взрослым.

После кино Гуляим Касеновна покупала Сакену и Калниязу по мороженому или по пирожку, расспрашивала о доме, о родителях и друзьях. Гордилась отцом — не зная до пятнадцати лет нотной грамоты, он благодаря трудолюбию стал признанным дирижёром.

Почему-то не сближали с преподавательницей ни кино, ни мороженое. Однажды Калнияз спросил у учительницы, как относились к ней её преподаватели, также наказывали строго, или были добрее. Гуляим Касеновна поначалу смутилась, но потом ответила резко: “Во-первых, я была старательной и училась всегда хорошо. Во-вторых, я была девочкой, а к ним отношение другое. А в-третьих, и это очень важно, у меня был знаменитый папа — попробовали бы они меня наказать”. Из чего Сакен с Калниязом потом после небольшой беседы сделали вывод: “Знаменитость папы — самое важное в жизни любого ребёнка — его лучшая защита от грубостей преподавателя”.

На следующий день выдержки едва хватало на прослушивание домашних заданий. Как только приступали к новой теме, она забывалась, взрывалась, хваталась за свой чёрный ненавистный смычок.

Однажды она послала Сакена с графином за водой на первый этаж, и в другом конце коридора, хотя дверь в их аудиторию была закрыта, он слышал, как кричала учительница на Калнияза: “Деревенщина! Мамбет! Ты меня совсем не понимаешь! Мы же с тобой говорим на совершенно разных языках!”. Что Сакена поразило. Значения этого слова он не знал, но понимал, что означает оно что-то недоброе. В интернате было несколько городских ребят, называвших “мамбетами” тех, кто приехал из аулов, хотя городские от приезжих ничем не отличались внешне, были разве чванливее да заносчивее, за что их и не уважали.

Сакен вспомнил, как во время похода в кино Гуляим Касеновна сама говорила, что её родители выросли в ауле. Значит, они тоже деревенщины-мамбеты? Но что же в этом плохого? Ведь, наверное, каждый проживающий в городе либо родился в ауле, либо у него есть там родственники? Значит, так или иначе, каждый горожанин является деревенщиной-мамбетом? Наверное, он с Калниязом, даже став музыкантами или композиторами, как и папа Гуляим Касеновны, останутся мамбетами? И их дети, если не родятся в городе, останутся мамбетами? Но что же плохого в этом, если человек родился не в городе?

Может быть, Гуляим Касеновна так кричит потому, что сама не понимает что кричит, а не говорит? Наверное, Гуляим Касеновна так поступала потому, что была совсем молода? В прошлом году она ещё была студенткой последнего курса консерватории.

Сакену встретила на лестнице тётя Таня, приветливая, добрая повариха. Многие интернатовцы называли её “мамой Таней”. Она как-то справлялась о Гуляим Касеновне, тоже учившейся в этой школе. Оказывается, тётя Таня когда-то её, также как их с Калниязом, кормила своими вкусными завтраками, обедами и ужинами.

Сакен, чтобы тётя Таня не успела задать ему какого-нибудь вопроса об учительнице-виолончелистке, на который он, не умея говорить неправду, не смог бы ответить доброжелательно, быстренько прошмыгнул мимо.

О чём он должен был рассказать маме Тане? О том, что Гуляим Касеновна кричит и бьёт их с Калниязом за малейшую ошибку? Особенно по пальцам левой руки при постановке их на грифе. Или когда судорога сводит четыре пальца правой руки на смычке в крючок, а мизинец торчит в сторону, выкручивает этот мизинец с непонятной жестокостью, с лицом, искривлённым злобещей улыбкой? Разве можно об этом кому-нибудь рассказывать?

В ауле и здесь, в интернате, Сакену внушали: “Учитель — самый авторитетный для ученика человек. Учитель никогда не бывает не прав. Требования учителя — для исполнения истины безоговорочные”.

Но жалость и нескрываемое сочувствие в ясных глазах мамы Тани тоже озадачивали.

Сакен понимал, добрая повариха имеет право на своё мнение — суждение взрослого человека. Тем более что она намного старше Гуляим Касеновны. А ещё она не может быть неправа потому, что её все любят. Сакен уже понимал, что столь добрый и отзывчивый человек, как мама Таня, имеет больше прав перед теми, кого не уважают и не любят. Но как быть ему, Сакену, сейчас?

Куда бы деться от ежедневных побоев и воплей Гуляим Касеновны? Но и убеждения о безоговорочной правоте учителя, втолковывавшиеся также достаточно часто, как быть с ними?

Навеянный ореол беспредельно правого во всём педагога уже не укладывался в сознание ребёнка. Сомнительность навязанной святости ощущалась Сакеном всё настоятельнее. И возникавший от постоянных сомнений

необъяснимый душевный неуют, а вместе с ним также непонятный страх перед несовместимостью убеждений и реальности, терзая детский умишко постоянно, требовали разрешения непростой для ребёнка задачи.

Сакен искал, действительно искал успокоительного для него выхода, и облегчил его участь нечаянно услышанный разговор между старшекласниками: “У молодой преподаши Гуляимки явно не все дома. Перед директором лебезит как лиса, а на малышню постоянно вопит и вопит. Говорят, даже руки распускает. Таких психов здесь никогда не было. Только на папином авторитете и держится. Другую за подобные концерты давно бы выгнали, а этой всё прощают”.

Значит, догадался Сакен, Гуляим Касеновна постоянно кричит и дерётся оттого, что больная? Потому злую учительницу можно не любить, но жалеть?

Придуманная спасительная жалость к преподавательнице мирно ужилась с искренней жалостью к Калниязу и к себе.

И бесхитростная самозащита мальчика, придуманная им самим, его жизнь несколько облегчила.

В тот день, когда его перевели на класс гобоя, Сакена отозвала в сторону Анна Борисовна, воспитательница пятого класса.

Ученик второго класса, он станет её подопечным только через два года. Но Анна Борисовна как-то выделяла Сакена среди почитающих её детей, чаще взбадривала добрым словом, помогала пришить к пиджаку оторвавшуюся пуговицу или белый воротничок, находила время посидеть рядом и помочь решить трудную задачу по арифметике. Сакен обожал Анну Борисовну. Она напоминала ему маму и, светлая душа, Анна Борисовна удивила Сакена своими тревогами.

— Сакенчик, помнишь Адая?

— Я его никогда не забуду! Он же мой друг!

— Ты знаешь, почему он теперь не учится у нас?

— Ребята всё время потешались над ним — и он не стерпел этого.

— Не совсем так. Адайчик не успевал ни по курсу музыки, ни по общеобразовательным предметам. Между тем он также играл на гобое. Помнишь, как дразнили его ребята?

— Гобой — иди домой!

— Горькая правда, увы, состоит в том, что он действительно ушёл домой. В обычную, простую школу. А в нашей школе ты вырастешь незаурядным музыкантом, возможно, хорошим композитором. Я чувствую в тебе большие задатки. Но для того, чтобы тебе было легче в будущем, нужно больше работать сейчас. Понимаю, хочется, как и всем, побегать, пошалить, посмотреть телевизор. Но ты постарайся, Сакенчик, отдавать музыке времени чуть больше, чем предложено расписанием. Поверь, это нужно в первую очередь тебе самому. Я не хотела бы, чтобы злая поговорка, с которой теперь начнут приставать к тебе, опять подтвердилась. До Адая ещё один мальчик не справился с этим инструментом и вынужден был нас покинуть. Так что постарайся. Будь прилежнее.

Сакену причины ухода Адая из интерната представлялись иными.

Добродушный, пухленький мальчик в круглых очках, нескладный и неповоротливый, чтобы обратиться к соседу справа или слева, Адайчик переступал ножками и разворачивался к собеседнику всем телом.

Его привычка поправлять очки на переносице мизинцем левой руки стала притчей во языцех среди интернатовской малышни. Передразнивая Адая, они довольно точно копировали характерный для него жест.

Голос у Адая был тихий и тонкий. Он был сама беззащитность. Кто-то другой давно бы затаил обиду на непрекращающиеся недобрые шутки старшеклассников, Адай же и на чувствительные подзатыльники только восклицал изумлённо: “Ребятки, ну зачем же это, а?..”.

Над ним потешались многие. В открытую и втихаря, грубо и подло. Оттого, что Адайчик мучился недостатком, за который его кроме детей высмеивали и некоторые из нянечек с воспитательницами.

Он страдал недержанием мочи, и редкое утро вставал с постели сухим. Дежурные няни должны были поднимать его по ночам не менее двух раз, чтобы сходил в туалет, но иногда просыпали, что по утрам обходилось Адаю шумными, болезненными сценами.

Издевательства взрослых и детей давно превратили бы другого подростка в затравленного зверька. Мягкое сердце Адайчика легко прощало недостатки всем подряд. Он защищался от шлепков нянечек и тычков товарищей лишь изумлёнными восклицаниями, исходящими из самых глубин его души: “А зачем вы это так, а?..”.

Большинство интернатовцев были приезжими, а Адайчик был городским жителем, и каждую субботу, до понедельника, его забирали домой две сестры. Тоже в очках, такие же пухленькие и добрые.

Они всегда приносили ребятам, с которыми Адай жил в одной комнате, пряники или леденцы и, угощая, приговаривали: “На здоровье, ребятки, ешьте на здоровье!”.

У Адая не было отца. Умер, когда Адайчик был совсем маленьким. И Анна Борисовна часто просила ребят: “Без папы семье очень трудно. Адаю приходится много труднее, нежели вам. Будьте добрее, сострадательнее, не обижайте Адая. И вообще, будьте добрее к воспитателям, нянечкам, друг к другу. Относитесь ко всем так, как хотели бы, чтобы относились к вам самим. Будьте добрее везде и всегда. Обидеть Адайчика каждому из вас легко и просто, он слабее вас физически, но дай Бог каждому такое великодушное и большое сердце, как у маленького Адайчика”.

Ночью спящему Адаю рисовали зубной пастой длинные усы, наносили на пухлые щёчки пятнышки зелёной. А утром Мамет Абубакиров, известный вредностью и плутоватостью на весь интернат, рывком вытягивал из-под спящего Адая простыню и, если была она мокрой, носился с ней по комнате, с воплями развешивая над собой на вытянутых руках как знамя.

Кто-то громко смеялся, кто-то носился вслед за Маметом и угодливо подхихкивал. Но были и такие, кто возмущался скверным лицедейством Мамета вслух, не боясь щелчка в нос, коими он одаривал всех, кто был слабее его, с большими наслаждением и умением.

Сакен страдал не меньше Адая. Он сидел на своей койке, обхватив колени руками, и наблюдал за происходившим с мукой.

Адайчик, близоруко щурясь на унижительный разгул, растерянно нащупывал очки рукой на тумбочке, и когда крики становились невыносимо громкими, вопрошал неизменно беззащитно: “Ребятки, ну зачем, зачем всё это, а?..”. И тогда Сакен подбегал к Адаю. Он подавал ему очки или, из солидарности, садился рядом с ним на кровать с оголённым матрасом, пытаясь разделить горькое одиночество и переживания друга.

А Мамет неистовствовал, изошрялся в остротах: “Пацаны, вы знаете кто мы такие? Все мы будущие музыканты и даже композиторы! Но среди нас есть один писатель. Вот его исписанная тетрадь”. И потрясал простынёй с жёлтыми кругами. Иногда Адай семенил за Маметом в своих смешных, ниже колен, трусах и безуспешно пытался отнять простыню.

Повторялось подобное часто, слишком часто, чтобы не могло не оставить следа в сознании обижаемого человечка. Бывало, Адай не выдерживал и плакал в голос: “Домой, хочу домой!.. К маме, к ма-а-ме!..”. В ответ несколько ребят, ими с ужимками дирижировал Мамет, скандировали: “Го-бой, иди до-мой! Го-бой, иди домой!”.

Что ещё имела в виду Анна Борисовна? Преемственность Сакена Адаю потому, что кроме перевода на класс гобоя его недавно переместили на Адаеву кровать? Или то, что, обнаружив у Сакена близорукость, врачи выписали ему для постоянного ношения очки?

— Мама Аня, но я ведь не позволю, как Адайчик, издеваться над собой.

— Главное — учись, Сакенчик, хорошо! Будь усидчивее и старательнее — и непременно всё будет хорошо, никто не сможет надсмехаться над тобой.

Уходя из школы насовсем, Адай прощался с каждым сосредоточенно, серьёзно. Всем пожал руки. И Мамету тоже. Вроде бы проняло того на минутку, смолчал, на вид был как бы смущённым, даже похлопал Адаю по плечу доброжелательно.

Сакена Адай обнял и поцеловал в щёку. Стало как-то неудобно перед ребятами — поцелуи, словно между девочками. Но всем насмешкам вопреки и в первую очередь назло ехидному Мамету, отчаянно притянул Сакен к себе Адайчика и поцеловал в ответ, неловко, в нос.

— Ну что ты... Спасибо... Что ты... А знаешь, Сакенчик, ты мой самый лучший друг. Только я никогда не говорил об этом ни тебе, никому на свете, — всхлипнул, растрогался Адайчик. И когда он заплакал, Сакен непроизвольно присоединился к нему.

А Адай, размазав слёзы по щекам, тонко пропел: “Зачем же это ты, Сакеша? Ну зачем, а?”, чем ещё больше расстроил Сакена, разревевшегося в голос, и, удивительно, никто тогда их не упрекал, никто над ними не смеялся.

Сёстры обещали приводить иногда Адаю к ребятам в гости. Но ушёл Адай, скрылся за ближним поворотом, махнул в последний раз собравшимся у ворот ребятам пухлой ручкой, всем, даже Мамету, и пропал.

Вспоминал его кое-кто из ребят несколько раз вслух, а Сакен ждал. Но пропал друг. Где он? Что с ним? Не исчез Адайчик из сердца и памяти Сакена, и в думах о нём он казнил себя за малодушие.

Не сумел он в своё время прийти на помощь Адаю решительнее, потому, наверное, его друг не может простить ему трусости.

Адай считал Сакена лучшим другом, а он оказался попросту трусом. Перед Маметом и его прилипалами. Перед всеми, кто сам трус, и потому не способен на большее, нежели издеваться над более слабыми. Разве может Адайчик когда-нибудь вернуться сюда ещё хоть раз? Даже на часок? Нет, он не придёт сюда больше никогда.

Вскоре, после ухода Адаю, к Сакену приехала мама.

О как же был он рад её приезду!..

Привозя Сакена в интернат на вступительные экзамены, мама брала в долгую дорогу яблоки.

После приезда из аула на вокзал они пересаживались на трамвай, и он подвозил их поближе к интернату в течение сорока минут. Затем около трёх-четырёх кварталов они шли пешком, и мама всё время убеждала Сакена быть во время экзаменов более собранным. Если он не поступит в музыкальную школу — а о том, что он поступает, знает половина аула — ей будет стыдно перед соседями.

Во время длительной поездки в трамвае мама давала Сакену яблоко и поглаживала по голове. Иногда прижимала к себе.

— Айналайн, — говорила мама, — чудесный мой. Хорошо, если поступишь в музыкальную школу. Когда вырастешь — можешь стать обеспеченным человеком. Никого я ещё не отдавала в интернат и не представляю, как буду по тебе скучать... Айналайн...

Мама, как всегда, привезла яблок.

Они сначала посидели вместе во дворе, потом в небольшой комнатке для свиданий с родителями. И когда мама собралась уезжать, воспитательница сказала, что она может оставить Сакену немного денег на мороженое и кино.

Мама призадумалась. Потом полезла в карман. Достала носовой платок. В нём узелком были завязаны имевшиеся у неё деньги, и мама отделила двадцать копеек. Воспитательница сказала, что двадцати копеек будет мало. Тогда мама достала ещё двадцать.

И Сакена вдруг объяла обида, неожиданная и непонятная, то ли за маму, которая не может дать ему больше денег, то ли за воспитательницу, не понимающую, если мама даёт ему не больше двадцати копеек, значит, больше дать не может. И Сакен заплакал.

Он плакал громко, а мама с воспитательницей не могли понять причины его расстройства. Немного успокоившись, Сакен сказал воспитательнице, что не возьмёт у мамы денег вообще, потому что дома денег не хватает, он не возьмёт у мамы даже двадцати копеек. А мама растерянно повторяла: "Перестань, Сакен. Не говори так... Стыдно-то как... Нельзя так говорить при чужих людях".

От этого Сакен расстроился ещё больше и зарыдал громче. Воспитательница стала выпроваживать маму: "Вы, пожалуйста, поезжайте домой. Уже пора. Вы очень долго были с сыном. А мы его как-нибудь успокоим".

Сакен не хотел, чтобы маму выпроводили. Он хотел, чтобы она ушла сама. Но перечить воспитательнице не смел. Он не мог этого сделать потому, что его так воспитывали, но обида за маму — она выглядела расстроенной, так его задела, что он зарыдал ещё громче.

В тот вечер у него сильно разболелась голова. Медсестра из медпункта сказала: "Странно, голова у тебя болит, а температуры нет. Ты сегодня не плакал? Ну тогда понятно. Скорее всего, головушка разболелась из-за того, что сегодня ты очень расстроился".

Сакен вспомнил, что мама сегодня уходила от него не по своей воле, и ему опять захотелось заплакать.

Но он собрался и сдержался.

Занятия на гобое давались Сакену довольно легко, ему нравилось ходить на них также потому, что очень добрым был преподаватель.

Дедушка Гизатуллин говорил, что каждого ученика надо уважать как члена своей семьи, тогда появляется право требовать от него наиболее полной отдачи.

На класс гобоя приходил также старшеклассник, проживавший в городе, Володя Марцинкус. Он был взрослым, крупным парнем. Отношения с ним у Сакена сложились самые дружеские.

Володя был спокойным, немногословным, никогда Сакена не обижал, напротив, время от времени желая поиграть и позабавиться, Сакен сам приставал к Володе.

В интернате через день на завтраки и ужины, и обязательно на полдники, выдавали к чаю конфетки, по три штуки. Ребята научили Сакена съедать не всё,

оставлять что-нибудь “на потом”. Чтобы неспешно насладиться вечером ли, во время просмотра телевизора, или на следующий день в перерывах между занятиями.

Сакен предлагал конфету Володе, и тот обычно не отказывался, всегда вежливо благодарил. Сакену же хотелось с Володиёй поиграть, и он старался уравновешенного старшего товарища раззадорить.

— Володя, что написано на фантике конфетки?

— Марципан...

— Ты прочитал неправильно. Посмотри внимательнее.

— Малец, я вроде бы читать умею, тут написано марципан.

— А вот и нет. Там написано марципанкус.

И Володя Марцинкус давал Сакену лёгкий подзатыльник.

Иногда Сакен приставал к Володе: “Как дела, марципанкус?”. И убегал от него.

Володя за Сакеном не гонялся, неспешно шёл за ним большими шагами и нагонял в конце коридора. Он поднимал Сакена высоко над полом и говорил внушительно, словно пугая низким баритоном: “А ты шутник, малец. Ну надо же такое в твоём возрасте выдумать?”. Сакен, продолжая забавляться, верещал: “Володя, прости подлеца! Ты же знаешь, что я тебя очень уважаю”.

— Как ты меня уважаешь?

— Почти как ты своего папу.

— Шутник. Сообразительный малый. Только нет у меня папы. Сгноили его в лагерях.

— Ну, извини. Я как-то просто сказал, не подумал. А что такое лагерь?

— Рано тебе знать. И вообще, забудь, что я тебе об этом сказал. Что-то я расслабился. Обещаешь не вспоминать?

— Железно, друган, обещаю. Ты же знаешь, я тебя никогда не обижу.

— Ну и весёлый же ты парень. И понятливый. Не гнилой, как некоторые.

Сакен Володю действительно уважал. Очень... Жаль, не был ровесником Володи, иначе у него был классный, самый спокойный и надёжный в мире друг.

Чтобы делиться тайнами, мечтами и радостью, редкими гостинцами из дома и впечатлениями о “законном” фильме, нужен друг.

Друг попросту необходим в интернате, где, несмотря на множество схожестей, от меню в столовой до неразлично одинаковых простыней с клеймом и тумбочками в спальнях, каждый сам по себе, со своими тайнами и радостями. Каждый в интернате со своей, ни с кем не разделённой тоской. Поэтому Сакен незаметно и быстро сблизился с Сауаном.

Кто из них первым предложил сходить вдвоём в поход в горы в один из воскресных дней, они потом не могли вспомнить сами. После отбоя по ночам — кровати их стояли рядом, они шёпотом обсуждали подробности предстоящего похода. Шестым маршрутом за пять копеек доедут до конечной остановки, а там до громадных гор рукой подать.

У подножий волнующих дух возвышенностей начинаются густые чащи диких яблонь и урюка, повыше непроходимые заросли колючей горной малины с россыпями крупных ягод, далее сосны и ели, ещё ближе к вершинам начинаются обросшие снизу бархатным мхом скалы. Конечно, добраться до вершин, что завершаются белоснежными пиками, друзья и не помышляли. Но в мечтах представляли, что когда-нибудь, став взрослыми, непременно поднимутся до мест, где водятся могучие круторогие архары и белоснежные ловкие барсы.

В интернате на полдники давали сок или чай, три печенья и три конфетки. Сок друзья выпивали, съедали по два печенья и по две конфетки, а по одной складывали в тумбочку, накапливали для похода. За несколько недель у них собрался запас, по их расчётам, достаточно солидный, чтобы отправиться в поход смело.

В свободное время он были неразлучны. Играли в футбол на улице или в морские бои в игровой комнате. Сообща мастерили различные поделки из бумаги, самолёты, лодочки, журавликов... Рисовали поединки мушкетёров, танковые и морские бои.

Но что-то, Сакен не понимал, что именно, но интуитивно чувствовал, что-то мешало Сакену ощущать к Сауану полные, как к Адаю, доверие и чувства.

Может быть, слишком часто они с Сауаном не сходились во мнениях относительно прочитанных книг или увиденных фильмов? Может, оттого, что Сауан привык только первенствовать и не любил уступать в спорах, хотя порой был не прав. Разность характеров была ощутимой. Сауан был более деятельным, и даже несколько нервным. Потому Сакен, будучи спокойнее Сауана, быстро от него устал. Поломалась их дружба накануне задуманного похода.

В тот вечер они по графику дежурили на кухне. Сауан хозяйничал в зале, вытирал столы, собирал посуду и подавал в небольшое оконце. Сакен посуду принимал и мыл в большой жестяной ванне, над которой свисали два больших крана с круглыми металлическими вентилями. Горячую и холодную воду в ванне регулировала мама Таня. Она время от времени, чтобы вода для мытья посуды была чище, воду спускала и набирала снова.

Обычно дежурство завершалось распитием компота "сколько влезет" с сочными беляшами, которые поварахи выпекали специально для дежурных. Дежурить на кухне интернатовцы любили и даже сожалели, что возможность насладиться "домашними" беляшами мамы Тани выпадала лишь раз в два месяца.

По окончании работы ребята, оживлённые и довольные собой, понесли вёдра с помоями к ящикам для пищевых отходов. На обратном пути распалились.

Сауан подставил Сакену ножку, тот упал в снежный сугроб и лёжа, в свою очередь, зацепил друга ногой. Вскочив первым, Сакен со смехом бросился поднимать Сауана, но тот мрачно его оттолкнул.

— Ты что, Сауанчик, обиделся? Ушибся, что ли?

— Уйди!.. А зря ты так со мной. Плохо ты меня знаешь. Попомнишь ещё.

— Да брось ты, не дуйся. Ну извини, если больно сделал. Шутили ведь.

— Ах вот как!.. Ты думаешь, что со мной можно шутить просто так?

Мудрая мама Таня неладное почувствовала сразу же.

— Когда поссориться-то успели, медвежата?

— Да вот успели, — жёстко ответил Сауан, — но ничего, сами как-нибудь разберёмся.

— А чего тут разбираться? Ну-ка, вот вам по пачке печенья — и бегом к себе, мириться.

Придя в свою комнату, Сакен спрятал свою пачку в тумбочку, к походу лишним не будет. Перестанет Сауан обижаться — и отправятся они вместе в горы.

Но что же это друг где-то запропастился? Может, встретил по пути кого-то из ребят и заговорился? Но слишком уж надолго задержался.

Впрочем, вот Сауан и появился.

А за ним почему-то Мамет Аубакиров.

— Как дежурство прошло? Без приключений? — спросил Мамет. — А то до нас вот слухи дошли, что не всё у вас ладно.

— Да нет, нормально отдежурили. Благодарность от тёти Тани заслужили. По пачке печенья нам с Сауанчиком дала. — И, сняв с никелированной спинки кровати полотенце, Сакен стал протирать очки.

— О, да ты очковтирательством занялся, — молвил со смешком Мамет, и неожиданно вырвал очки из рук Сакена.

— Отдай очки! Отдай!.. — бросился к нему Сакен. И вдруг наткнулся на кулак.

Сакен вздрогнул и от растерянности опешил. Мамет держал очки двумя руками, значит, бил не он? Ещё неожиданный удар по лицу. Как!.. Неужели Сауан?.. Но он же друг?

— Что, думаешь, со мной проходят всякие там безнаказанные шуточки?

Сауан явно торжествовал, и было это для Сакена совершенно непонятно. Неужели Сауан не мог выяснить с ним отношения по-другому, как с другом? А Сауан, не давая Сакену опомниться, продолжал с непонятной злобой: "Плохо же ты меня знаешь".

Он намеревался ударить ещё раз, но Сакен, несмотря на то что был совершенно обескуражен, инстинктивно поднял руки и пошёл навстречу Сауану.

Мгновенно отгёр Сакена Мамет. Встал как стена, о которую можно расшибиться. На четыре года, как-никак, старше. Возвращает очки Сакену и расшаркивается картинно, как мог делать во всём интернате только он один. И пока Сакен приходил в себя, обидчики спешно покинули комнату.

На Сакена будто затмение нашло.

Что же это было?.. Как могло такое случиться?..

Сакен никак не мог объяснить себе — как за какой-то пустяк мог Сауан, ставший после ухода Адайчика его лучшим в интернате другом, поднять руку на него и затем спрятаться за спиной старшеклассника? Что же в конце концов сейчас произошло?..

Сакен недоумевал, он был растерян. Никогда ещё в своей жизни он не был так огорчён и обескуражен.

Все ребята были в зале. Смотрели телевизор. И Сауан с Маметом наверняка теперь тоже находятся там. Ничто не мешало Сакену разобраться в происшедшем конфликте. Как несуразно возникшем, так и неожиданно завершившемся.

А разобраться, хотя сделать это было для Сакена невероятно трудно, было необходимо. Его отчаянно душила обида. Она его захлёстывала. И в конце концов на душе стало так горько, что Сакен разрыдался.

Он плакал долго. Вот уже и слёз-то сколько пролилось, а обида всё жгла и боль в душе не проходила.

Сакен не заметил, как в комнату кто-то вошёл.

— Что, малыш, обидел кто?

Это был Алексей из десятого "А".

— Нет!..

— Не бойся. Мы с тобой разберёмся по-честному.

— По-честному? Разве можно по-честному бить в лицо друга? Прячась за спиной старшеклассника? Ну если так сильно обиделся, объяснил бы и позвал, по-честному, выйти один на один... — Предательские спазмы опять сжали горло.

— Ну-ка, пошли!

— Куда?

— Куда надо.

— Зачем?

— Пошли, тебе говорят! Молод, чтобы я перед тобой отчитывался, — Алексей взял Сакена большой крепкой рукой за воротничок пиджака и повёл за собой.

Пройдя полкоридора, они дошли до комнаты, называемой "красным уголком". В ней обычно проводились совещания преподавателей и воспитателей, а

также совета интерната, в который входили директор, несколько преподавателей и старшекласников. Алексей, открыв дверь, протолкнул Сакена в комнату.

Сакен опешил. За длинным столом заседал совет интерната, а в центре, в большом кожаном кресле, возвышалась старшая воспитательница.

Алексей, продолжая подталкивать Сакена до середины комнаты, пробасил: “Чэпэ обнаружил! Драчка произошла, — потом предложил Сакену, — ну давай, малой, выкладывай”.

— Чего выкладывать?

— Кто обидел?

— Предатель!..

— А именно?

— Я сам не предатель! Я не могу выдать.

— Послушай-ка, Нытик и Плакса, я тебя сюда не в бирюльки играть притащил. Раскальвайся в темпе.

— Алексей! — вмешалась старшая воспитательница. — Нельзя так разговаривать с ребёнком. Что за язык ты выбрал для разговора?

— Он другого не поймёт.

— Такого языка дети никогда не поймут. Подумай, пожалуйста, над этим, Алексей. Ну, малыш, так что же всё-таки случилось?

Доброе сочувствие после жестокой обиды — так с ним и прежде бывало, привели Сакена в расстройство, и он заплакал опять.

Сакен не мог успокоиться долго. Рыдая, он едва переводил дыхание. От плача даже икота напала. Но имён обидчиков он так и не назвал. По негласным интернатовским законам рассказывать воспитателям и преподавателям о проблемах между самими воспитанниками не полагалось.

Неладно сложились для Сакена последствия разбирательства в “красном уголке”.

Сам Мамет, бахвалясь, проболтался кому-то из членов актива: “Наказывали вчера вечером одного третьеклашку. Классно вышло, как по нотам, — для наглядности он артистично пропел-проиграл на воображаемой трубе, — до-ми-соль-ми-до”. А когда его вызвали в учительскую, особенно не упорствовал, рассказал, как всё произошло. И его простили, наказали одного Сауана. Что затем обернулось опять же против Сакена.

Когда Сакен вошёл в комнату для занятий по общеобразовательным предметам, никто на его приветствие головы не повернул.

Никто, как обычно, не подошёл к нему словом перемолвиться. Закралась было в душу мимолётная тревога. Что-то неладно складываются сегодня отношения с ребятами, не так они себя, как бывало, ведут. Но за занятиями тревога подзабылась, до самого вечера, пока после ужина не собрались в той же комнате.

Вечером Сакен подошёл к однокласснице Дариге расспросить про задание по арифметике, а она измерила его уничтожающим взглядом и бросила презрительно: “Не подходи ко мне больше, Наушник и Плакса!”.

Сакен едва не выронил дневник.

— Почему вдруг я стал Наушником?

— Меньше по “красным уголкам” бегать надо.

Глаза Сакена предательски замигали, и комната расплылась в неясных очертаниях. Опять обида! Но Сакен справился с собой и оглянулся. За ним наблюдали. Кто с нескрываемым интересом, а кто и с нескрываемым презрением.

Но ведь он никого не выдавал! Он вообще не сделал ничего зазорного!

А как они оценивают поступок Сауана и Мамета? Да они уже оценили, судя по тому, что Сакен стал у них Наушником.

Пусть Дарига дружит с Сауаном, но с друга, как говорят интернатовцы, больший спрос. Почему же она продолжает мило общаться с Сауаном и улыбается, когда к ней обращается Мамет? Может, ребята не знают, как всё на самом деле произошло и следует им об этом рассказать? Но разве он виновен, чтобы перед кем-то оправдываться? Перед кем оправдываться, перед Даригой ли, заранее согласной с Сауаном, даже если он не прав, во всём?

— Нельзя так, слишком категорически, — подала голос восьмиклассница Руфа, с мнением которой за её справедливость считались все интернатовцы, — может быть, у него это было единственной возможностью хоть как-то ответить обидчикам, которых всё-таки было двое на одного.

— Не было у меня никакой единственной возможности! — закричал Сакен. — Не наушничал я! И не надо меня обзывать! И жалеть не надо! А если не знаете, кто проболтался — не надо валить на меня!

И Сакен бросился прочь.

Он побежал по коридору сломя голову, ещё не зная, куда и зачем. Только вбежав в свою комнату, понял, что искал Сауана. Его не было. Но лежал на своей койке Мамет. В одежде на светлом покрывале. Что запрещалось воспитателями и за что Мамет сам любил наказывать других, тех, кто был слабее его, щелчками по носу и по лбу.

Мамет осклабился: “Ба, знакомые всё лица... Что ищем? А может, кого? А может, меня?...”.

— Тебя! Тебя мне нужно! — и Сакен закатил Мамету звонкую оплеуху.

Тот вытаращил глаза и от неожиданности не набросился на Сакена, а вжался в койку.

— Пошли на улицу, артист! Там порисуешься. Драться будем! Один на один!..

Мамет испугался не на шутку.

Что с ним случилось, с этим тихоней-очкариком? То на ровесника Сауана руки не поднимет, а теперь на него, на старшеклассника, набросился? Неспроста... Конечно, не с кондачка на драку намерился. Явно положил заранее что-нибудь тяжёлое в карман, камень или кусок железа, как он сам делает, когда соперник не слабак. Во время драки тяжёлый комок в кулаке усиливает удар.

На всякий случай Мамет полюбопытствовал: “Просто на кулаках выйдем? Без ничего?”.

— Как хочешь! Пошли скорее!

— К чему такая спешка? И вообще, в чём дело?

— Дело в том, что ты негодяй!.. Пошли один на один!

И когда отлетал Сакен от увесистых тычков Мамета — непонятное отчаяние поднимало его на ноги, навстречу новым резким ударам. Но прежде чем опять летел кувырком, Сакен успевал задеть раза два обидчика и кричал что было сил: “За меня! За Адайчика! За меня! За Адайчика!”.

Что он мог сделать, когда против него были выставлены длинные руки шестиклассника?

Мамет избегал столкновений, не подпускал Сакена к себе близко, и здесь старался красоваться, бравировал боксёрской стойкой, как он говорил, “красиво поддерживал свой авторитет”.

Отбиваясь, Мамет при каждом своём удачном ударе коротко похихатывал. Но Сакен его совершенно не боялся. Для Сакена авторитет Мамета, как старшеклассника, существовать перестал.

Сакен это понял, когда закатил ему пощёчину. Он также понял, что перестал уважать Мамета не в тот самый момент, когда закатил ему оплеуху, а ещё раньше, наверняка был уверен Сакен, когда Мамет вызывающе и безнаказанно изгалялся над его совершенно беззащитным лучшим другом Адайчиком. И если он тогда противостоять Мамету и думать не смел, такие в интернате сложились негласные правила, теперь он его совершенно не боялся, он Мамета ненавидел и презирал.

Сакен уловил в смешках Мамета какую-то непонятную для него слабость, Мамет похахатывал мелко и нервно, он, определённо, Сакена побаивался.

И как ни старался Мамет болезненными ударами в грудь, по носу и губам сдерживать значительно уступающего ему в росте упрямого соперника, Сакену время от времени удавалось пробиться сквозь расчётливую защиту длиннорукого старшеклассника.

Сакен был одержим единственным желанием. Он хотел Мамета достать, схватить обеими руками за грудь, свалить его на землю и в упор, сверху вниз увидеть его испуганные глаза.

И он всё-таки через длинные руки Мамета пробился. Сакен его свалил.

Вот уже с полчаса шёл снег вперемешку с дождём.

Они покатались клубком по слякоти. То один окажется сверху, то другой, перекатываясь из лужи на бугорок, с бугорка в холодную лужу, лицом к лицу, враги, обидчик — и обиженный, испуганный — и пугающе яростный.

Случилось так, что теперь один из них с поля боя должен будет бежать. Другого выхода ни у одного из непримиримых соперников не было.

Схватка была очень долгой и утомительной. Но Сакен знал, как бы то ни было, даже если он останется изувеченным, убежит отсюда не он. Сегодня он, даже будучи избитым, во что бы то ни стало для отмщения Адайчика, для избавления себя от косых взглядов и несправедливых поклёпов, должен стать только победителем. Иного выбора у него не оставалось.

Сакен уже еле поднимал руки и ноги. Но, приложив непомерное усилие, он свалил Мамета на спину и в упор взглянул в глаза испуганного врага.

Он замахнулся и хотел было последним ударом разбить Мамету нос или поставить ему большой, какой Мамет однажды с каким-то сладострастием поставил одному пятикласснику, синяк. Но делать этого Сакен не стал. Схватив крепко соперника за уши и что есть сил прижав Мамета к земле, он ещё раз пристально взглянул в его глаза.

Сакен увидел страх Мамета. Униженный Мамет молил взглядом о пощаде.

Встав на ноги и стряхнув с себя снег и грязь, Сакен презрительно бросил поверженному обидчику: «А теперь, позорный “авторитет”, пошёл отсюда вон!”.

Слегка сжатый, податливый в ладонях снег приятно остужал нос и губы Сакена.

Снежок мгновенно пропитывался кровью, но охлаждал, и вскоре кровь из носа остановилась. Сакен спрятал озябшие руки в карманы.

Непроглядная пелена скрыла всё вокруг словно стеной, за плотным снегопадом за три метра ни зги не видно. Незаметно и быстро опустились сумерки.

Не заметить никому из воспитателей или из прохожих взрослых — подозрительно долго засиделся на мокром валуне мальчик, облепленный снегом. Впрямь, игрушечный Дед Мороз. Задумался, сидит себе и сидит. Не шелохнётся, не двинется.

А он не мог покинуть поле боя после столь необходимой для него и неожиданной победы столь скоро.

Сакен победил плутоватого, вредного, большинству его ровесников ненавистного старшекласника.

И теперь Мамет никогда не сможет обидеть ни его самого, не посмеет обидеть в присутствии Сакена никого, кто прежде страшился толчков и щелчков самодовольного Мамета.

Не может знать мальчик, что пересидит на холодном камне.

А белое, коварное дыхание стужи объяло его незаметно и цепко.

Завтра проснуться ему в горячем поту. Затем неделю лежать в горячке в медицинском изоляторе интерната. А потом, когда болезнь обострится и температура у мальчика поднимется до сорока градусов, срочно вызовут машину “Скорой помощи”, которая увезёт Сакена в больницу...

Но сейчас, бывшим другом и многими товарищами обречённый на позор, глядя на бесшумно и бесконечно падающий снег, думает он о канувшей навсегда в прошлое безобидной беспечности. Он поглощён своим горем. Но и улыбается своему отмищённому другу Адаю.

Мальчик теперь убеждён, что отныне будет заходить в комнату для занятий всегда смело. Вопреки загадочным улыбкам подружки Сауана Дариги. Не обращая внимания на нескрываемую ненависть Мамета, после упорного единоборства без постороннего вмешательства всё-таки сбежавшего с места честной драки.

Мамет бежал. Издавая громкие проклятия и угрозы. Бывшие, в сущности, беспомощными воплями побеждённого. И иначе Мамет, наверное, не мог. Таким уж он был.

Между тем, о, мой читатель, случилось худо...

Случилось одно из нелёгких явлений мира — детская печаль...

Свершились жестокие несправедливость с хулой — угнетающие испытания для ребёнка, мальчика, воспринимающего своим сердчишком всё, что происходит с ним и его друзьями и ровесниками, очень близко, слишком близко, ближе, чем кто-либо из его ровесников.

Отчего бы?... Да потому что он таким уж был.

Ссадины на теле Сакена пройдут, царапины на лице залечатся. Заживут со временем раны малые и большие.

Но что же теперь излечит более жгучие раны — сомнения, терзающие неиспорченную наивную ребячью душу моего мальчика?

Что поможет ему избавиться от оставивших в душе след горя и тревог?

Кому заслужить теперь у Сакена искренние доверие и любовь?..

А Анна Борисовна?..

Помнишь, мальчик?..

Она убеждала тебя и твоих товарищей на проводах выпускников-десятиклассников: “Будьте, ребята, готовы в жизни ко всему. И к хорошему, и к плохому. Судьба человека порой, когда накопятся беды, падает вниз. Но пусть вас это не выбивает из колеи. Жизнь затем непременно забирает круто вверх. Свежие силы непременно задушат горе, сладят с невзгодами. Если оскорбят или обидят — смело принимайте вызовы! Боритесь открыто и без страха! Если вы правы — не сдавайтесь никогда. И тогда победите любую трудность, любую беду”.

Может быть, мальчик, ты сегодня, как те выпускники, с неожиданно посуровевшими и возмужавшими лицами, тоже повзрослел?

Строгая жизнь — так будет, хочешь ты того или нет, проверит тебя на прочность ещё не однажды.

И пусть страшится презрения тот, кто вознёсся в непомерной гордыне, считая себя лучшим среди остальных, пусть продолжает терпеть тот, кто терпим к унижениям и не отвергает гнусной клеветы. Ну а ты!.. Ты в меру своих сил, Сакен, возроптал!

Сегодня, мальчик, ты победил...

И всё же несказанная, мучительная печаль не даёт мне своим упреком покоя. Помнишь, мальчик, как застывал ты в недоумении внезапно, будто солнце расщедрилось сквозь разрывы туч, от нахлынувшего ликования — возникновения очаровывающих тебя звуков? Нет, не тех, что многократно проигрывались тобой на чёрно-белых клавишах или тугих струнах, совершенно иных, неизвестно каких, необъяснимых для самого себя звуков? А потом, сквозь них, пробивались слова, уже более осязаемые, твои бесхитростные слова первых детских стихосложений: “Как нелегко на свете жить — но чудно человеком быть!”, что мучило тебя догадками и не давало ответа: то ли это простая удача в рифмослагательстве, или явление необъяснимого чуда, что случается редко, но так тебе по душе...

Пусть же, мальчик, будет твоё пристрастие к справедливости всегда бесконечным. Не могу не быть смиренным перед цельностью души твоей, подобной ясному, произвольно естественному, сверхъестественно свободному ласточкиному полёту. Благоговею также перед справедливостью нашего бытия. Сейчас ты в муках, кои непросто перенести. Но и это течение жизни, залог твоей будущности и твоего, мальчик, грядущего характера.

Подрастай, мальчик!..

Привередливый попался Сакену в больнице сосед. То одно ему не так, то другое не эдак.

Было трудно от нескончаемой резкой головной боли и вдвойне — от бесконечных, выдавливаемых скрипучим голосом стенаний Ермухана.

Ему пошёл семнадцатый год, и его должны были перевести в клинику для взрослых, о чём Ермухан с удовольствием любил порассуждать вслух. Но он продолжал оставаться в клинической больнице для детей. Для “критического” больного, каким признавали Ермухана, опасно было любое резкое движение, при перевозке каждая кочка на пути “скорой” могла бы сыграть роковую роль, и Ермухана до поры оставили в детской больнице.

Все, кто находился в этом отделении, называемом коротким и резким словом “бокс”, относились к “критическим” больным. И лежали они в маленьких комнатках по одному и два человека. Только перед переводом в отделение для выздоравливающих их собирали по четыре-пять человек в большой палате.

Ермухан вполне осознавал своё, тяжелобольного, положение, и частенько капризничал. То отказывался есть, требовал другую пищу, по его желанию. То велел принести несколько одеял и, укрыв его и соседа, открыть настежь окно. И так до тех пор, пока нянечка в сердцах не прикрикивала: “Ну знаешь, у меня таких, как ты, тридцать пять человек! И за каждым, коли все так станут привередничать, никак не поспеть!”.

Но для Ермухана попевали. Удовлетворяли почти все его пожелания. Позже узнает Сакен, что таких, как Ермухан и он сам, “больных под вопросом”, судьбы которых зависели не только от лечения, а во многом и от “благополучного стечения обстоятельств”, было семь ребят.

Не сразу попал Сакен в эту больницу. Была ещё первая, где он пробыл недели две. Там врачи туберкулёзного менингита у него не распознали.

В той больнице больной мальчик внушал врачам и медсёстрам доверие. Они думали, что Сакен без остатка съедал полагавшиеся ему завтраки, обеды и ужины: на щеках его появился румянец, а в глазах — живой блеск. На самом же деле излечения не происходило по вине самого Сакена.

Сакен постоянно нарушал предписание не подниматься с кровати. Попад в общую палату, стеснялся вызывать нянечку с судном и украдкой ходил в туалет самостоятельно. Аппетита у него не было, постоянно подташнивало, и Сакен обходил со своими тарелками товарищей по палате, делил свою порцию на всех.

Потихоньку Сакен начал угасать. Реже поднимался с постели, ему труднее стало ходить в туалет.

Как-то, когда стошнило в очередной раз и он поплёлся к унитазу, силы покинули его, и Сакена в полуобморочном состоянии на полу в туалете обнаружил заведующий отделением. Он срочно собрал консилиум врачей, и после небольшого совещания решили отправить мальчика в специальную детскую клиническую больницу, где через пункцию позвоночника должны были проверить подозрение на менингит.

Болезнь прогрессировала резко.

Сакен не ел, не пил, отказывался от любой еды, исхудал, побледнел, и сквозь пергамент пожелтевшей, истончившейся кожи стали просвечиваться косточки.

Первую неделю в новой больнице Сакен пробыл в состоянии полуобморока. Чуть слышно просил он судно, и Ермухан помогал ему, подхватывал резким голосом: “Няня, судно, судно новенькому!”.

Ермухан затем спрашивал что-то у Сакена, а он, медленно погружаясь в небытие, переставал слышать своего соседа. Ломающийся, перескакивающий с тенора на баритон голосок Ермухана забавлял Сакена, но переставал доходить до него, угасал, вызывая столь угасающую же досаду, вот бы поговорить, а не ответишь... Сакена затягивало в какую-то бездну. И он забывался до тех пор, пока не приходил в себя от ощущения болезненных уколов.

Через месяц, когда состояние Сакена несколько улучшилось, он узнал от Ермухана, что, оказывается, пока был в беспамятстве, ему в сутки делали до двадцати различных уколов.

Как только Сакен стал воспринимать, что почему-то очень обрадовало врача, боль и страх перед уколами, запомнил, что самый неприятный и болезненный из них “магnezия”. После него всё тело сводило столь нестерпимой болью, какую без крика в подушку перенести было невозможно.

И ещё Сакен не любил, когда вводили кровь в ягодицу. Уж очень долго большой болезненный бугорок не рассасывался и под грелкой. А самой нудной процедурой была капельница. Иное дело простой укол в вену: перетянут руку жгутом выше локтя, качнут руку пару раз, ткнут иглой, надавят поршень шприца — и готово. Под капельницей же время тянулось изнурительно долго: неприятнее всего, когда нет рядом ни врача, ни медсестры, и лишь уголком глаза видно иглку в руке, да тянется шланг откуда-то сверху, и тогда одолевала такая тоска — плакать было впору.

Но плакал Ермухан. Довольно часто и громко. Никого не стесняясь. С причитаниями.

Ермухан проклинал свою судьбу, не выбирая выражений.

Он требовал от нянечек и сестёр большего внимания, укорял их в бездушии, а они никак не могли ему угодить.

Ермухана аккуратно переворачивали на живот, обрабатывали мучившие его пролежни и, запугивая какой-то ужасной водянкой, не позволяли пить воды столько, сколько ему хотелось.

Врачам для того, чтобы уговорить Ермухана на пункцию, требовалось немало усилий.

Ермухан рассказал Сакену, что был у своей матери, одинокой женщины, единственным сыном. Жила она в ауле, находившемся далеко от большой дороги. Автобусы туда не ходили, и добиралась она до трассы часов пять, на чём придётся, то на телеге, то на тракторе, потому приезжала редко.

Она не однажды объясняла Ермухану, что её не могут отпускать с работы чаще. Труд доярок нелёгок и их постоянно не хватает, мало желающих работать на ферме. Подменять её некем, и недовольный её отлучками заведующий фермой постоянно ворчит.

Ермухан тосковал по матери жутко. Иногда звал её, рыдая в голос: “Ма-ма-аа!.. Мама моя-аа... Ну когда же ты приедешь?.. Или ты меня совсем позабыла!..”.

И странное дело — когда он её призывал, его мама, будто услышав Ермухана, приезжала.

После отъезда матери Ермухан в день по несколько раз просил яблок и гранатов, что покупались на оставленные ею деньги. Но не могла обеспечивать фруктами сына так, как он этого хотел, мать-одиночка. И сердобольным медсёстрам приходилось прикупать фрукты за свой счёт. Об этом Сакен случайно узнал из разговора врачей.

Приезды матери Ермухана были желанными и для Сакена.

Он радовался бурным проявлениям любви к Ермухану его матери и немножко ему завидовал, а потом, у неё и для Сакена находились добрые слова. Она нет-нет да сетовала, что до сих пор не едут к Сакену из дома, и успокаивала его как могла. Его родители, говорила она, ещё не знают, что Сакен находится в больнице. Не то, она в этом уверена, давно были бы здесь.

Жадно разглядывая исхудавшее лицо Ермухана, целовала и целовала мать сына в нос, в лоб и глаза... Брала его руки и окунала в них своё лицо...

— Сынок, — говорила она, — ты не представляешь, как мне тебя не хватает. Ты же мой незаменимый помощник. Но не только поэтому. Мне так без тебя тоскливо... Ты уж давай выздоравливай скорее. А то я без тебя уже и жить не могу... Если бы ты знал, как это замечательно, когда ты рядом со мной... Давай-ка выздоравливай поскорее. Возвращайся домой.

Ермухан довольно ворчал: “Ладно... Скоро поправлюсь и приеду... А то в ауле без меня, наверное, и порядка нет...”.

Ермухан ворочался на скрипучей кровати, ворчал и ворчал на свою долю и рассказывал Сакену подряд всё, что ему вспоминалось.

— Говоришь — из музыкальной школы? Ну так я тоже музыкант, — повторял он неоднократно и выводил губами, словно на трубе, свой репертуар из трёх похоронных маршей, которые знал.

С особым усердием он низким голосом изображал барабанный бой “бам-бам”... Около года Ермухан подрабатывал в похоронном оркестре и любил объяснять Сакену, как почитаема и необходима его профессия и какие заработки у каждого из музыкантов.

Он, барабанщик, получал свою долю из общего заработка меньше всех. Считалось, что у него самая лёгкая и неквалифицированная работа. Но он не променял бы тяжёлый барабан на лёгкую денежную трубу или красивую валторну. Когда приходится играть зимой — губы на морозе пристывают к мундштукам, и однажды, когда трубач Назар забыл помазать их вазелином, они прилипали к мундштукам и затем не заживали с полмесяца.

— Я умру, — говорил печально Ермухан. — Никто не знает, ни врачи, ни мама, только один я знаю, что умру.

— Так нельзя говорить, — возмущался Сакен, — надо верить только в хорошее. И тогда всё будет хорошо.

— Ты, малец, давай молчи, когда старшие говорят. Слушай лучше. Я же знаю, что говорю. Так вот... Мои друзья бесплатно сыграют на моих похоронах. Так, как играют только своему товарищу.

— Ермухан, прошу тебя, не надо об этом, а? — упрасивал соседа Сакен. — Ну зачем же это, а?..

— Это будет в начале или середине марта. Будет не так холодно. Ребятам не придётся плохо думать обо мне. Не как о других умерших, которых хоронят в сильные морозы. Я умру не раньше середины марта. Я это знаю.

Одна из медсестёр рассказала Сакену с Ермуханом, как выжил в далёком Китае тяжелобольной, недуг которого считали неизлечимым. Он выжил благодаря исключительно силе воли, желанию жить. И во время особенно сильных приступов головной боли Сакен стал повторять мысленно: “Чтобы жить — нужно хотеть жить!.. Чтобы выздороветь — нужно этого хотеть”.

Временами его озадачивало. Ведь он же не так думает, как ему полагается, не по-детски. Может ли быть сила воли у него, у девятилетнего ребёнка? Какая сила воли может быть у него, когда он ещё не знает многого из того, что должны знать и знают взрослые?

Но привычка верить взрослым в конце концов побеждала. Если так думать велит медсестра, значит, ему уже пора думать по-взрослому? А потом, это воистину неотвязное желание жить!.. Ему так хотелось жить, особенно после Ермухановских монологов. Значит, он имеет полное право думать так, как ему посоветовала медсестра?

Небывало далёкими стали дни, когда он застывал, озарённый ликующими строчками рифмованных слов о счастье жизни. Но они, эти великолепные дни — они же были!.. Сакену очень не хотелось, чтобы прервалась память о тех днях, чтобы когда-нибудь они ушли в непонятное пугающее небытие. И он стал чаще вспоминать о том, что когда-то ходил, бегал, играл в догонялки, в футбол, бродил с друзьями по бескрайним полям, оврагам и холмам вокруг аула. Сакен вспоминал, как купался в речке, загорал на тёплом, а порой обжигаяще горячем песке и следил за стремительным полётом в небе ласточек, по вечерам сидел с

друзьями у костра... И ему всё больше желалось, чтобы это когда-нибудь повторилось. Повторилось не однажды. Жизнь, оказывается, так прекрасна. И как жаль, что он не понимал этого раньше.

Ермухан умер.

Его выносили на детских, коротких носилках. Других в детской больнице не оказалось.

Ноги Ермухана, неприкрытые простынёй, свисали в коленях вниз.

Белые, тонкие, они качались одновременно в такт шагам медсестёр.

Накануне нянечка Маша убирала в их палате.

Ермухан, как обычно, причитал что-то своё, порой не совсем разборчивое. Затем громко попросил попить воды.

Нянечка давала ему недавно полстаканчика кипячёной воды, и дабы не огорчать Ермухана очередным отказом, попросила его подождать, пока домоет пол.

— Пить тебе ещё не скоро предстоит. А я вот что сделаю, смочу в водице бинтик и протру тебе губы, хорошо? Увидишь, это тебе понравится.

Ермухан согласился на удивление легко. Ещё через минуту отказался и от воды, и от увлажнённого бинта.

— Ладно, не надо лишний раз ходить туда-сюда... Лучше накройте меня простынёй с головой.

— Тебе дышать будет тяжелее.

— Тогда я сам это сделаю.

— Зачем? Если ты так хочешь — подожди. Сейчас домою полы, отнесу ведро, помою руки и приду.

В одной руке швабра, в другой ведро, нянечка оставила дверь открытой. Усиленные пустотой коридора ясно различались голоса малолетних больных. Врачи говорили, что плача от боли, малыши усложняют своё положение. Головные боли от плача только усиливаются. Но разве объяснить несмышлёнышам, если многие из них ещё двух слов не связывают.

Ермухан медленно натянул простыню на голову.

— Зачем? — спросил Сакен. — Задохнёшься ведь.

— Умирать буду.

— С этим, — сказал Сакен, — шутить, говорят, нельзя. Не надо такое говорить вообще.

— Говорить, не говорить — а всёё!.. Моё время пришло.

— Перестань, Ермухан! Мне страшно.

— Да совсем это, оказывается, не страшно. Ну давай, братишка, не обес-судь, если что было не так. Всё. Не болтай больше. Не мешай мне.

Нянечка вернулась с увлажнённым бинтом.

— Ну-ка давай, милоч, поможем тебе.

Ермухан не отвечал.

Под простынёй угадывались очертания сложенных крест-накрест рук. Приоткрыв лицо Ермухана, нянечка испугалась.

— Нельзя, Ермуханчик, так шутить! Нельзя...

Ермухан не отвечал.

Она наклонилась, пощупала пульс, послушала дыхание и бросилась из палаты.

Тут же пришли медсёстры и дежурный врач.

Недолго и тихонько посоветовавшись, ушли за носилками.

Сестричка Нина Мироновна сказала Сакену, что Ермухана перевели в другую палату и скоро повезут в больницу для взрослых.

Сакен понимал, что эта ложь для него необходима. Чтобы у него хватило веры и сил для преодоления страха перед мрачной развязкой, свидетелем которой довелось стать, ему нужно думать именно так, как ему говорят.

И он принялся уверять себя в том, что Ермухан жив, что его действительно перевезли в больницу для взрослых. Там его обязательно вылечат. И возможно, когда они оба выздоровеют, смогут увидеться.

Сакен уверил бы себя в этом непременно. Он заставил бы себя поверить в это окончательно, кабы через два дня под окном не раздался голос матери Ермухана.

Сакен слышал, как её просили отойти от окна и объясняли, что тело сына находится не здесь.

Но под этим окном, под последним окном тяжело болевшего сына, в редкие свои приезды, когда её не пускали в палату, она простаивала часами. В этой комнате её сын прожил последние дни и часы.

На одном дыхании, с выворачивающей душу тоской горестной мелодией, преисполненной неизбывной боли, пела она сыну материнскую Последнюю Песнь.

“Был у меня святой родник, чистый родник моей души... Он давал мне утладу среди сплошных тягот и нескончаемых страданий... Мой Ермухан... Моё спасение от одиночества. Источник сил моих и желаний... Был ты... мой Ермухан!.. Жеребёночек мой длинноногий, ягнёночек мой безобидный, верблюжонок мой ясноглазенький... Ермухан... Мой красивый и сильный... Мой нежный и чуткий... Сын мой единственный... Ермухан!..”.

Сакен закрыл глаза, стиснул зубы, а слёзы лились, лились по щекам, по шее, промокла простынка под затылком. Билась о стекло лицом горящая женщина, самый несчастный сейчас человек на всём белом свете. Горе! Ох, какое горе!.. Сакен вспомнил, как разлучали его с мамой в интернате.

— Не надо! — закричал Сакен. — Не надо, сестрички! Не гоните её от окна!.. Не мешайте ей!..

— Скажи честно, — врач Айгуль Токаевна своими пронзительными глазами заглянула будто не в лицо, а в душу Сакена, — вставал Ермухан по ночам, а может быть, садился?

Никого Сакен, если скажет правду, не предаст. Ермухану вреда от того, что он скажет, не будет. И ведь врач ждёт от него правды для пользы других?

— Да... Ермухан иногда садился. Он хотел посмотреть в окно, как тает во дворе снег.

— Я это предполагала. Видишь ли, Сакенчик, Ермухан поступил в нашу больницу в состоянии даже лучшем, чем ты. Он бы непременно выздоровел. Но он не выполнял наши предписания. Он нам не верил. Вернее — он не хотел

верить и нам, и в своё выздоровление. А ты у меня сейчас уже выглядишь молодцом. Если хочешь быстрее выздороветь, вернуться к любимым занятиям, к музыке, к играм, ходить в кино, в зоопарк — делай всё так, как тебе велят. Не нарушай, не нарушай режима! Хорошо!

— Да...

— Не поднимайся ни в коем случае, пока я тебе не разрешу сама. Верь, этот день не за горами. Хорошо?

— Да...

— Пока ты у меня, повторяю, молодец. Особенно последние недели. Будешь так держаться — дней через десять разрешу дать под голову подушку. Поверь, месяца через три-четыре позволю сидеть.

Вот как!..

То, о чём сообщила Айгуль Токаевна, было сокровенной мечтой каждого тяжелобольного.

Опытный Ермухан рассказывал Сакену о радостях, ожидающих выздоравливающего. Первый основательный признак выздоровления — это когда разрешают лежать на подушке. Потом, через несколько месяцев, разрешают сидеть. А затем, не больше чем через полгода, разрешают начать ходить. Сначала понемногу и осторожно. Но начинают ходить...

Совсем недавно Сакен об этом лишь мечтал. А тут сама лечащий врач подтверждает — идём на поправку, всё прекрасно!

Сакен зажмурился от восторга: «Ах, хорошо на свете жить! Ах, хорошо на свете быть!».

Головные боли прошли. Время, когда хотелось хоть во сне забыться от невыносимых тисков, сдавливающих затылок и виски, прошло. Можно было думать о чём захочешь. И голова от этого нисколько не болит. Дела явно складываются прекрасно.

— Будем жить! — сказал Сакен вслух. — Жить будем!..

У Сакена появился новый сосед, Коля Дежерев, годом младше. Серьёзный мальчик с большими печальными глазами.

— Ты почему, Коля, такой грустный?

— Потому что мне грустно.

— Отчего тебе грустно?

— Я думаю о будущем.

— А что, будущее должно быть обязательно грустным?

— Когда я вернусь в свою школу, никто не станет дружить со мной. Все будут обзывать меня меннингитиком.

— Откуда в твоей школе известно, что такое менингит?

— У нас был один меннингитик. Над ним все постоянно издевались.

— И ты тоже издевался?

— Нет...

— Он что, учился плохо?

— Ты что, он был отличником.

— И отличника дразнили?

— Он же был меннингитиком. Никто с ним не дружил. Потом родители перевели его в другую школу.

— И ты перевестись сможешь.

- Бесполезно. Ты Мишку не знаешь.
- Кто это? Твой враг?
- Брательник мой. Мы с ним двойняшки. Но он вреднее. Ему только дай повод подразнить.
- Коля, скажи честно, ты того мальчика, отличника, тоже дразнил?
- Было дело.
- А зачем?
- Ну... как все, так и я.
- Коля, а вы потом, ребята из вашего класса, ты, с тем мальчишкой потом как-нибудь общались?
- Как это? Он же в другую школу перевёлся?
- Но вы с ним разве не встречались? Не разговаривали, не пробовали ему дать понять, что он нормальный, что он такой же, как все, что вы жалеете, что всё так произошло?
- А зачем это ему?
- Да вот, понимаешь, я, например, думаю, что после того, как я выйду из больницы и уйду в другую школу, захотят ли ребята из моего бывшего класса увидеться со мной? Захотят ли узнать, как я учусь, как ко мне относятся в новой школе.
- А зачем им это?
- Это?... Им, может быть, и не надо. Это надо будет мне. И твоему бывшему однокласснику это, может быть, тоже надо.
- А мне-то оно зачем? Что мне больше всех надо, что ли?..
- Теперь и тебе, Коля, оно надо.

После разговора с Колей Сакен вспомнил своего друга Аскарика из интерната.

С тех пор как между ними произошло так огорчившее Сакена недоразумение, он не мог забыть ни Аскарика, ни своей вины перед ним, что будет теперь ему укором, наверное, на всю жизнь.

Аскарик играл на валторне. Он немножко картавил и выговаривал название своего инструмента несколько забавно, отчего за ним закрепилась кличка "Торля". По имени Аскарика никто не называл, и почему-то при этом ни у кого никаких вопросов не возникало, в том числе и у Сакена.

Сакен, как и все, называл Аскарика не по имени. До поры до времени Аскар ему ничего не говорил. Но однажды попросил называть его только по имени. И Сакен согласился легко и с удовольствием: а почему, действительно, все называют его друга не по имени?

Но как-то Сакен забылся и, вовсе не желая досадить другу, по привычке окликнул Аскарика не по имени. И, конечно же, не ожидал, насколько сильно обидит этим друга. Аскар немедленно вызвал Сакена выйти драться один на один.

Сакен извинился перед Аскариком не раз, но его другу, видимо, уже было необходимо доказать всем, что отныне пренебрежительного отношения к себе он не позволит никому, даже друзьям. Сакен понимал, что Аскар прав, и продолжал упрашивать друга простить его. Но Аскарик был непоколебим.

Выяснение отношений, которое трудно было назвать дракой, происходило при свидетелях, в раздевалке.

Аскар драться не умел и только толкался, да и то неумело. При желании Сакен мог бы его поколотить, но он лишь ловко увёртывался от толчков Аскара.

Со стороны, наверное, это выглядело забавно, потому что наблюдавшие за дракой ребята громко смеялись. И это настолько разозлило Аскара, что он расплакался.

Сакен, увёртываясь от наскоков Аскара, продолжал его успокаивать: “Я же не специально. Ну что ты, Аскарик... Ну поверь. Честное слово, нечаянно получилось. Давай прекратим...”.

И затем Сакен допустил жестокую, непоправимую ошибку.

Он изрядно устал от шума и гама, стоявшего в раздевалке, и не заметил, как произнёс унижительную для друга кличку снова: “Ну прости же меня, наконец, если обиделся... Ну что ты, Торлик...”.

Ребята захохотали громче прежнего, а Аскар выбежал из раздевалки прочь.

Сакен нашёл Аскарика.

Он сидел в пустом и тёмном актовом зале один и тихо плакал.

Пучок света через стеклянную дверь освещал милое лицо друга. Сакен видел, как слёзы медленно, одна за другой, катились по щекам необычно тихого и задумчивого Аскарика.

Сакен стал умолять друга простить его и объяснил, что в первый раз оговорился нечаянно, а в раздевалке в пылу драки. Сакен убеждал Аскара в своём искреннем к нему уважении: ведь он даже не пытался ударить Аскара ни разу, и не смог бы этого сделать никогда, потому что слишком сильно его, своего друга, ценит. Он просил простить его, если Аскарик этого захочет, при всех, прилюдно. Он готов попросить у Аскарика прощения при всех хоть сейчас.

Но Аскар, видимо, был слишком обижен и слушать Сакена не хотел. И Сакен растерялся. Он молча смотрел на расстроенного друга, а затем... Затем сел возле Аскарика и расплакался сам. Аскарик же встал и ушёл. Сакен ещё долго сидел в пустом зале один и плакал.

На следующий день он подошёл к другу объясниться вновь, но Аскарик отвернулся.

Вспомнив, считавший для себя постыдным, давний случай, Сакен, мысленно обратился к другу.

Аскарик... Ты очень хороший друг. Если я тебя и обидел, то не потому, что специально, а нечаянно. Ты меня прости, Аскарик. Я больше не хочу возвращаться в интернат. Мне туда почему-то не хочется. Поэтому, может быть, мы с тобой теперь никогда не увидимся. И я не хотел бы, чтобы ты думал обо мне плохо.

Аскарик, я тебя всегда уважал. И если бы был рядом — никогда бы не дал в обиду ни Мамету, ни Сауну. Даже никому из десятиклассников — пусть они расквасили бы мне нос и наставили синяков. Я бы тебя, Аскарик, защищал от всех твоих недругов всегда ...

Я тебя, Аскар, очень уважаю... Но в интернат теперь возвращаться не хочу. Не потому, что кого-то боюсь. Я не боюсь теперь никого. Просто мне так не хочется возвращаться в интернат, где слишком много несправедливостей. Там обижали Адайчика, там обижают тебя, и мне там будет всегда нелегко.

Сакен не мог не вспомнить ещё одного хорошего друга из интерната, Алика. Его все называли Мартышкой, и он напротив, на клички несколько

не обижался. Однако Сакен не называл его по кличке ни разу. Прозвище друга казалось ему некрасивым и обидным.

Алик умел и частенько любил корчить забавные рожицы. Плотнo сомкнув губы, он засовывал язык между нижними зубами и губой, оттопыривал руками уши перпендикулярно голове и верещал как обезьянка.

Он был маленьким, быстрым и вертлявым, и действительно напоминал обезьянку, и почему-то прозвище Мартышка нравилось ему самому.

У Алика не было отца и матери. Его воспитывала одна бабушка — большая, грузная, приезжавшая навещать внука два раза в неделю, посёлок, в котором она жила, находился рядом с городом.

Бывало, что все ребята были заняты, а Сакен с Аликом оказывались во дворе только вдвоём. Они уходили на хозяйственный двор, где лежали сложенные в большую длинную кучу различные строительные материалы. Побегав по металлическим листам, гудевшим под их ногами на различные лады, они затем перебирались на связки гладко выструганных досок, рядом с которыми возвышались связанные груды стволов.

От досок и стволов пахло чем-то непонятным и приятным, запах этот слегка тревожил и волновал, навевал мечты о чём-то очень отвлечённом от интернатовской жизни, находившемся где-то очень далеко, то ли за городом, а может быть, ещё дальше, за горами и морями, и вдыхать чарующий аромат хотелось всё время, так был этот запах загадочен и приятен.

Казавшееся достижимым нечто непонятное звало к себе неотвязно. Алик говорил, что навеваемый ароматом смолы волшебный запах старшекласники называют духом свободы. Он, этот дух, свойственен каждому человеку. А из сосновых стволов, говорят старшекласники, готовят матчы для кораблей, на которых бороздят бескрайние океаны и моря вольные и сильные люди.

Просиживая вместе на досках немало времени, Сакен и Алик испытывали очень схожие чувства, им вместе и легче было сообща тосковать по своим домам. На досках они играли вдвоём в такие игры, в какие в интернате кроме них не играл никто, увлечённые друзья придумывали их для себя сами.

Алик учился довольно хорошо и легко. Также играючи он осваивал скрипку. Старшекласники говорили про него: “Из нашей Мартышки со временем получится человек, и возможно даже очень известный человек”. И когда Алик неожиданно покинул интернат, для Сакена это стало большим потрясением.

Сакен не знал, верить услышанному или нет, но говорили, что один из старшекласников обвинил Алика в воровстве. Алик якобы украл у него девяносто копеек.

Старшекласник избил Алика. И теперь и старшекласника, и Алика вместе с ним исключили из музыкальной школы.

Сакен не верил, что Алик мог что-то украсть. Тем более девяносто копеек. Они ему не были нужны. Старшекласник, скорее всего, избил Алика, чтобы показать свою силу, а потом, чтобы оправдаться, обвинил Алика.

Уходя из интерната, Алик даже не попрощался с Сакеном. Ребята говорили, что он на всех сильно обиделся и не хотел видеть никого. Ночью, после отбоя, зажав подушкой лицо, Сакен оплакивал своего друга долго и горько. Пока не раздался голос Мамета: “Ну кто там ещё скулит, спать не даёт!”. Было это до того, когда Сакен победил Мамета.

А у самого Сакена клички и унижения начались с брата Алимжана. Он первым обозвал Сакена. Да, конечно же, клички начались с него.

— Ну-ка ударь, ударь! — науськивал он Сакена на ребят старше его. Сакен знал, что останется безнаказанным, рядом был брат, гроза округи, первый забияка и драчун. Но рука на незащитных ребят у него не поднималась.

Другое дело, когда Дылда-Сеитжан, двумя годами старше, скуки ради дал Сакену затрещину.

— Пожалуйшься брату, — предупредил Сеитжан, — скажу ему, что ты выдумал. А тебе, Плакса, если пожалуешься, ещё поддам.

Оскорблённый Сакен возжаждал отомстить наглому обидчику. Он искал случая, и подвернулся он совсем скоро.

Сакен шёл с рулём от детского велосипеда в руке, подобрал по дороге на всякий случай, а вдруг кому-нибудь из ребят пригодится. Сеитжан подъехал к нему на ослепительно новом велосипеде “Орлёнок”, с красно-белыми крыльями над новенькими чёрными шинами, с сияющими никелированными спицами, и лихо тормознул.

— Это ты, трусишка, живой ещё? Скажи-ка мне точнее, кто ты: Трусишка, Плакса или Нытик?

Крепко сжимая в правой руке руль, Сакен двинулся к Сеитжану. Медленно и решительно.

— Ты чего? — почувал неладное Дылда.

— Ничего.

— А чо ко мне с рулём идёшь?

— Я им тебе сейчас голову проломлю!

— Да ты что! А я разве тебя трогал? Нет, разве я тебя когда-нибудь трогал?

— Нет, оказывается, ты меня никогда не трогал. И больше никогда уже не тронешь. Теперь, Дылда, я тебя трону. Я тебя не просто трону — убью.

— Ну ты что, Сакеша!.. Да если и было что когда-то между нами, стоит ли об этом вспоминать, а? Сакенчик, не обижайся. Забудем прошлое. Давай помиримся.

Слово, где мелькнул корень приятного слова “мир”, обезоружило Сакена. Его рука уже была на взмахе, и он едва успел перенести нацеленный на голову Дылды удар на руль “Орлёнка”.

Быть бы беде. Оба поняли это мгновенно. Удар был очень сильным и потряс велосипед Сеитжана.

Перепуганный Дылда завопил в голос. От испуга он не заплакал, зарыдал: “Что дома скажу? — укорял он сквозь рыдания. — Новый велик испортил. Отец, знаешь, как ремнём дерёт. Что я ему скажу?”.

Грозный соперник повергнут. Чёрные сколы обезобразили блестящую никелировку руля велосипеда.

Перенесённое напряжение и картина истязуемого Сеитжана, в чём повинен, конечно же, он, потрясли Сакена. И он присоединился к Сеитжану, заплакал вместе с ним.

Тут как тут возник Алимжан. Какой случай привёл его в свидетели? Дав подзатыльник Сакену, он погнал его домой.

— Почему не ударил? Позорник! Нытик! Плакса! Почему не бил? — и, удивляясь необычному поведению братишки, продолжал вопрошать: — Скажи, ты не знал что я рядом? Ты напал первым? Ты на Дылду сам напал?

Грубостей от брата жди каждую минуту. Оскорбления его уже задевали мало, привык. Брат и на улице, и дома рядом. Хуже, что слетавшие с его злого языка ядовитые клички повторялись дружками Алимжана. А за ними другими, что помладше, и так до самых сверстников Сакена, что переносилось значительно труднее.

Тот же Сеитжан на другой день, пролетая мимо на “Орлёнке” на большой скорости, показал кулак и прокричал: “Плакса! Плакса! Нытик! Плакса!”.

Трус, он не покидал своего быстрого велосипеда до конца лета, пока не уехал Сакен в интернат. Набирая скорость, Дылда мчал мимо Сакена и орал во всё горло: “Плакса! Плакса! Нытик! Плакса!”.

Сакену это надоело изрядно, и он решил положить выходкам подлого Дылды конец. Но тот, издали разглядев в его руках палку, резко дал по тормозам, развернулся и умчал, и больше на улице Сакена не появлялся. И то ладно. И это было небольшой победой.

Потом у Сакена случилась ещё пара небольших войн. Но завершились они намного благоразумнее, нежели стычки с Дылдой-Сеитжаном.

Первое противостояние началось у Сакена с Аманом. Он был не старше и не сильнее Сакена, одного с ним роста и такой же худой. Справиться с ним Сакену труда не составляло.

Почему же Аман начал задиранья, и происходило это достаточно часто? Сакен поначалу не понимал. Прозрение наступило, когда Аман, возвращаясь после купаний на пруду, проходил мимо дома Сакена. Увидев, что Сакен направляется к нему, Аман задал стрекача. Но стремительный бег не спас Амана, Сакен нагнал его через пять домов и преградил ему путь.

— Ты чего от меня убегаешь?

— А ты чего за мной гонишься?

— Да не хотел я за тобой гнаться. Я просто хотел с тобой поговорить.

— О чём ты хотел поговорить возле своего дома?

— Да всё о том же. Например, зачем ты затеваешь драки, когда я бываю в парке возле клуба?

— Потому, что этот парк находится возле моего дома. А ты там чужой. И я там должен приставать к чужим, чтобы знали, кто рядом с парком живёт.

— А если я тебя на пруд не буду пропускать?

— А что, пруд твой собственный, что ли?

— Нет. И парк тоже не твой. Но ты же лезешь ко мне драться в парке, возле своего дома? Значит я теперь тоже, когда пойдёшь купаться на пруд мимо моего дома, всегда буду тебя здесь ловить и бить.

— А если не заметишь?

— Раньше, может быть, не замечал. А теперь обязательно, специально буду тебя здесь ловить.

— Тогда я не буду ходить купаться на пруд.

— Так не может быть.

— Может.

— Как это, все будут ходить, а ты не будешь? Ну и не ходи. Будешь всё лето дома сидеть. А попадёшься на пруду — тогда я тебя утоплю.

— Нет, Сакеша, так не надо ...

— А как надо?

— Надо как-то по-другому... Нам с тобой теперь надо по-человечески.

— Ну так не приставай ко мне в парке. И я не стану тебя трогать на пруду.

— Это будет правильно. Ну давай, мир, — протянул руку Аман. И они ударили по-мужски по рукам. И после этого не ссорились никогда.

А вот с Майтеком у Сакена дела не заладились.

Ни один поход Сакена в сельский парк не проходил без драки с Майтеком.

Он тоже жил возле парка и приставал ко всем ровесникам, приходившим в клуб или парк с других улиц.

Поединки с Майтеком завершались для Сакена с переменным успехом. Побеждал то один, то другой. Стычки для них стали делом привычным.

Сакен бы справлялся с Майтеком всегда, но он был толстым, заметно тяжелее, и иногда Сакен не мог оторвать его от земли. Если Сакену не удавалось вывернуться из-под туши Майтека, тот оказывался сверху, и находясь под ним, из-под него выскользнуть было не так просто. Но Сакен, будучи ловчее, нередко оставлял соперника в дураках.

Одно не нравилось Сакену — когда он побеждал Майтека, его дружки молчали. Но если сваленным оказывался Сакен, поднимался невообразимый шум. И у Сакена настроение изрядно портилось на весь оставшийся день.

Их потасовкам положил конец Алимжан. Видно, кто-то из ребят рассказал брату, что Сакен время от времени участвует в парке в кулачных боях. И Алимжан неожиданно нагрянул во время одной из драк.

— Ты чего пристаёшь к моему братишке? — спросил он у Майтека.

— А чего он в парк ходит?

— А ты что, хозяин парка?

— Да... Я... И другие пацаны, которые живут возле парка.

— Да что ты говоришь! А вот я думаю, что здесь хозяин я. Со своими друзьями. А не такой наглый шпендик, как ты. — И Алимжан, схватив Майтека за воротник куртки, встряхнул его.

— Так, пора с этим делом разобраться раз и навсегда. Ну-ка, Нытик, дай этому пухленькому поросёнку по морде.

— Да мы с ним сами как-нибудь разберёмся...

— Больно долго ты с ним разбираешься. Половина лета прошла — никак не разберёшься. Давай положим недоразумению конец. Расквась поросёнку морду так, чтобы к моему братишке больше никто никогда подходить не смел.

— Алимжанчик, не надо... Я прошу тебя... Ну не надо, а?..

— Эх ты, позорник!.. — и Алимжан закатил Майтеку звонкую пощёчину.

Майтек заорал во весь голос. Наверное, он плакал от испуга и боли. А может быть, и от обиды? Слишком унизительно закончилась его слава хозяина парка.

Сакен тоже испугался. Когда он дрался с Майтеком, они не били друг друга по лицу. Они толкались, боролись, а если били кулаками, то только не по лицу. А тут такая страшная пощёчина.

Майтек орал и размазывал по грязным большим щекам слёзы. И Сакену стало его жалко. И Сакен неожиданно для себя присоединился к нему.

— Ты чего! — поразился Алимжан. — Ты-то чего вопишь?

— Майтека жалко... — пролепетал Сакен.

— Дурак. Нытик! А он тебя, когда валял в пыли под крики своих дружков, он тебя жалел?

— Ну... Ну так мы же сами... разбирались...

— Вот и топай теперь отсюда. Сиди дома три дня.

— Почему?

— Потому что теперь тебе не разрешаю приходить сюда я. Подумай, пока ума не наберёшься.

— Я Амана не испугался. Майтека не боялся. И тебя слушаться не стану.

— Не разговаривай со мной так больше! — и Алимжан дал братишке такого подзатыльника, что Сакен уткнулся носом в пыль.

Все засмеялись. Что Сакена очень задело. Но больше всего его поразил Майтек, вытирая слёзы на грязном лице, он злорадно улыбался.

— Сакенчик, сегодня мы немножко откроем тебе окошечко. Так вот, набросим ещё одно одеяло — и дыши только через нос. Хотя на дворе весна — воздух ещё сырой и прохладный. Скоро Коля к тебе вернётся с прогулки.

Вот и ещё одна радость! Первые дни весны на улице.

Наблюдая яркий перепляс солнечных зайчиков на потолке, отражаемых стеклом открытого окна, Сакен представлял их живыми.

Они ворвались в открытое окно и бегают, резвятся специально — чтобы развеселить его.

Здорово-то как!..

Ещё одна радость случилась через пару дней! Большая, великая, необъятная!..

Мама приехала! Долгожданная, родная мама!..

Она опустилась на колени перед кроватью Сакена и положила голову на его вытянутые поверх одеяла руки... А потом целовала их, тонкие, с просвечивающимися под кожей голубыми жилками, нежно, бережно...

А он от переполнивших его чувств мог лишь только шептать... Как заведённый... Только одно слово...

— Мама!.. Мама... Мама...

Она оправдывалась скороговоркой.

Старшеклассница из интерната Зина, что из их аула, приезжая изредка домой из интерната, постоянно передавала, что Сакенчик жив-здоров, и скоро привезёт его с собой домой на каникулы.

Дома верили и ждали. Мало ли забот у матери восьмерых детей.

Только вчера призналась Зина, смущаясь, что вынужденно обманывала. Ей так наказали в школе. Врачи сказали, что Сакен был в плохом состоянии, и его нельзя было тревожить лишними волнениями. А теперь, сказала Зина, у него дела пошли на поправку и можно навестить.

Так вот и узнали запоздало, что он лежит в больнице.

Мгновенно и бесследно растаяли все, какие были, обиды.

Вот она, мама... Любимая, единственная, родная!..

Ну что ты, милая мама, разве можно теперь расстраиваться? Всё худшее уже позади.

Теперь я не такой больной, каким был раньше. У меня не болит голова как прежде, и меньше стали делать уколов... А punkции стали брать только раз в две недели... Обещали, что скоро станут делать только раз в месяц. Знаешь, мама, какие они болочие, punkции. Когда делают неумело — будто током ударяет. А вот Галина Сергеевна всегда делает их мне очень хорошо.

Теперь, мама, ты, наверное, будешь приезжать чаще?

Мне не нужно конфет и печенья. Не привози вообще ничего. Ты только просто приезжай, и всё. Договорились?

И братья с сёстрами пусть, если смогут, пусть тоже приезжают.

Мама, как ты думаешь, я смогу опять учиться в музыкальной школе? Но только не в этой, в другой.

Странное дело, в интернате над всеми его чувствами преобладала тоска по дому. Лучше родного дома в мире для Сакена места не было и быть не могло.

Но когда Сакен длительное время находился дома, в разгаре летних каникул у него порой появлялось желание оказаться в музыкальной школе.

Иногда, хотя бы ненадолго, ему хотелось окунуться в суету интернатовской жизни. В непрекращающийся гомон голосов, сопровождавший в интернате на каждом шагу, в столовой и в комнате для занятий, в комнате для игр и на спортивной площадке. А самое главное — его привлекал очаровывающий мир музыки...

В интернате у каждой аудитории свой голос: виолончели, скрипки, фагота, альты, арфы, фортепьяно или флейты... Сакен особенно любил слушать, как занимаются старшеклассники. У них задания были не простенькие гаммы и этюды. Они играли настоящие произведения. И Сакен всегда мечтал о том, что когда-нибудь сможет так же легко и просто играть красивые произведения известных композиторов.

В полдень, когда в ауле все переживали пик жары по домам, в холодке, Сакен оставался на улице один-одинёшенек.

У ворот соседей, рядом со скамейкой, остался пенёк от спиленного клёна. Сакен иногда садился на пенёк и, представляя скамейку желанной чёрно-белой клавиатурой рояля, самозабвенно исполнял любимую им "Старинную французскую" Чайковского.

Какой же конфуз ожидал его однажды, когда в окошке появилась Оля, красивая девочка годом старше Сакена. Он в её присутствии всегда смущался и слова лишнего боялся сказать. А тут она увидела его "представление".

Оля лукаво спросила: "Мальчик, ты, наверное, думаешь, что на роялях играешь, да?".

Сакен вынужден был в своё оправдание сочинять на ходу.

— Виолончель мне с собой для репетиции дали, а фортепьяно никак не унесёшь. А репетировать надо. Вот и стараюсь не забыть, как это делается.

— Ну учись, мальчик, на моей лавочке. Я тебе разрешаю. Может, когда-нибудь тебя по телевизору покажут. Тогда я всем буду говорить, что ты сидел у нас на пенёчке и вместо рояля играл на моей лавочке.

Мама, ребята делали зимой горку перед нашим домом?

Мама, а как там наша корова, кто будет приносить ей траву, если я не приеду домой на летние каникулы?

Мама, помнишь, осенью я посадил за огородом, над самым арыком, серебристый тополь, он этой весной должен зазеленеть, пусть Алимжан его не ломает. А друзья? Они про меня спрашивают?

Друзья!.. Верные друзья! Их солидарность не раз скрашивала Сакену не только будни, но и всевозможные обиды.

Отец не баловал Сакена, но и вниманием не обходил. В шесть лет обучил играть в шашки, научил и просил читать вслух. Он, когда мать отказывала, давал деньги на кино. Отца Сакен не только любил, он его за немногословность и бесконечное трудолюбие уважал.

Как-то, балуясь возле отца, Сакен наступил ему на ногу. Точно на большую мозоль. От неожиданной резкой боли отец вскрикнул. И, схватив со спинки кровати широкий кожаный офицерский ремень, полоснул Сакена по заднице.

Сакен вылетел из дома стрелой.

Выбежав со двора, он упал под ограждавший двор дувал, толстый глинобитный забор, и поднял вопль.

Друзья откликнулись немедленно. Слетелись вмиг.

Почему-то из хора сочувствующих голосов особенно запомнился голос Амира. Может быть, потому, что он растирал ему ушибленное место? Ну да, конечно, потому что он выказал самое большое сочувствие.

Разве такие впечатления забываются?

Как, сестричка? Почему маме нужно уходить?

Скоро обед? Я сегодня могу не обедать.

Мне будет лучше, если мама хоть с полчаса ещё побудет со мной.

Я вообще не буду есть, если вы не оставите маму ещё на полчаса! Нет, я не пугаю, сестричка. Я прошу. Я вас умоляю!..

Мама, подожди! Мама, не уходи же! Когда приедешь в следующий раз?

Приезжай, я буду ждать.

Приезжай почаще... Пожалуйста... Мама...

Сестричка Нина Мироновна принесла Сакену книжку.

— Полистай пока, посмотри картинки. Читать будешь потом, когда поправишься основательно. Одноклассники тебе передали. Врачи не разрешили их впустить. Сказали, что могут позволить войти только классной руководительнице. Если захочешь.

Сакен удивился. У него появилось право выбора? С ним считаются, полагают, нельзя что-то сделать без его согласия? Тогда можно и подумать.

Сакен вспомнил свою классную руководительницу. Её не всегда справедливые одёргивания, окрики и всегда напряжённые, недобрые глаза, её неулыбчивое лицо. И покачал головой.

Он её сейчас видеть не хочет. Может быть, когда-нибудь потом у него хватит решительности встретиться с ней лицом к лицу. Но сейчас... Сейчас не нужно ему видеть свою учительницу.

Сейчас он свою учительницу ещё побаивается.

Интересно, станут ли обзывать его после больницы? Плаксой, Нытиком, Наушником, кем угодно. Будут ли его обзывать?

Наверное, будут. Ведь ребята не знают, что он ни в чём не виноват. Никто не знает, что не он испугался семиклассника Мамета Абубакирова, а тот после вызова один на один с места драки сбежал.

А Сауан, сожалеет ли он о случившемся?

— Нина Мироновна, — попросил Сакен, — пусть передадут в интернат, может, Анна Борисовна захочет прийти? Если не сможет, пусть передадут ей, я уже выздоравливаю, мне уже хорошо.

Нина Мироновна вышла.

Улыбнулся своему Сакен и сказал вслух: “Ничего, Адайчик, ничего, Аскар-рик, мы не пропадём. Я вас потом обязательно найду. Расскажу вам, как всё было на самом деле. И вы поверите мне. Вы меня обязательно поймёте”.

Другие сестрички говорили между собой про Нину Мироновну, что у неё было трудное детство, нелёгкая юность, да и сейчас ей несладко. Осталась после смерти мужа одна с двумя детьми и больным отцом.

Она частенько присаживалась к Сакену на кровать и беседовала с ним: “Ну что, человечек, думаем утвердиться или нет? Выздоровливать будем?”.

Когда Сакен отвечал, что, наверное, будем, Нина Мироновна его поправляла с доброй улыбкой.

— Не наверное, дорогой мой, а наверняка. Будем!.. Запомни, мальчик, безвыходных положений в жизни ни у кого и никогда не бывает. Вот я, например, верю, что мы с тобой ещё заживём ого-го как!.. На удивление и радость другим. Обязательно заживём хорошей, доброй жизнью. Ты подрастёшь. Мои детки подрастут. А я, глядя на вас, буду только радоваться.

А глаза её помаленьку становились задумчивее. Она ещё повторяла: “Мы обязательно будем счастливы...”, но уходила мыслями далеко-далеко...

Сакен чувствовал на груди её большую тёплую руку, сильную и натруженную, как у мамы, и боялся потревожить усталую Нину Мироновну. Пусть немного отдохнёт хоть здесь, посидев рядом с ним.

Когда Нина Мироновна остаётся дежурить на ночь, она обязательно заходит поговорить к Сакену. Всегда спрашивает у него и его соседей по палате, не нуждаются ли в чём-нибудь, какие у ребят есть пожелания и просьбы. Просьба у ребят всегда была одна — пусть Нина Мироновна посидит и поговорит с ними подольше.

— Няня! Нянечка!..

— Чего тебе?! — появилась в дверях грузная фигура санитарки Варвары Васильевны.

— По-большому хочу, нянечка. Принесите мне, пожалуйста, судно.

— Вот-вот. Того и ждала. Под тебя, жеребчика, судно подсунуть мечтала. Гадют и гадют, только поспевай за ними. Сколько же можно гадить-то!.. Жрали бы поменьше, что ли?

— Но ведь я же не каждый день прошусь, нянечка. А кушать нам врачи, наоборот, побольше велят.

— Грамотные вы больно, я погляжу. Под себя только гадить умеют, а всё умничают.

— Нянечка, ну что же вы... Врачи про меня говорят, что я мало ем и в весе плохо прибавляю. Нянечка, добренькая, вы же знаете, если бы не была парализованной правая рука, честное слово, я бы сам дотянулся и достал судно из-под койки.

— Все вы тут полупарализованные или полоумные... Менингитики... Одно слово — калеки... Помалу едите — да помногу гадите... Господи! Да за что же мне наказание такое! Что же за работа каторжная такая! В ночную смену только и передохнёшь чисто по-человечески, хоть отоспишься как полагается. В день же — сущий ад. Ходи. Носи. Сколько же я её переносила, всякой всячины... Другой давно бы погиб смертью храбрых. От вонизьмы вашей... А я вот — всё выдержи-ваю. И нет мне за это ни ордена, ни медали...

Варвара Васильевна уже была в коридоре, а удаляющийся её голос продолжал сетовать на судьбу...

— Давно бы найти другую работу, так нет, всё тяну, тяну чего-то. А чего — сама не пойму... Эх, жисть... Кому-то выпадает золотом на пальцах перстнями да в ушах серьгами, а кому блестит токмо на дне судна... Я, говорит, кушаю совсем мало... Будто я много ем... С больничной вашей еды мне чегой-то проку совсем ничего. Мяско в борщче сплошь постное, в кашке масла с гулькин хвост. За полгода токмо полтора кила прибавила, дело ли... Уйду-ка отсюда работать куда-нибудь в санаторию-профилакторию. Посмотрим тады, как вы тут без меня попляшете на своих суднах...

Обидные слова Варвары Васильевны задели Сакена за живое.

Но, странное дело, если год или полгода назад он бы горько обиделся и, может быть, даже заплакал, то сейчас перетерпел довольно легко.

Более того, он улыбнулся. Смешно разговаривает Варвара Васильевна. Ворчит она много, но совершенно безвредно.

И сказал Сакен вслух себе, а потом, немного подумав, добавил для Нины Мироновны и Айгуль Токаевны, для Анны Борисовны и тётки Тани, для Варвары Васильевны тоже...

— Ничего! Главное — чувствовать в себе силу! А там — заживём. Себе на радость. Другим на удивление.

От удачной, вовремя найденной обнадеживающей мысли Сакену стало ещё легче.

— Мы ещё заживём... Ого-го как!.. И обязательно будем счастливы...

Сакен подумалось, что хорошо бы поделиться этим, обладающим чудодейственной силой замечательным умением настраиваться на оптимистический лад, с кем-нибудь из друзей.

Сакен вспомнил Аскаррика, перед ним он до сих пор испытывал чувство вины. Вспомнил Алика, когда друг навсегда ушёл из интерната, он с ним даже попрощаться не смог. Он бы очень хотел сейчас увидеть их обоих и пообщаться с ними от души.

И, конечно же, Сакен вспомнил Адайчика. Со всеми его неловкими движениями, со столь милой привычкой поправлять очки мизинцем. С тонким его, беспомощно поющим, голоском.

Конечно же, и Адай теперь подросток. И стал сильнее.

Адайчик за прошедшее время непременно возмужал.

Он, быть может, сейчас уже не сказал бы того, что говорилось им ненамеренно, а только из-за придирчивости ночных нянечек в интернате и из-за издевательств Мамета.

Безусловно, Адайчик стал совсем другим.

Он сегодня наверняка не сказал бы осуждающего своего: "Ну зачем... Зачем же всё это, а?..".

Июнь-июль, 1977 г., Алма-Ата.

Василий КОНОПЛЁВ

Будь от малого счастливым...

Без оптимизма

Уныние сдержать не в нашей власти,
Пусть это грех, но, честно говоря,
Мне мысли навевают не о счастье
Суровые морозы января.

Живу надеждой встречи с тёплым маем.
Друзей и близких искренне любя,
Вдруг сверстников теряя, понимаю:
Теперь мне жить за них и за себя.

Дотла сгорают в нас года-поленья,
От них тепло не только нам самим.
Но вот уходит старших поколение,
Тем самым намекая: мы — за ним.

И пусть февраль лютует и метелит,
Он не желает ничего менять.
Лишь неизбежность просто всё разделит
На жизнь мою и ту, что без меня.

Встреча

Как долго мы не виделись с тобой!
Расстались утром, ждём в томленье вечер.
Лёд хрустнет под ногами голубой,
Не выдержав стремленья к нашей встрече.

Пусть и несмело, вновь пришла весна.
Её приход, как этот мир, извечен.
От бури чувств сегодня не до сна,
От глаз твоих я вновь очеловечен.

К тебе летел, как ветер молодой,
Обжечь тебя дыханием горячим.
Мы радость встречи, милая, с тобой
Ресницами сомкнутыми не спрячем.

И цветом нашей ласки и любви
Всю седину висков своих закрасим.
Ты молодости годы не зови:
Цвет счастья в каждом возрасте прекрасен.

День и год рождения

Дни рожденья всё больше и больше
К нашей жизни плюсуют года.
И живём мы на свете чем дольше,
Тем заметнее лет череда.

Дни рожденья всё ближе, всё ближе
Нас подводят к концу наших дней.
Кто-то вырос, а кто-то стал ниже —
С высоты наших лет всё видней.

Дни рожденья всё дальше и дальше
Нас уводят от нас же самих.
Мы становимся чуткими к фальши,
Всех деля на чужих и своих.

Дни рожденья всё чаще и чаще
Пррастают деревьями лет,
Среди них мы бредём, словно в чаше,
Сожалея о том, чего нет.

День рожденья, опять день рожденья.
Сколько их? Не считай никогда,
Потому что один, к сожаленью,
Год рожденья — один навсегда.

Друзья души моей

На верность проверять друзей не надо,
Они и так не спрячутся в тиши.
Мы даже врозь — сплочённая команда,
Надёжные друзья моей души.

Друзей порой теряют — это правда.
Как я, не растерять их ты сумей.
От жизни мне счастливая награда —
Прекрасные друзья души моей.

Пожар любви случается весною,
Но и зимой его не затуши.
Всё то, что сотворили мы с женою, —
Прекрасная семья моей души.

Без вас, кого ценю, в кого я верю,
Без вас прожить счастливо жизнь нельзя,
И в этом я ничуть не лицемерю —
Люблю я вас, души моей друзья.

Если будет тоскливо в прохладе тумана,
В то, что солнце взойдёт, без отчаянья верь.
Ощути откровенье седого обмана:
В жизни много находок и неожиданных потерь.

И куда б ни вела нас по жизни кривая,
И куда б ни носило в пространстве судеб,
Каждый раз для себя новый путь открывая,
Будь от малого счастлив, имея на хлеб.

Предаваться унынью грешно, не пристало —
Не устану об этом, друзья, повторять.
Лучше бодрые будни, чем праздник усталый;
Лучше медленно ехать, чем резво стоять.

Кулик

Осталось в прошлом многое, вдали,
Но память сохранила всё же что-то:
Жил на болоте некогда кулик,
Естественно, хвалил своё болото.

И всё серьёзно было, а не так,
Научный труд он посвятил болоту,
И гранты получал не на пятак,
Свою имел для публикаций квоту.

Не видя далее пенат родных,
На поиск новых мест он сил не тратил,
Пернатых осуждал из стран иных
И перелётных не любил собратьев.

Особенно досталось лебедям,
Предателям, по куликову мнению:
“Они за всякий заграничный срам
Продали родину, — кричал он в упоенье. —

Они красуются то там, то здесь,
Курлыканьем маня в чужие дали,
А мы не продадим отчизны честь,
Чего мы за границей не видали?”

Он так бы и ворчал, но времена
Пришли другие, климат поменялся,
Покрылась льдом озёрная страна.
Тут наш кулик как будто бы унялся

И по совету тех же лебедей
Поднялся ввысь, но после перелёта
Он, патриот не места, а идей,
В чужой стране нашёл своё болото.

И вот недавно к нам издалека
Известие пришло от баобаба:
Там, на чужбине, всё же кулика
Однажды просто задавила жаба.

Мы сошлись не подвенечно,
Встреча свыше нам дана,
И не делимы вечно,
Словно месяц и луна.

Неразлучны мы с тобою,
Как течение и вода,
Так же небо голубое
Солнцу преданно всегда.

Без тебя кому я нужен,
Как гитара без струны,
Как врагу холодный ужин,
Как гражданство без страны.

Мы скучаем друг без друга,
Ты по мне — я по тебе.
И за то, моя супруга,
Благодарен я судьбе.

Другу

Мы вновь залить с тобой должны
Огонь былой размолвки,
Как в сани, мы запряжены
В пустые разнотолки.

Наверно, обойтись без них
Нетрудно и возможно,
Но не сложился б тогда стих,
Возникший осторожно.

Из слов, из теплоты бесед,
Намёков и признаний,
В которых смысла, вроде, нет,
Есть много притязаний,

Мы под коньяк и дым сигар
В процессе разговора
Закаливаем божий дар
И слог в горниле спора.

Пусть удивляются потом:
Откуда что берётся?
А новый стихотворный том
Сквозь тернии прорвётся.

Память сердца

Дочка пригласила.
Офицер в их доме.
Мама, сев без силы,
Замерла, как в коме.
Лейтенантик бравый
Вдруг перекрестился,
На колено правое
С дочкой опустился.

Сохранила память
Всё о нехорошем.
Седина, как замаять, —
След о тёмном прошлом.
Голубой околышек
Форменной фуражки.
В сердце словно колышек,
Блеск ремённой пряжки.

Ночью приходили
Вот в такой одежде.
Деда уводили,
Рушились надежды.
Папу забирали
В голубых погонах,
А семье соврали:
“Сбор на полигонах”.

Служат, как служили,
Голубые рати.
Шьют дела, как шили,
Скрытные собратья.
Бдят все, глядя в оба,
Безопасность чью-то,
Не нарушил кто бы
Властного уюта.

Был усатый, лысый,
И с пушистой бровью,
Меченый, и “крысы”,
Пачканные кровью.
Нет, не изменилась
За века и годы
Противоречивость
У людской породы.

Не прошли напасти
Времени господня.
По Матфею страсти
Живы и сегодня.
На груди распяты,

Всюду фарисеи.
Да, крепко объятье
Жертвенной Расеи.

Видеть зятя рядом
Каждое мгновенье,
Думать, что за взглядом
Скрыто подозренье,
Что, в дела вникая,
Зять “берёт” кого-то:
У него такая
Чёрная работа?

Не сказав ни слова,
Глядя на влюблённых,
Будто слыша снова
Вековые стоны,
Нет, не из квартиры,
Тихо скрипнув дверцей,
Мать ушла из мира
От разрыва сердца.

Просьба

Закономерно это иль случайно,
Но Ты однажды в просветлённый миг
Открыла мне простор необычайный,
И я мир откровения постиг.

Ко мне порой заглядываешь ночью
И днём приходишь в неурочный час.
Пусть я не созерцал Тебя воочью,
Другие замечали вместе нас.

Мы не равны, Ты старше многократно,
Летаешь, в беспредельность воспаря,
Но счастлив я, когда ко мне приватно
Снисходишь, вдохновение дая.

Мы разные с Тобой непостижимо:
Возвышенная Ты, а я земной,
Но что-то нас влечёт неудержимо,
И Ты всецело управляешь мной.

А я себе принадлежу не часто
И отдаляюсь от Тебя — прости.
В такие дни гляжу на мир бесстрастно,
В немой тоске осиротелости.

Вот и прошу прощения у Музы,
Молю Её совсем не о любви,
Есть у меня супружеские узы,
Но Ты и наш союз благослови!

г. Петропавловск.

Нурлан МАХАМБЕТОВ

Уметь прощать

Повесть

Весна в тот год выдалась ранняя, она потихоньку вступала в свои права, заявляя о себе обилием солнца, тепла, мутными лужами с ручейками и утренним щебетанием птиц. Она вносила свою обычную природную лепту, как старый художник, в очередной раз придя в мастерскую, готовит свои кисти и краски, чтобы волшебным взмахом расписать всё вокруг в светлые живые тона...

Обычная смена времён года, только для студента второго курса политехнического института Бекболата Назарова нынешняя весна знаменовала собой большие перемены в его молодой жизни. Предстояло сдать один из важных жизненных экзаменов, а именно — пройти срочную службу в рядах Советской Армии. Это немного волновало его, всё-таки два года вдали от родного дома. Хотя многие его друзья и приятели уже топтали “кирзачи” и писали бодрые письма, передавая приветы знакомым девушкам. Так что через эту школу возмужания должен пройти каждый нормальный джигит, каким считал себя и Бекболат, или, как его называли, — Бек. Ростом Аллах его не обидел — 185 см, да и размером ноги тоже — сорок пятый, в школе дразнили “Большегогим”, да что там эти дразнилки, в магазине порой было нелегко найти обувь подходящего размера. Кареглазый, стройный, с волнистыми волосами, правильными чертами лица и красивой белозубой улыбкой, он нравился многим девушкам в школе. Учился хорошо, ходил всегда опрятный и собранный, среди мальчишек был заводилой и лидером. В общем, Бек не боялся мужского коллектива, а женского и подавно, так как девушки у него не было. “Старшаки” — ребята повзрослее, говорили: “До армии ни с кем не дружи, легче будет служить, два года ждать тебя никто не будет, не такой народ эти бабы”... Да Бек и сам знал, что прежде надо твёрдо встать на ноги, а потом — будет хлеб, будет и песня...

И теперь, сидя на лекции в большой и светлой аудитории, он перебирал свою жизнь, чего за 18 лет добился. Хорошо, учится в вузе, перворазрядник по шахматам, играет на гитаре, интеллектуально развит, неплохо говорит по-английски... Вот вроде и всё... — негусто получается. С другой стороны, для воспитанника детдома, безотцовщины и вообще без какой-либо поддержки, как будто и нормально. Отца он не помнил, родители развелись, когда ему не было и года, мама вышла за другого, а маленького Бека отправили к бабушке, на разъезд. Там и прошло его детство. Потом детдом, в котором порой было несладко. А когда исполнилось 12 лет, приехал из города мамин брат — нагаши и забрал к себе Бекболата. Дядя Толеген — невысокий, коренастый, красавец-мужчина с орлиным профилем, давно перебравшийся в город и работавший в автопарке, к тому времени стал главным механиком и получил квартиру — “полупотрку”. Говорил он скупой, редко улыбался, всегда ходил в кожаной кепке и куртке, весь пропахший запахом табака и бензина. Его жена, Мариам-тате, работала

учительницей в школе, расположенной где-то на краю города, и поэтому приходила поздно, с сумкой, полной учебников и тетрадей. Детей Аллах им не дал, и всю свою любовь они отдавали племяннику. Жилось Беку неплохо, во дворе и в школе он быстро нашёл товарищей. Летом с утра до позднего вечера играли в футбол, лапту, “казаков-разбойников”, купались и загорали на городском пляже, ну а зимой — другие забавы: лепили снежный городок, из ёлок строили шалаши; ну и, конечно, хоккей, благо во дворе почти каждую зиму заливали каток. В школе тоже было интересно: готовили конкурсы, викторины, стенгазеты, соревновались с другими классами и школами, проводили литературные вечера, чаепития и дискотеки. Кажется, как будто вчера был выпускной школьный бал, с напутствиями и пожеланиями учителей, громкой музыкой, вальсом, танцами и встречей рассвета. А сегодня уже второй курс института на исходе...

Послезавтра районная комиссия, потом городская, областная и всё — алга,¹ комсомол! Время пролетит быстро, надо сессию быстрее сдать, хоть перед “армейкой” побольше отдохнуть, рассуждал Бекболат. Рядом сидел Токаш, одноклассник, молчаливый, высокий, чёрный человек-верблюд. Он что-то увлечённо строчил в тетради, при этом смуглое лицо его сияло и светилось. “Неужели лекцию пишет?” — мелькнуло в голове Бека, и тут он похолодел от ужаса — к ним медленно приближался преподаватель, доцент кафедры истории КПСС, гроза всех студентов второго курса Кожек Есенбекович. Его длань медленно поднялась:

“Дайте, пожалуйста, вашу тетрадь, товарищ студент!”. Бек ничего не писал, он поднял глаза и увидел, что эта просьба адресована не ему, а Токашу. Фу-у-у... Пронесло... Человек-верблюд, “Кара-нар”, медленно встал и протянул свою тетрадь. Кожек Есенбекович, один из старейших, почтенных преподавателей института, открыл её, и его лицо вытянулось, а водянистые, бутыльного цвета глаза совсем побелели. “Староста группы, встаньте, посмотрите, чем занимается ваш студент на моей лекции”, — медленно, сдерживая клокочущую ярость, изрёк аксакал, раскрыв и показывая всем белый тетрадный лист, на котором, бесстыдно раскинув ноги, лежала длинноволосая красавица, откровенно демонстрируя все свои прелести. Надо признать, Токаш был неплохим художником, да и анатомические подробности были выписаны тщательным образом. Воцарилась гробовая тишина, и вдруг.. “Кожек Есенбекович, извините его, у него... это... авитаминоз... хронический”, — послышался голос шута-балагура Витьки Шмыглова, и аудитория тут же взорвалась от могучих глоток всего потока...

Поезд уходил на запад, в край яблок и груш, как выразился молодой “старлей”-“покупатель”, приехавший за молодым пополнением из самой Батьковщины — Украины. Моложавый, небольшого роста, китель ладно облегал его подтянутую фигуру. На чёрном фоне петлиц золотом горели пушки. Рядом с ним были ещё два сержанта, одинаково коротко стриженные, немногословные и серьёзные. Команда призывников — студенты городских вузов — народ любопытный, весёлый и к тому же очень придиричивый. Каждый из ребят старается выделиться, показать, что и он парень не промах, не за грибами едет. Но на все вопросы военные, загадочно улыбаясь, туманно отвечали, мол, приедете, сами всё увидите. Да, кормят хорошо, свободное время бывает и увольнительные дают.

¹ Вперёд (каз.).

Открыв глаза, лёжа на самой верхней полке, Бек прислушался к голосам, раздающимся снизу. Разговор шёл о приземлившемся в мае на Красной площади Матиусе Русте. Кто-то громким басом заявлял, что будь он на месте ракетчика, ведущего на прицеле немецкий “кукурузник”, он бы самовольно открыл огонь и сейчас бы получил звание Героя Советского Союза, и что его дед погиб на войне с фашистами. Колёса своим монотонным стуком отбивали всякую охоту в ответ что-то говорить и спорить. Наступила томительная пауза, поезд шёл уже свыше полсуток и пассажиры — молодые призывники — уже были сыты и домашними пирожками, и пустыми разговорами. Хотелось пить, ныло всё тело. Бекболат ловко спрыгнул с самой верхней полки и, найдя свою обувь, сел, выпрямился и огляделся. “Ты откуда свалился на нашу голову, куда путь держишь?” — удивлённо спросил обладатель густого баса, оказавшийся упитанным веснушчатым очкариком с маленьким пуговкой-носиком. “А ты сам-то куда едешь?” — помолчав немного для солидности, ответил Бек. “Как куда? — усмехнулся “Пуговка” и, оглядев всех вокруг, вроде, что же тут непонятного, добавил, — в армию!”. — “Ну и я туда же”, — отозвался Назаров. “Ты что-то... не похож на призывника”, — засомневался очкарик, поводя головой по сторонам, как бы ища поддержки. Но, видно, послеобеденное солнце и духота сделали своё дело, все молча смотрели, превратившись в зрителей. “А чем это я тебе не угодил?” — Беку начал надоедать этот глупый расспрос. “А у тебя волосы не такие короткие, как у всех”, — подозрительно прищурился, а затем победоносно, как будто выявил шпиона, гордо посмотрел “Пуговка” на старшего лейтенанта, мол, знай наших. Бекболат выждал паузу и улыбнулся: “Каждому своё, меня, знаешь, сразу в “дедушки” призвали!”. Затем подмигнул “старлею”, тот в ответ тоже кивнул ему. Он запомнил Назарова ещё на призывном пункте, когда рассказывал, что такое противовоздушная оборона, ракетно-зенитный комплекс и как хорошо быть механиком-водителем. Этот долговязый призывник спросил тогда, можно ли для его большого роста заказать специальную боевую машину, чтобы коленками не упираться, а то в тесноте нажмёшь не ту кнопку, ракета вылетит — и вдруг война начнётся...

Вспомнился вдруг военкомат. Накануне призывной комиссии Бек встретил Арсена, они когда-то вместе занимались в шахматном клубе. Арсен был постарше, он уже отслужил и заканчивал пединститут, факультет физвоспитания. Он совсем немного походил в шахматный кружок, потом резко бросил и пошёл на бокс; жил по соседству и в квартале имел репутацию первого забияки и драчуна. Бек своими глазами видел, как Арсен хладнокровно расправился с тремя взрослыми мужиками в пивном баре. Ростом он был почти вровень с Бекком, только, может, раза в полтора шире в плечах и поплотнее. На его смуглом лице выделялись маленькие чёрные

глаза, они по-змеиному проникали, казалось, прямо в душу. Перебитый боксёрский нос, мощная челюсть и шея внушали невольное уважение и страх. Арсен всегда поддерживал Бека, то ли оттого, что сам рано лишился отца, то ли в силу других, ведомых только ему причин. Он спешил, быстро переговорили, Бекболат рассказал, что завтра комиссия в военкомате и что идёт сейчас в парикмахерскую. “Подстригись под расчёску! Призывник должен иметь аккуратную короткую стрижку, так написано в уставе. А что “под ноль” — нет такого! Если увижу лысым, не подходи ко мне, за братишку считать не буду!” — без лишнего слов коротко отрезал Арсен. Бек так и сделал, правда, в военкомате пришлось отстоять это право. Старший прапорщик, здоровенный, по-будённовски усатый Кондрат Филимонович или просто Кондрат, увидев Бека, улыбнулся и приказал: “Товарищ призывник, пять минут времени подстричься и появиться в надлежащем виде”. Бек вышел, постоял немного и зашёл: “Товарищ прапорщик, разрешите обратиться?” — “Валяй!” — Парикмахерская сломалась!”. Вокруг все заулыбались. Все — это юноши с лысыми черепами различных форм и строений, с оттопыренными ушами, худые и толстые, карлики и дяды. Здесь, на медкомиссии, глядя на сутулые, несуразные фигуры в одних трусах с личными делами-скоросшивателями под мышкой, диву даёшься, что эти зелёные юнцы скоро станут настоящими солдатами — защитники нашей многонациональной Родины.

“Я сейчас сам кого-то сломаю!” — Кондрат открыл полку, вытащил большие ножницы и пошёл на Бека: “Ну-ка, наклони голову!” — огромная лапища потянулась к шее. Бекболат корректно отвёл руку, но прапорщик решил взять нахрапом и заорал: “Да я тебя, салага, сейчас... ремнём выпорю!” — и попытался схватить за шею непослушного призывника. Но молодость не захотела, а старость — не смогла. После неудачной попытки старший прапорщик Здесенко решил не идти ва-банк, дабы не терять свой авторитет, строго взглянул, поправив китель и подкрутив усища, хмыкнул: “Ну ладно, проходи! Я сегодня добрый!”...

Вот тогда, на той комиссии, Бек и стащил со стола несколько чистых повесток с печатями. Онигодились бы для сессии — закрывать пропущенные занятия. Правда, одну из них он использовал не совсем по назначению. Среди приятелей Бека был его ровесник, некий Мася, толстый, неуклюжий и простоватый парень. Вообще-то родители его называли Мажит, но полное имя его никто толком не знал, с детства знали Масика, Маську, Мордасю. Лицо его было действительно круглое, голова большая, плеч не было, живот и кривые ноги. “Морда-мяч”, “Глобус”, “Шайба”, “Карын” — Мася был с детства объектом насмешек и розыгрышей за особенность строения своей головы и чревоугодничество. После прохождения комиссии Бек заглянул к однокурснику Лёше Харьковцу, который жил рядом с военкоматом. Алексей — высокий, худой, отличник и меломан, отличался длинной шевелюрой, классно “лабал” на гитаре и был обладателем превосходной аудиоаппаратуры — магнитофона “Радиотехника” первого класса с усилителем и большими, мощными колонками. У него дома была ещё и пишущая машинка. Вот тогда и родилась идея разыграть Масяню. Нашли конверт, напечатали на нём данные Маси, адрес, фамилию и инициалы. Его день рождения тоже не был секретом, он родился аккуратно 12 апреля, в День космонавтики. Так что на повестке напечатали: “Явиться для прохождения областной комиссии 13 апреля 1987 года ровно в 9.00.

Явка строго обязательна”. Закинуть конверт в почтовый ящик решили вечером, 11 числа, накануне его дня рождения.

1987 год. В то время модными были длинные волосы “а-ля Моден Токин”, штаны-“бананы”, кроссовки, брейк-данс, дискотеки, бары, коктейли. Спиртное купить было непросто, но при желании можно. Таксисты продавали бутылку водки за пятнадцать рублей, да и практически в каждом дворе всегда жила своя “сердобольная тётка”, у которой имелась закладка на случай. “Пузырь” был универсальной валютой для оплаты как товаров, так и услуг, будь то чешская сантехника либо вызов самого сантехника. Во дворе пили многие: майские праздники, 7 ноября отмечали все, заранее откладывая к этой дате деньги. Когда же подходил день рождения кого-то из ребят, то накануне к нему всегда являлся “Чукча”, обладающий феноменальной памятью на цифры и даты. “Чукчей” звали Асхата. Может, за узкие глаза, а может, за маленький рост, никто не знал, откуда это прозвище прилипло к нему. Придя в гости, он молча сидел и излучал преданную дружбу и внимание. Когда речь заходила о предстоящем дне рождения, он оживал, начинал советовать, кого необходимо известить (всех не надо, лишний рот — хуже пистолета), как найти спиртное и где можно провести мероприятие. Если не было “хаты”, то обычно празднество проходило за гаражами, на трубах теплотрассы.

12 апреля, вечером, за гаражами уже сидела небольшая группа “поздравителей”, ожидая самого именинника и, конечно, верного “оруженосца” Чукчу, которые вскоре и появились с печальными лицами.

“Облом, братцы, только червонец настреляли!” — грустно произнёс Чукча. “Да, ещё и повестка пришла”, — Масик, словно оправдываясь, помахал конвертом. “Дай-кась”, — протянул руку “Джам”, то есть Джанболат, по национальности кумык, два года назад переехавший в наш город из Махачкалы. Он был худощавый, небольшого роста, простой и спокойный малый — неиспорченное цивилизацией дитя гор. “А пацему напысано абласная? Ти цто раённую, гарадскую прашэль?” — прогундосил он с акцентом, выпятив свой носище и размахивая пятернёй, как настоящий горец. Тут сразу нашлись “бывалые” и разъяснили Джаму и Масае, мол, бывает и такое, что иногда приезжают и прямо из дома забирают, могут даже ночью. Так что, возможно, что завтра возьмут под белые ручки — и прощай, “гражданка”. Поэтому надо срочно подстричься и парням поставить хотя бы литр! Все замолчали. И тут Чукча — Верная Рука, друг индейцев, поразил всех моментальным решением этой непростой задачи: “Ребзя! Гулька-Монголка учится на парикмахера, у неё дома, наверняка, машинка есть, зачем полтинник тратить — это пачка “Медео”! Да и по Масику она сохнет, пусть ей повестку покажет и загрузится “бабками” или литром, у неё мамаша на базе работает, сто пудов заначка имеется”. Все в восхищении уставились на Чукчу. Гулька-Монголка жила неподалёку, через пару домов, с мамашей и двумя старшими сёстрами. Вся семья у них была торгово-спекулянтская. Своё прозвище она получила за узкие глаза и большие скулы. На всё про всё дали Масику полчаса и провожатого, конечно, Чукчу. Остальные тоже разбежались, кто за магнитофоном, кто за гитарой, а кто просто за закуской.

Расчёт хитроумного Чукчи оказался верен, через минут сорок они пришли радостные и возбуждённые. “С подстрижкой!” — заорали все и устремились к подошедшему Масику, на голове которого была спортивная

шапочка. Это означало, что крикнувший имеет право дать щелбан по лысине. Масик стянул головной убор, и тут всех охватил какой-то ненормальный, идиотский, истеричный смех. Его большие щёки стали как будто ещё больше, а глаза и лоб узкими. “Вот это Ж-о-о-о-ра, мой сосед, купил машину и мопед...” — пропел Бек и первым “причастил” — щёлкнул по сверкающей в темноте лысине. Раздался звук трескающегося перезрелого арбуза. Масик достойно принял “крещение”, не издав и звука от всех “поздравителей”. Ребята быстро достали газеты, разложили закуску. Затем, уже после произнесённых тостов и пожеланий, когда всё жидкое и хорошее быстро закончилось, разомлевший от внезапного повышенного внимания к своей персоне, Масик вдруг резко опьянел. До этого он никогда не пил водку. По его толстым щекам катились слёзы: “Ребята, а... А вдруг меня в Афган, а? Может, мы в последний раз вот так сидим и вы меня больше не увидите, а...?”. — “Тебя уж точно туда не заберут, — бренча на гитаре, отозвался Лёха. — Сам посуди, во-первых, каски твоего размера нет — это факт! Во-вторых, ты же весь полковой провиант сожрёшь!” — “Это точно!” — загготали все. Масик не унимался, всё скулил и скулил о том, что толком бабы не видел, и как неохота уходить мальчиком, засмеют, может, в больницу лечь, руку или ногу сломать? “А ты не ходи! Спорим — тебя завтра, нет, даже в течение двух недель, не заберут в армию”, — дабы прекратить скулёр, заявил Бек. Наступила тишина. “А на что спорим и как докажешь?” — живо откликнулся Масик, ему очень сильно не хотелось идти в военкомат. “На литр спор, докажу сейчас же, здесь, — Бекболат лениво затянулся сигаретой, — ребята свидетели, за слова отвечаю!”. Глаза Масика блеснули, в его большой лысой башке шла напряжённая работа, но думать было тяжело, во-первых, из-за маленького объёма серого вещества, во-вторых, из-за сильной лени: “Ладно, согласен! Только докажи прямо сейчас, при ребятах, пусть они и решат!” — и протянул руку. Оставалось только пожать её и попросить Лёху рассказать всю историю. Опять, минут пять, стоял гомерический хохот. Только одному Масику было совсем не до смеха, сидя на корточках, обхватив свою плешь, он заплакал: “Что вы наделали? Как теперь девчонки будут смотреть на меня?”. — “Да, теперь в натуре мальчиком уйдёт! Теперь можно не Казан-бас² называть, а Котен-бас³!” — посыпались со всех сторон на лысую голову шуточки. “Да кому ты нужен, Квазимодо! Давай, лучше двигай опять к Монголке, попал — отвечай!”, — Бек с насмешкой смотрел на Масика. Чукча опять вызвался сопровождать: “Глаза натри, чтобы были как заплаканные, скажи: “пробил” команду — точно Афган, и что давно хотел, но только сейчас набрался смелости признаться, что нравится она тебе! Тогда, может, литр обломится!”. Ждать пришлось недолго. Вскоре в темноте послышались возбуждённые голоса и появились две радостные физиономии. Праздник, вернее, репетиция проводов, продолжилась...

Потом, уже когда действительно пришла пора идти в военкомат на “районку” (районную комиссию), Масик опять “попал” из-за своей излишней доверчивости. На этот раз отличился Чукча, сказавший, что к комиссии Масю не допустят, готов поспорить на что угодно. Может открыть секрет, но за определённую плату. Просил “пузырь”, потом смиловился и

² Голова-казан (каз.).

³ Голова-задница (каз.).

за полпачки “Казахстанских” выдал следующее: “Ладно, скажу по-братски, я сам так попал! Короче, пришёл в плавках, так меня за это сразу домой отправили. Оказывается, комиссию надо проходить строго в “семейных” трусах. Да так, чтобы стрелки “стояли” — наглажены были, как на брюках, и накрахмалены”. Масяня поверил, обычно Чукча всегда знал больше других и никогда не шутил. Вечером, придя домой, матери строго наказал купить “семейные” трусы и стрелки накрахмалить. А утром, явившись в военкомат и увидев, что призывники были кто в чём, с ужасом забежал в туалет и начал ожесточённо мять трусы. “Проклятые” стрелки никак не убирались — мама очень уж постаралась... Пришлось Маса проходить комиссию, ловя на себе насмешливые улыбки и восхищённые взгляды призывников, и долго-долго отвечать на любопытные вопросы психотерапевта...

Все эти события: проводы, застолья, танцы, песни под гитару, девушки, ночные гуляния под луной, тёплые июньские ночи, фонари, парк и набережная — пролетели стремительно, незаметно, словно с кем-то другим. А сейчас, сидя в жарком, переполненном вагоне, Бек молча смотрел в окно, в котором закат разливался багрянцем по проводам, мелькающим столбам и деревьям. Ни с кем особо не разговаривал. Имеющий за плечами “богатый” детдомовский опыт, он знал, что пока рано заводить дружбу. Армейские суровые будни сразу собьют всю шелуху и нарочитую бравладу с парней, и тогда, когда откроется истинная сущность, можно будет найти себе приятеля или, может, даже друга на эти долгие 365 дней. “Кто не был — тот будет, кто был — не забудет, 365 дней и ночей в сапогах”, — вспомнилась надпись в армейском альбоме Арсена.

Вообще он молодец! Много дал дельных советов, как вести себя в “армейке”, даже портянки наматывать научил! Бекболат сперва заупрямился, вроде, а это ещё зачем, но Арсен втолковал: “Дурачок, когда у других мозоли после пятикилометрового марш-броска будут, ты, сняв сапоги, вспомнишь меня и спасибо скажешь...”.

Отоспавшись за день, Назаров ворочался, временами путая сон с явью. Сны виделись до того чёткие и ясные, что, проснувшись, не сразу можно было понять, где находишься, почему и куда идёт этот поезд. А состав, набирая ход, вёз молодых и весёлых ребят на запад, в учебную часть, на Украину. Когда-то, несколько десятков лет назад, наши деды таким же поездом, тоже на запад, уезжали на войну, — думал Бек, — но тогда было совсем другое, страшное время. Интересно, смог бы я выдержать, бесстрашно идти в бой, если был бы на той войне? — спрашивал он себя. Ему чудилось, как он встаёт, поднимает в атаку бойцов и падает, сражённый вражеской пулей. Потом мысли путались, и он снова засыпал... Снились бабушка, её добрые нежные руки. Вот она перемешивает землянику со сливками и сахаром и зовёт его: “Кель, кулыным, саган гана жинадым...”.⁴ И нет ничего слаще вкуса этой маленькой ягоды, пахнущей лесом, травой и солнцем. И все тебя любят, ласкают и смеются. Бабушка жила на разъезде, пять-шесть домиков всего, света нет — керосинка. Вечером, как солнце зайдёт — темень стоит страшная!!! Небо низкое и до звёзд, кажется, можно дотянуться рукой. Зато утром, когда яркое светило будто выжгло добела весь небосвод, пьянеешь от запаха полыни и других трав. А в воздухе

⁴ Иди ко мне, мой жеребёнок, для тебя собирала — (каз.).

звенит неумолчный оркестр птиц и насекомых. Маленького Бекболата поначалу обижали два существа. Один был гусь — вожак стаи, он шипел, хлопал крыльями и, наклонив голову, щипал ему круглую нежную попку. Мальчик пробовал убежать, но противный гусь на лету догонял его. Затем, ущипнув и дождавшись оглушительного рёва, победно вытянув шею, отходил. Было страшно выходить на улицу. Гуси были большие, и они часто невысоко взлетали и кружили вокруг дома. Вторым злейшим врагом была курица, цыплята которой понравились маленькому Беку. Она смело подпрыгнула и клюнула его прямо в нос, когда он хотел поймать одного из её птенцов, после чего малыш с рёвом убежал под бабушкину защиту. Эта гадкая птица при виде малыша бежала к нему, обращая его в паническое бегство. Так и продолжалось бы всё это, пока кто-то из старших не посоветовал взять палочку и дать этим “крылатым” отпор. Для взрослых было смешно наблюдать, как малыш, насупив брови, взяв мухобойку и выйдя во двор, бесстрашно бросился в бой и победил своих заклятых врагов. Так маленький Бекболат понял, что за место под солнцем надо бороться и не надо никого бояться...

“Подъём! Всё, приехали! На выход!” — послышался чей-то командный голос, сон юркой мышкой выскользнул, и Бек открыл глаза, опять не сразу узнавая незнакомую обстановку. Было далеко за полночь, призывники выходили спросонок хмурые и молчаливые. Недалеко от перрона ждали крытые бортовые машины с военными номерами. На кабине и на лобовом стекле каждой красовалась эмблема с надписью “ПрикВО”, что, как позже выяснилось, означало Прикарпатский военный округ. “... Белоруссия родная, Украина золотая! Эх, нам бы кралю, нам бы кралю, нам бы кралю хоть одну”, — тихо пропел Бек, вспомнив слова песни из какого-то фильма. Молча погрузились. Машины, взревев моторами, включив фары, повезли ребят в совершенно другую, незнакомую жизнь. Дорога пролетела незаметно, стояла тёплая июльская ночь, звёзды горели ярко и край небосвода начал уже светлеть, когда машины остановились и раздалась команда: “К машине!”...

**(Из письма курсанта Назарова Б. С.
к рядовому Ахметову А. Т.):**

“Салам, брат! Как служба, как здоровье? Присягу приняли? Ты, как и хотел, попал-таки на море! Повезло, что береговая охрана — два года, а не три! Помнишь, кричал всё, плюнь в грудь — моря хочу! Докричался! Вот теперь “загорай” в своём Североморске с белыми медведями! Ладно, коротко о себе. Значит так, приехали по “железке” до Киева, потом до Житомира. Учебный центр находится прямо в городе. Казарма наша на втором этаже, в окно троллейбусы видно. Учат на механиков-водителей ракетных комплексов. Сержанты — звери, один мастер спорта по спортивной ходьбе, ноги как у штангиста. “Дембеля” по ходу задницу рвут, чтобы первой отправкой уйти, хотя из нашего взвода “показательный” сделать. Так что поначалу, пока не втянулся, после зарядки сил не было даже кровать заправить. Сейчас “ношусь” как сайгак. Скоро полевой выход, марш-бросок на 20 км, а потом присяга. Фото вышли, если есть, я своё попозже. Адрес твой мне Марик с письмом прислал. Он в Отаре в спортропе, умудрился позвонить дядьке и узнал мой адрес. Всё, пока, пиши! 1.07.1987 г.”.

Лето стояло в разгаре, за два месяца Бек превратился в настоящего спортсмена, бегал он вторым во взводе и на турнике был тоже вторым. Пригодилась дружба со спортом. В институте Бек участвовал в соревнованиях и был освобождён от физо. Наконец-то наступил долгожданный полевой выход, которым постоянно пугали сержанты Гусев и Галуза. Гусев — небольшой, ладный, с умным проницательным взглядом и тонкими усиками, смотрелся опытным боевым собратом. Родом он был из Владимира, при случае всегда рассказывал, какие там красивые места, старинные церкви и природа. Галуза был абсолютно другой — лысоватый, среднего роста, спортивного телосложения и с ногами тяжелоатлета. Родом из Мозыря, он окончил институт физкультуры и спорта в Минске и гордился своим высшим образованием, обращался к курсантам строго на “вы” и часто употреблял обращения типа “юноша” и “сынок”. Физкультурные познания сержанта Галузы были сущим адом для курсантов, в его арсенале было много на вид простых и нехитрых упражнений, которые он показывал легко, играючи, с улыбкой. На деле выходило совершенно обратное, половина взвода падала и не выдерживала, у многих мышцы ног сводило от судорог и перенапряжения. Все курсанты ненавидели его насмешливый тон и ироничную ухмылку. Зато полевой выход, в отличие от других взводов, наш прошёл на “отлично”...

**(Из письма курсанта Назарова Б. С.
к Мукашеву М. М.):**

“Пламенный привет из братской Украины! Салам, Марчелло! Получил твоё письмо, чему очень рад! Ты классно устроился, молодец, быть замом начфиза не каждому дано! За адрес Чукчин отдельный большой рахмет, написал уже ему и получил ответ. Очень интересные письма у него, дня 2-3 ходишь смеёшься! Ты же знаешь, пофантазировать он мастак. То благодарность ему объявили за поимку шпиона, то старшая медсестра по нему сохнет и чуть не отравилась таблетками. У него письмо 3-4 страницы, как роман какой-то читаешь. Я растягиваю удовольствие — в день строго по странице. Молодец, Чукча! Не то что Глобус. Он же во внутренние войска попал, в Узбекистан, краснощёрый баурсак. Короче, приносят почту, мне письмо, смотрю — Масика почерк. Обрадовался, целый день ходил довольный, вечером после отбоя, с сигареткой, не торопясь, в спокойной обстановке решил почитать — и тут на тебе! Повторяю дословно: “Салам из Зарафшана! Салам, брат! Как дела, здоровье, служба? У меня всё отлично. Кормят здесь хорошо, земляков много. Ой, что-то ломы стало писать, жара, да и накурился я! Ладно, пока!”. Я аж сигарету выкинул, страницу перевернул — чистый лист! Всё, амба! Вот урод Казан-бас! Сволочь, будто поиздеваться хотел, чувство такое! А так у меня всё отлично. Был полевой выход, маршбросок на 25 км. У всех мозоли, ноги натёрли, хромают, а у меня почти нет. Арсена помнишь, сосед мой, “старшак”, он же меня научил и портянки наматывать, и “подшиваться”. В “учебке” сержанты аж удивились: “Ты уже обучен, — говорят, — тебя можно прямоком в войска отправлять!”. Потом месяц в палатках жили рядом с танкодромом. Учили нас машины боевые водить. Там “дура” типа танка. Весит 24 тонны! “Ходовка” — супер, “плавающие” гусеницы! Мощные турбины стоят, пять скоростей, на спидометре 260 км! Руль как на велосипеде, никаких

рычагов тебе. Ты же знаешь, я с детства с техникой на “ты”, кроме велосипеда ничего не видел. На вождении с инструктором сели, прокатил я его буквально метров двести. Он мне руками машет, кричит — всё, тормози, ставь на ручник, вылезай и пешком иди обратно. У тебя, говорит, дома ишак есть? Я ему хотел ответить, что в городе живу, не успел. Он мне: “Тебе на ишаках только ездить!”. Короче, освободили меня от вождения. А потом, под конец, экзамены сдавали, комиссия приехала. Меня сначала в наряд хотели, а тут у одного понос начался и меня за него на экзамен отправили. По списку чтобы всё “было”! Честно сказать, волновался я, переживал. В общем, сели мы с проверяющим, капитан какой-то, завёл я машину, как учили, трогаюсь — ни фига! Газую, газую, рёв стоит страшный! Тут сержант подбегает, с ручника снимись, говорит. Ладно, снялся, поехали. “Серпантин” проехал, “ёлочку”, на мост поднялся, съехал и тут в конце уже, через лужу огромную проехать надо. Как учили, люки задраил, смотрю в окошко, вода всё выше и выше. Тут кочку поймали, и жижа мутная залепила обзор весь. А я забыл, как омыватель включается. По ходу, после болота этого, надо вправо поворачивать, если прямо — то там обрыв и можно упасть конкретно, разбиться! Я вида не подаю, молча еду, моё окошко залеплено, рядом у проверяющего — тоже. Думаю, подскажет мне он, типа, а что ты вот эту кнопку не нажимаешь, ведь он трассу перед этим осматривал и знает про обрыв. Сижу, значит, жду, а он молчок — ни гу-гу! Поворачиваюсь, смотрю, а он весь бледный сам и на меня с надеждой такой и мольбой уставился! Я весь похолодел от догадки, он ведь с другого ракетного комплекса вообще и абсолютно не знает машины! И тут давай я по всем этим кнопкам бешено нажимать, мысль одна — только бы не свалиться в этот овраг долбанный! И тут, наконец-то, включился омыватель! Напором смыло всю жижу болотную и смотрю — вовремя! Как раз уже к “марсианской впадине” подъезжаю! Спокойно уже направо выруливаю, отдраиваю люки, свежий ветер хлынул, солнышко, небо синее! А жить-то как хорошо, оказывается! Взгляд искоса кидаю на “кэпа”, тот весь потный, красный сидит, жизнь, наверное, его вся и пробежала перед глазами...

Ладно, брат, как говорится, давай, служи, как “дед” служил — “дед” на службу хрен ложил! Пиши, жду ответа — как соловей лета! С пламенным армейским приветом Бек. 9.09.1987 г.”.

“Вот и лето прошло, словно и не бывало, нас согрело теплом, только этого мало...” — голос Софии Ротару звучал из полкового репродуктора. Было воскресенье, конец сентября. Стояли солнечные осенние, тёплые дни. Повсюду красно-жёлтыми пятнами лежали крупные кленовые листья. По утрам уже было свежо и чувствовалось дыхание подступающей зимы. Бек, никогда не любивший осень, вдруг по-иному взглянул и ему стал понятен смысл некоторых пушкинских стихотворений. “Осенняя пора, очей очарованье...”. Хорошо, Мариам-тате сумела привить любовь к поэзии, много стихов знает и, будучи в хорошем настроении, часто декламировала классиков и даже современников. Да, наверное, чтобы быть учителем русского языка и литературы, надо любить свой предмет... Вот и пробежало полгода — в кроссах, зарядках, “тревогах” и караулах. Вышел

приказ, и теперь я уже “черпак”, к тому же “механик-водитель третьего класса боевых зенитно-ракетных машин”. Во как! Эх, быстрее бы “дембель”, ещё три раза по полгода — и всё. “Дембель” неизбежен как крах империализма, — сказал салага, вытирая слёзы половой тряпкой”, — говорили в “учебке”. Защемило в груди, сильно захотелось домой, увидеть родных и самых близких. Хотя бы на пару дней просто оказаться на родине, в Казахстане!

В “учебке” многие курсанты были из близлежащих украинских деревень и городов: Ровно, Бердичева, даже из самого Житомира. Имеющий хорошую память Бекболат быстро натаскался в познании украинского языка — “мовы”, и многие хохлы удивлялись, “як гарный хлопец Бек дюже справно говорит и разумиет по-украински”. В столовой кормили не очень сытно, да и постоянные упражнения на турнике с кроссами на свежем воздухе отнимали последние калории у молодого, растущего организма. Вот тогда и попробовал Назаров украинский “наркотик” и даже “подсел” на него. В воскресные дни приезжали “до рідних дітяток” с полными сетками и раздутыми баулами их мамки, батьки и другие неофициальные лица. К вечеру ближе, всех проводив, “хохлы” “сидали” на травку, перекусить чем бог послал. Как-то раз к Беку подошёл товарищ из его взвода — узбек Дильшод Наврузов. Его глаза странно блестели. Глядя на пирующих “хохлов”, он поинтересовался: “Ты ел свиное сало когда-нибудь?”. Бек ответил, что не приходилось. Дильшод объяснил, что в принципе, Коран не запрещает есть свинину, что когда голоден — то можно! И что в данный момент он очень голоден! Бек задумался: “Ладно, подожди, сейчас что-нибудь придумаем”. Через мгновение, подойдя к “хохлам”, широко улыбаясь, присел: “Здоровеньки булы, хлопцы. Шо же вы мэне не шукаете? Не кличете? Али запам'ятавали, шо я, як и вы, українець? Чи шо, Степан, — обратился к парню из своего взвода, — не говорил хлопцам, шо у мэне мамка — украинка?!”. И взяв большой шмат сала с хлебом, отправил в рот. Затем не торопясь прожевал и рассудительно добавил: “Це ж нэ по-христ'янски!”. “Хохлы” остолбенели, воцарилось молчание. Потом, уже оценив смелость, находчивость и юмор Бека, разразились громким смехом. Все были в восторге от шуток весёлого балагура-казаха! Бек поел сам и принёс ребятам из своего взвода. В следующее воскресенье “хохлы” сами позвали “земляка”, послушать его смешные истории и анекдоты. Вот так Бек и стал “хохлом”!

После экзаменов наконец-то пришло спокойствие, не было утомительных кроссов и занятий — наступил “микродембель”. Скоро должны были начаться первые отправки в войска. Почему-то было **жаль** расставаться с ненавистой ранее “учебкой”. Вроде бы неплохо здесь, всё стало привычным и родным. Да и в самом городе служить, а не у чёрта на куличках! “Может, остаться, попросить замполита, потом и в партию вступить”, — думал Бек. Ему на днях сообщили, что батарейный писарь — “дембель”, увольняется — и ему срочно нужна замена. Бекболат неплохо писал тушью и рисовал. В школе обычно был в редколлегии, оформлял стенгазеты, а будучи студентом, подрабатывал художником-оформителем в детской библиотеке. Замполитом батареи был капитан Ковальчук, писанный красавец и атлет. На турнике и брусьях он летал, легко выделявая такие фортели, что не снились многим сержантам всей “учебки”. Брови вразлёт, усы,

карие глаза и каштановые волосы на пробор. На “чурбанов” смотрел пренебрежительно — “нацмены”, что с них взять?! Спустились с гор за солью! Такого сразу не возьмёшь, думал Бек, про маму-украинку не прокатит! И тут сама судьба дала шанс.

Через несколько дней, стоя дневальным по батарее, Бек услышал через приоткрытую дверь штаба, как замполит “распекал” писаря. Длинный, худой, рыжий Вася был отчитан за то, что халатно отнёсся к выбору замены и что теперь его уволят только под Новый год! Оказалось, что курсант, которого всё время учил Вася, устал от тягот и лишений службы и решил больше не служить. Написав письмо и вызвав родителей, благо жил он недалеко, объяснил, что устал тянуть солдатскую лямку и хочет домой. Те, пожалев своё чадо, решили вопрос с начмедом, положили “хронически больного” в госпиталь, чтобы потом комиссовать по состоянию здоровья. Замполит был крайне озабочен ожидающейся проверкой. Необходимо было срочно заново оформить ленинскую комнату. Портреты всех членов Политбюро и материал для этого имелся. Тут Назаров и предложил свою кандидатуру, сказав, что на “гражданке” работал художником-оформителем. “А ну-ка зайди, — приказал капитан Ковальчук, с интересом глядя на высокого, загорелого, стройного курсанта, — возьми перо, напиши что-нибудь!”. Бек сел за стол, не торопясь размял кисти, похрустел пальцами, хитро улыбнулся. Взяв перо, он внимательно посмотрел на него, почистил, обмакнул в тушь, затем уверенно и чётко написал: “Укр. ССР, г. Житомир, в/ч 54142, третья батарея, второй взвод, курсант Назаров Б. С.”. Усы замполита поползли вверх, рот растянулся в улыбке, обнажив белые ровные зубы: “Да, видать, Вася, молится кто-то за тебя! Повезло! Давай, обучай быстрее хлопца! Как обучишь, первой же отправкой домой отправлю!”. А Беку сказал, что если хочет остаться писарем, пусть проявит себя и из ленкомнаты “конфетку” сделает, тогда посмотрим, может, и останешься и коммунистом придёшь на “гражданку”. Насчёт партии Назарову, ещё до присяги, Арсен в письме дал ряд дельных советов. А именно, чтобы Бек не “залетал”, служил чётко, без замечаний, “рвал задницу” и постарался прийти партийным. Тогда не будет жаль потраченных двух лет молодости, — приписал он в конце. Советовать всегда легко, — думал Бекболат, разумом понимая, что за советом старшего товарища кроется житейская мудрость. Поэтому и решил постараться остаться в “учебке” и затем стать кандидатом в члены коммунистической партии. Теперь, стоя у тумбочки дневального, он был горд и счастлив, что пока всё идёт по его плану. Впрочем, Бек с детства считал себя удачливым. Так и должно быть. Каждому своё. Кто на что учился, — считал он, не подозревая, что в жизни многое бывает обманчивым и непостоянным и что фортуна — дама капризная и своенравная. С замполитом детально обсудив проект ленкомнаты и внеся некоторые предложения и коррективы, Бек попросил команду помощников для работы. В принципе ничего сложного не было: обтянуть заново кумачом стенды, закрепить стеклянные пластины на медных болтах. Затем наклеить буквы из импортной мелованной бумаги — цитаты из решений съездов КПСС и прочие лозунги...

**(Из письма курсанта Назарова Б. С.
Нургалиеву Арсену):**

“Витання з Україна! Здоровеньки булы, брат Арсен. Получил твоє сердечное послание, рахмет.

С первых строк разреши поинтересоваться твоим здоровьем, работой, родными. Слышал, что ты вышел на работу в школу. Как общение с подрастающим поколением, с коллективом? Что нового во дворе? Как мама твоя, работает? Привет ей от меня передай, скажи, пусть спит спокойно, небо под контролем, на посту рядовой Назаров, и он не подведёт. Теперь о себе. Всё в норме, бодр, весел и здоров, чего и вам желаю. Арсен, я постоянно с благодарностью вспоминаю тебя. Твои советы и практические занятия здорово помогли мне пройти курс молодого бойца. Казахстанцев здесь много, и все пользуются уважением. Я, по твоему совету, догворился с замполитом, чтобы остаться писарем в батарею и стать кандидатом в члены партии. Для этого должен был оформить ленкомнату. После чего, если проверка из штаба округа останется довольной, меня оставляют. Всё шло по плану. Я две недели без сна и отдыха вырезал буквы, старался. Конечно, дали помощников, но всю основную, тяжёлую работу делал я — твой братишка Бекболат. Я не плачусь, нет такой привычки, просто к концу второй недели я ходил как зомби, путал день с ночью, башка вообще не работала. Короче говоря, бумага, из которой резали буквы — импортная, немецкая, глянцева, лощёная. Такой я не видел никогда, по блату нашли — спецзаказ. Если согнёшь раз — всё — можно выкидывать. На сгибе излом уже не исправишь. Так вот, шрифт подобран был тоже классный, буквы типа “О”, “С”, “З”, “Р” — круглые, я скальпелем нарезал их где-то тысячи полторы или две, не помню. На пальце заработал мозоль такой, что останется надолго. Всё сделали, вырезали, ножки приклеивали ещё два дня. Только и осталось, что на стёкла приклеить да подсветку наладить. Я хожу довольный — усё гарно, вижу себя писарем житомирским! Да ещё полгода засчитывается как кандидатский стаж — просто сказка. Буквы ещё раз пересчитали, в мешки бумажные сложили и поставили в угол ленкомнаты. Утром просыпаюсь, крик стоит страшный. Слышу, меня зовут в ленкомнату. А там картина такая — мешки с буквами все смятые в лепёшку, на них будто медведь спал, ну и буквы... можно выкидывать, короче... Оказывается, дневальные — два дебила ночью захотели побороться. Один другого швыряет в угол, тот летит и прямо на наши мешки и приземлился. Я как увидел всё это, мне плохо стало, просто заколотило всего. А замполит, капитан Ковальчук, на меня орёт, мол, я в этом виноват. И матом на меня и всё такое. Говорит, три дня сроку даю, чтобы заново сделал. Я хотел ему высказать, что думаю, кипел, но не стал. Спокойно ответил, с улыбочкой: “Не получится, товарищ капитан. Никоним образом!”. — “Это почему?! Это приказ!” — кричит. Я ему поясняю, что это авторская работа, делалась с душой и сердцем, короче — эксклюзив. Что надо было беречь и в кабинете закрывать. Он мне: “Тогда в войска уйдёшь в Ямбург — где мороз и белые медведи!”. Я ему: “Хорошо, как скажете, спасибо за заботу и попечение!”. Вот такие пироги, брат. Если бы нормально попросил, по-человечески, дал бы день отдыха, может, я и постарался бы. А он со мной как со скотиной, даже хуже — скотину и то холят и лелеют. Как с ним работать? Я ведь тоже существо одушевлённое и иногда воодушевлённое! Так что извиняйте покорнейше, брат Арсен, не справился я с вашим поручением. Поэтому был направлен в войска. Пишу уже с пересылки, в Белоруссии нахожусь, город Борисов. Завтра будет известен конечный пункт дислокации. Как приеду — напишу. Жму крепко руку, твой братишка рядовой Назаров Б. С... 3.11.1987 г.”.

За полгода в “учебке” Бек подружился со спокойным и немногословным коренастым пареньком из Таджикистана Александром Дусмурадовым — “Санчо”. Тот приглянулся своей невозмутимостью, рассудительностью и отличными спортивными навыками. Во взводе по бегу Бек уступал только ему. Как только в батарею проходил спортивный праздник и бежал второй взвод, вся батарея, затаив дыхание, наблюдала за борьбой между двумя друзьями. Таджики поддерживали криками своего земляка, а казахстанцы, которых тоже было немало, болели за Бека. Но всегда побеждал Санчо, на последней минуте он ракетой вырывался вперёд и приходил первым, под восторженные крики и свист курсантов-таджиков. Александр был лишь наполовину таджик, мама его была русской. Может быть, поэтому он, унаследовав сильные гены, был крепким и плечистым. Внешностью он напоминал Саида из кинофильма “Белое солнце пустыни”, хорошо говорил на таджикском, узбекском и русском языках. На “гражданке” занимался каратэ, закончил два курса университета. Запомнился один случай. Однажды утром, полусонным выбегая на зарядку, Санчо столкнулся с каким-то наглым, грубоватым азербайджанцем. Тот “сморчок”, небольшого роста, стал материться, толкаться, явно напрашиваясь на взбучку. Бекболат уже мысленно представил, как сейчас кому-то станет плохо. Но, к его вящему удивлению, Санчо извинился и вообще повёл себя странно. После отбоя Бек долго не мог уснуть. Отвернувшись от кровати друга, раздумывал: “Неужели Санчо — трус?! Не похоже...”. Санчо тоже молчал, потом, видно, угадав его мысли, толкнул в бок. “Слушай, не хотел говорить, но тебе как другу расскажу. Я же говорил, что на “гражданке” каратэ занимался. Так вот, нас тренировал сэнсей, чёрный пояс, пятый дан, Александр Александрович, или просто Сан Саныч. Он не только воспитывал наш характер, волю, тело, но и дух, разум, был нашим наставником. Я ведь без отца вырос — как и ты. Уличное воспитание, побеждает сильнейший — закон “джунглей”. Характером, видать, я в отца пошёл, его зарезали, когда мне пять лет было. Он сильный был и справедливый, напролом шёл, никого не боялся, вот и напоролся. Я был маленький беспризорник и хулиган, ходил всегда в синяках и шишках, милиция не знала, что со мной делать. Мама моя, Любовь Николаевна, врачом работает, в махалле все её Матлюба называют, слёзы все выплакала, один я у неё. Короче, один раз на базарчике опять подрались с соседскими мальчишками, идём домой. Вдруг мужик русский подходит, говорит мне: молодец, ты отчаянно дерёшься, тебя как зовут? Я в ответ: а вам какая разница?! Он мне: а ты не ершишься, я же вежливо спрашиваю. И не милиционер я, а тренер, таких вот, как ты, тренирую. Я назвался, а он мне: тёзка, говорит, у тебя данные есть. Ты подумай и давай приходи к нам, во Дворец спорта, спросишь Сан Саныча, тебе объяснят как найти. Вот так я и попал к нему. Он мне как отец стал, много чему научил, и я до сих пор Аллаху благодарен, что он мне такого человека послал. Так вот, по этому поводу послушай рассказанную им старую мудрую притчу: “... Гечин Фунакоши — основатель школы рукопашного боя, возвращался домой, когда его остановили грабители. “Если хочешь жить, гони деньги!” — приказали они. “Их у меня никогда не было...” — ответил мастер. “Тогда снимай свою одежду!” — “Возьмите, только она вся дырявая!”. — “Проваливай тогда, сушёная креветка, пока цел. И великий

мастер, который мог бы в мгновение ока разделаться с ними, удалился. Он шёл домой, испытывая радость победителя, ибо *предотвращённая схватка есть выигранная схватка*”.

Санчо замолчал и, отвернувшись, через минуту был объят ровным и спокойным сном...

Ещё во взводе был весельчак, юморист и хохмач Лёва Райхман, родом из Бийска Алтайского края. Неунывающий балагур, знающий множество анекдотов и смешных случаев. Однажды, на полевом выходе, когда уже заканчивался месяц изнурительных марш-бросков и бесконечных кроссов, во время ужина произошёл интересный случай. Курсантов кормили неплохо, но ежедневные занятия и нагрузки на свежем воздухе сжигали всю энергию и всем всегда хотелось есть, тем более сладкого. Посреди поляны в лесу из сколоченных досок стояли столы — это и была полевая столовая. Набрав в котелок пищу, курсанты стоя поглощали нехитрый солдатский паёк. Тут же стоял и сержантский стол, который ломился от неположенных курсантам сладостей — сгущёнок, джемов и шоколадных конфет. “Японский городской!” — вдруг раздался голос старшего сержанта Гусева, выронившего кусок хлеба, обильно смазанный маслом и джемом, который упал по всем правилам падающего бутерброда. Не прошло и секунды, как рядом с Гусевым возник Лёва: “Разрешите обратиться, товарищ старший сержант?” — громко и чётко произнёс он. “Валяй!” — кивнул замкомвзвода Гусев. — “Разрешите поднять?” — Лёва стоял, вытянувшись в струнку, как на экзамене по строевой подготовке, правая ладонь будто прилипла к виску. “Ну подними!” — Гусев удивлённо открыл рот, перестав жевать. Все вокруг застыли в недоумении. Ловко подобрав бутерброд, Лёва положил было его на сержантский стол, но рука, бережно державшая добычу, словно застыла в миллиметре от поверхности: “Товарищ старший сержант! Это, если вы не будете его есть... разрешите мне?!”... Сержанты переглянулись. “Разрешаю!” — царственно махнул дланью Гусев. Лёва, сияя, вернулся на место и аккуратно ложкой убрал налипшую на лакомство землю с песком. “Ребята, хотите поделюсь?” — Лёва протянул кусок Сане и Беку. “Спасибо, я с детства не люблю джем”, — ответил один. — “Это же вишнёвый, у меня аллергия на вишню!” — добавил и второй. Больше за одним столом с Лёвой старались не есть и симпатия к нему вдруг неожиданно пропала...

Продолжение в следующем номере.

Евгений КИРСАНОВ

*“Много в мире
прекрасных явлений...”*

Ночной перелёт

В пару и облаках,
Над бездной океана,
Забыл про риск и страх
Пилот аэроплана.

В дыхании зари
Купается машина,
И вроде до земли
Должно хватить бензина.

И сердце рвётся ввысь,
Вослед кипящей дали,
Туда, где собрались
Все те, кого мы знали.

Заоблачный мирок
Кружит перед глазами,
Вихрящийся поток
Неодолим местами.

Но вновь прольётся синь
Над крышей самолёта,
Синей морских пучин
И глаз того пилота.

Раскаяние

Листья падали, падали вниз,
Устилая собой гладь воды,
И последний, держась за карниз,
Слов прощенья ждал от звезды.

Он всё лето, на самом верху,
От других закрывал её блеск,
Но его, что поддался греху,
Ждал лишь чёрной воды тихий всплеск.

Средь ветвей оголевших видна
Та звезда, только где тот листок?
Над опавшей листвою — одна,
Чтобы каждый узреть её смог.

К нам колючие метели
Из Сибири долетели,
Знать, в России в самом деле
У зимы большой размах.
Может показаться сложно,
Но прожить зимой возможно,
Всё же не в глуши таёжной
Мы живём, а в городах.

Может быть, всё обойдётся,
Клеить окна не придётся,
И ботинок не сверзнётся
С батареи в унитаз.
В оттопел не канем в лужу,
Ветер не изгонит душу,
Лютую не встретим стужу,
Минус двадцать — в самый раз.

Мы о солнце не жалеем,
Развлечёмся как сумеем —
Мы, дистрофики, успеем
В сильный ветер полетать.
А когда развеет тучи,
С неба глянет солнца лучик,
И вокруг благополучно
Заискрится благодать.

Снова сплету из прожилок заката
Нового чувства узор —
Страстно, прерывисто, в общем-то, сжато
Свой оформляю фольклор.

Чувства врываются в сети страницы
Чёрного цвета строкой,
Будто в агонии мечутся птицы,
Пойманы этой рукой.

Сможет ли дар поэтизма, как рыцарь,
Снова вскочить на коня,
Если достанется честолюбивцу —
Да, вот такому, как я?

Мне ль расставаться с душевной отрадой,
С гулом мятежных сердец,
Если другого венца мне не надо,
Только творенья венец.

Вроде наладилось жизни течение,
Я только, экий глупец,
Всё бы отдал за экстаз вдохновенья,
Музы безвестный гонец.

Дедушке

Я люблю, но не так, как велят..
Темиртау, ты сам позови,
И во тьме не угаснет закат,
Пусть закат, но горячей любви.

Ну а после заката мой дед
Звал меня на веранду с собой,
А на небе, как будто в ответ,
Загоралась звезда за звездой.

Он курил по прохладе ночной
И задумчиво что-то свистел,
Только я лишь качал головой,
Потому что свистеть не умел.

Я любил тот густой аромат —
То полынью тянул ветерок,
Долетевший от сопочных гряд.
И потом тут и там огонёк

Загорался за этой грядой —
Это город огни зажигал.
Дед назвал его “Город ночной”,
Очень просто и точно назвал.

Там, где город опять, как тогда,
Гладью озера манит мой взгляд,
Где его не состарят года —
Я люблю, но не там, где велят.

Средь листьев пару поплавок
Качает водоём,
И в отраженьях облаков
Толкуем ни о чём.

И вьётся нимфою мечта
Над гладью тёмных вод.
Смертельна эта красота,
Затянет, если вброд.

Вот здесь топи свою мечту,
А я уж утопил,
И впредь не вспоминай про ту,
Которую любил.

Жухлая трава
Под ботинками хрустит,
Неба синева
В зыбком деревце сквозит.

Прыгни, ухватись, —
Листья опадут в огонь,
Вспыхнут, взмоют ввысь,
И под каждым — рыжий конь.

Дождю

Вот и проснулся, мне птицы щебечут,
Зеленью пышет листва.
Музыка Баха тревогу залечит —
Что нам чужие слова?

То всё слова, и они не опишут
Тяжесть литых облаков,
Свежесть росы на траве и на крышах
Дремлющих старых домов.

Сырость и мгла, и степенная серость
В воздухе, в полах плащей,
Тише, мудрее, учтивее, верно,
Взбалмошных солнечных дней.

Небо безмолвно, и только пичуги
Сеют свой утренний гам.
День наступает, друзья и подруги,
Скоро вставать по делам.

Власть любви над людьми велика,
И пусть чудо её иллюзорно,
Всё же страшна расплата, бесспорно —
Выпив сок, пустит всех с молотка.

Ведь корыстны истоки любви,
Все мы ищем на чувство ответа,
Твари с сердцем, способной на это.
Только это мечты не мои.

Несравнимо ни с чем постоять
Под мистическим звёздным покровом,
Каждый раз неизведанным, новым,
Никого для себя не искать.

Ночь ушла, тронув струны души...
А рассвет? Это чудо природы,
Что в душе сохраняется годы,
В предрассветной рождаясь тиши.

Вот бы вечно на небо смотреть
И в бездонном тонуть небосводе!
Как приятно по ясной погоде
Ничего для себя не хотеть.

Иль вдохнуть нежной лирики прах
И пройти рядом с пушкинским Фебом?
Как чудесно под пасмурным небом
Помечтать о высоких мирах.

Что там ждёт, на тропинке лесной?
Чуть туманно, что тоже прекрасно.
Что же ждёт тех, кто любит, то ясно —
После долгих скитаний... покой.

Вновь за деньги любовная ласка,
Жизнь без смысла уходит, как сказка.
Полевые цветы на гробу...
Много в мире прекрасных явлений —
Не хочу уподобиться тени,
На любовь променявшей судьбу.

Мне умный дядя в Костроме сказал,
Что я неискренен в стихах и в прозе,
И мысленно ему я возражал,
Что искренни бывают только слёзы.

Души тревога ни к чему стихам,
Ведь так же искренне бушуют грозы.
Цветут лишь розы, искренние розы,
Я эти розы никому не дам.

г. Темиртау
Карагандинской области.

Юрий ПОМИНОВ

Хроника смутного времени

Записки редактора

Книга третья

(Продолжение. Начало в №№ 1-4 за 2011 год)

1 февраля 1996 года

Приступил к работе первый двухпалатный парламент Казахстана. Выступая на совместном заседании Сената и Мажилиса с программной речью, Н. А. Назарбаев сказал, что “мы стоим у истоков зарождения казахстанского парламентаризма в истинном цивилизованном понимании”. А до этого “мы переживали кризис всей государственной системы, не сумевшей последовательно и полностью отрешиться от советской идеологии и практики...”.

“Когда возник вакуум законодательной власти, президенту пришлось взять на себя всю ответственность за состояние дел в государстве... В этот период указами, имеющими силу законов, удалось закрыть брешь в правовом регулировании, создать внушительную законодательную базу...”.

Говоря о положении дел в экономике, президент подчеркнул: удалось сократить уровень инфляции почти в восемь раз — с 1260 процентов в позапрошлом году до 160 в минувшем... Темпы падения годовых объёмов валового внутреннего продукта уменьшились с 25,3 до 8,9 процента... Правительство стремится сократить разрыв между доходами самых бедных и самых богатых... Важнее, однако, другое, считает президент, — формирование значительного и массового слоя обеспеченных людей, которых называют средним классом...

Речь президента заняла у нас около двух газетных полос. По его предложению председателем Сената избран О. Байгельдиев — бывший председатель Жамбылского облисполкома, затем глава здешней обладминистрации, а в последнее время — советник президента. В политике на республиканском уровне он до сих пор никак себя не проявлял.

Председателем Мажилиса избран на альтернативной основе М.Т. Оспанов — выпускник Московского института народного хозяйства, экономист, кандидат наук. Работал начальником республиканской налоговой инспекции, избирался заместителем председателя Верховного Совета Казахстана.

3 февраля

Патриарх Московский и всея Руси Алексей Второй выступил с заявлением в связи с захватом неизвестными в Чечне двух православных священнослужителей, отправившихся туда с гуманитарной миссией по вызволению военнотружущего-россиянина. Патриарх обращается с просьбой к мусульманскому духовенству и всем, кто на это способен, помочь в освобождении священнослужителей.

Дай-то Бог, чтобы помогли... Но в Чечне идёт война без правил, когда не действуют ни человеческие, ни какие другие законы...

Москва становится самым дорогим городом мира: проживание в гостинице, обед и ужин в ресторане, две поездки в такси, один международный телефонный

звонок — всё это, вместе взятое, обходится деловым людям дороже, чем в Токио, Буэнос-Айресе, Гонконге, Копенгагене.

Каково при этом живётся людям в российской глубинке — и говорить нечего... Но Москва в России во все времена жила своей особой, отдельной жизнью...

Люди приспосабливаются к реалиям сегодняшнего бытия, кто как может. Одно время в сёлах под Павлодаром — Черноярке, Красноармейке и некоторых других — строили, стирая грань между городом и деревней, многоэтажные жилые дома. В них и жили “по-городскому” — с централизованным отоплением и прочими удобствами. Теперь эти самые удобства оборачиваются для людей сущим бедствием: не ремонтировавшиеся по многу лет котельные выходят из строя; хозяйства или организации, на балансе у которых многоэтажки находились, либо сами дышат на ладан, либо уже развалились...

В Красноармейке котельная, отопливающая пятиэтажный многоквартирный дом, остановилась — котлы вышли из строя. Жильцы стали в массовом порядке переходить на электрообогреватели. В результате сторел кабель. На новый нужно 200 тысяч тенге. Пока их собрали (откуда у большинства жильцов возьмутся деньги?), прошла почти неделя, ещё несколько дней уйдёт на замену кабеля... Как жить всё это время зимой, когда морозы ночью за двадцать, а порой и больше, без отопления? Вот люди и кинулись изготавливать самодельные “буржуйки”, ставить их в одной из комнат, выводя трубы в окно... Чем не блокадный Ленинград?

Публикуем подборку писем читателей, размышляющих о нашей теперешней жизни. Две цитаты:

“... Конечно, наша семья и тогда (в советские времена. — **Ю. П.**) жила более чем скромно, но хоть какая-то почва под ногами была, верили во что-то, стремились. А теперь как живём: день прошёл — и слава Богу, даже на неделю вперёд загадывать не приходится. Ни одного нет родственника или знакомого, чтобы жили спокойно и счастливо”, — пишет Т. Искакова.

А вот что пишет О. Заичкина: “Предельно прямо и точно определено наше сегодняшнее состояние: притерпелость. Нет газа неделями — ладно, потерпим, гаснет свет чуть ли не каждый вечер — ничего, загорится; ходим по своим холодным квартирам, натянув на себя всё имеющееся тёплое тряпье, — ничего, весна не за горами... И жить так больше не хочу, а что делать — не знаю...”.

Триумфально выступил в США джазовый оркестр павлодарского музыкального училища под руководством Виктора Шейкина. Даём об этом большой материал. Думаю, с неменьшим успехом могли бы выступить в любой стране мира с хорошими музыкальными традициями оркестр русских народных инструментов того же педучилища (я его слушал — это просто чудо!), ансамбль “Русские узоры” из Аксу, уже давно завоевавший не только казахстанского, но и российского зрителя.

Вообще же говоря, в Павлодаре за несколько десятилетий сформировался слой истинных ценителей высокой музыки: умение павлодарцев слушать её отмечают все серьёзные исполнители, выступающие у нас с концертами.

Всё жалуемся на жизнь, а сто жителей области отправятся за свой счёт или за счёт предприятий, на которых работают, в США, на летние Олимпийские игры в Атланту. Это будет туристическая поездка — в том числе и для поддержки наших казахстанских олимпийцев. Стоимость каждой путёвки — 5600 долларов.

4 февраля

Воскресенье... Рано утром вернулся из Омска... Живу в последнее время ночной жизнью — в Усть-Каменогорск и обратно ехал ночью, в Омск и обратно — тоже. Удовольствие, надо сказать, не из особенно приятных.

В Омске доводил до кондиции заказную книжку, которая нравится мне всё меньше и меньше, если слово “нравится” вообще здесь уместно. Но теперь уже ничего не поделаешь, к тому же кто платит, тот и музыку заказывает...

Зато от души пообщался с Володей Голубевым и поближе познакомился с его женой Мариной. Замечательные люди, закончили журфак МГУ. С Володей мы знакомы ещё с тех пор, когда Павлодарская область входила в зону его собкорства. Он по-прежнему в “Труде” — собкором по Омской области, пишет не часто, но хорошо. Пытается подрабатывать, потому что на собкоровскую зарплату не проживёшь.

Я ему передавал через кого-то книжку “Помню и люблю”, и он сам завёл разговор о ней, сказал, что я в ней обессмертил людей, о которых написал, и вызвал много дорогих ему воспоминаний о его собственной минувшей жизни. При всём при том, заметил Володя, он считает себя “злым читателем”... Тем дороже мне были его добрые слова.

Ещё мне понравилось, как он жарил в духовке курицу: насаживал её на кефирную бутылку с водой, и, время от времени заглядывая в дышащее жаром чрево плиты, спрашивал: “Ну как ты тут, дорогая?”. Конечно, и выпито было немало — под курицу и под песни Высоцкого со старого магнитофона...

6 февраля

Первый рабочий день. Окунулся в слегка подзабытую атмосферу служебных забот, и так мне к вечеру тоскливо стало...

Любопытный разговор с С. П. Шевченко о природе творчества. Он мне с горячностью доказывал: наши с ним “олитературенные” личные впечатления о пережитом и прочувствованном — и есть самое важное и стоящее. Всё это, профессионально “упакованное”, куда дороже, значительнее, долговечнее “чистой” беллетристики. Мне эти его слова — как бальзам на сердце, но остаются сомнения: где гарантия, что все наши откровения будут интересны ещё кому-нибудь, кроме нас самих?

Сергей Павлович с головой ушёл в новую работу — книгу о канале Иртыш — Караганда. У меня же времени не хватает катастрофически, и я лишь урывками пытаюсь править написанное в отпуске.

7 февраля

В Павлодаре появилась сотовая связь. Сам аппарат можно носить в кармане и звонить по нему, находясь дома, на улице, в машине, на любой другой телефон. Правда, удовольствие это дорогое, и клиентов у “Алтела” (компании, которая её внедряет в Казахстане) пока немного.

Вместо Конституционного суда у нас в Казахстане теперь будет Конституционный совет. Он состоит из семи членов, которых назначили (по два) президент и председатели Сената и Мажилиса. Во главе Совета — председатель, назначенный президентом.

8 февраля

В Павлодаре закрываются библиотеки... У нас и до того-то не было ни одной размещённой в типовом здании, а теперь те, что находились на первых

этажах домов, либо переселяют (например, в кинотеатр “Спутник”), либо уплотняют, либо расформировывают (закрывают). А что, всё правильно: у нас ведь рынок, и то, что не приносит прибыли, должно отмереть...

Впрочем, “отмирают” не только библиотеки, но и целые заводы, фабрики, строительные тресты... Тот же тракторный, как выражаются в фильме про Буратино, скорее мёртв, чем жив (три четверти объёмов производства, если не больше, ушло в небытие). Или “Экибастуэнергострой”, отмечающий в эти дни своё двадцатилетие и построивший десять энергоблоков (!) на Экибастузских ГРЭС-1 и ГРЭС-2, да миллион квадратных метров жилья, да 19 детских садов, да пять школ... Этот один из самых мощных в бывшем СССР трест также близок к кончине: его руководство в очередной раз бьёт челом министру энергетики и угольной промышленности В. Храпунову — погасите задолженность по зарплате хотя бы за второй квартал прошлого (!) года... Ещё немного — и треста не будет, тогда и его проблемы отпадут сами собой...

Когда кто-нибудь из знакомых поддавливает “ЗП” на каких-то неточностях, ошибках или каких-то других “проколах”, я делаю оловянные глаза и отвечаю: “Не может такого быть, наша газета всегда пишет чистую правду!”. Нормальные люди, опешив сначала, затем улыбаются, и дальше разговор протекает вполне мирно. Дуракам же всё равно ничего не объяснишь.

Но вот читаю свою газету и не знаю, верить — не верить: наша область вышла в лидеры по уровню средней зарплаты (надо полагать, начисленной, потому что на деле её получают далеко не все). Облстат приводит цифры: в ноябре прошлого года она у нас была 8806 тенге. Следом за нами идут кустанайцы со своими 7100 тенге, и только на третьем соседи-карагандинцы — 6878 тенге. А меньше всего зарабатывают в Северо-Казахстанской области — 4466 тенге.

13 февраля

Дикую историю о том, как бандитствует наше родное правительство, рассказывает в сегодняшнем номере “ЗП” С.П. Шевченко. Суть дела: Павлодарский завод “Октябрь” изготовил для Карагандинского металлургического комбината специальное оборудование. Стоимость заказа потянула на 3,5 миллиона долларов США. И как ни трудно это было (экономический кризис, нехватка сырья и денег и т. д.), “Октябрь” свои обязательства перед “Карметом” выполнил. А заказчик рассчитываться не спешил, в том числе и потому, что сам уже был в финансовом кризисе.

Для “Октября” же случившееся стало просто трагедией: его долг бюджету сейчас приближается к 70 миллионам тенге, по зарплате — 17 миллионов, другие долги — ещё около 50 миллионов. Вполне благополучное предприятие стало фактическим банкротом.

Тем временем правительство передало “Кармет” в управление английской фирме “Испат”, которая отнюдь не собирается платить по долгам своих предшественников. Долг “Октября” бюджету правительство взяло на себя (большей частью), а полагающиеся заводу деньги за выполненный заказ обязало выплатить новых управленцев “Кармета”.

С тех пор много воды утекло, исписаны горы бумаг, а с “Октябрём” так и не рассчитались. Зарплату рабочим здесь не платят с начала прошлого года. Завод практически остановлен и перебивается лишь мелкими заказами. Теперь уже рабочие, доведённые до отчаяния, пишут премьер-министру А. М. Кажегельдину. Руководство завода собирается судиться с Министерством промышленности... А старейшее предприятие Павлодара умирает.

Оказывается, каждый из нас, казахстанцев, уже имеет шансы заполучить по 40 тысяч тенге — это стоимость акций, купленных на наши инвестиционные приватизационные купоны. И цена их, по уверениям отечественных “приватизаторов”, неуклонно растёт. Правда, пока это лишь расчёты, и забрать эти самые 40 тысяч тенге никому не удаётся. Сразу вспоминается главный “приватизатор” России Чубайс, уверявший, что стоимость одного ваучера (приватизационного чека) равна стоимости двух автомашин “Волга”.

Из подборки “Что писала наша газета”. Заголовки одного номера, посвящённого 70-летию со дня рождения Сталина (“Большевистский путь”, 21 декабря 1949 года).

“Трудящиеся нашей Родины и всего мира желают своему вождю и учителю доброго здоровья и многих лет жизни”.

“Учитель и друг советских женщин”.

“Спасибо великому Сталину”.

“Великий друг и организатор всех побед казахского народа”.

15 февраля

Председатели профкомов всех разрезов и погрузочно-транспортных управлений “Экибастузугля” направили телеграмму Н.А. Назарбаеву: горняки доведены до отчаяния постоянными задержками зарплаты, обстановка в коллективах взрывоопасная...

Предприятия России и Казахстана задолжали угольщикам Экибастуза четыре миллиарда 236 миллионов тенге, отсюда и все остальные проблемы.

Делегаты “Экибастузугля” бойкотировали съезд профсоюза угольщиков Казахстана, проходивший в Экибастузе, и тем самым заблокировали принятие всех его решений.

Заведено уголовное дело на председателя Верховного суда Казахстана М. Малахова. Из разъяснений помощника Н. А. Назарбаева по правовым вопросам, данного КазТАГ, ничего нельзя понять. Похоже, “бодаются” председатель суда и один из его замов. Дело ведёт КНБ.

Джохар Дудаев дал интервью германской газете “Бильд”: “Сейчас Европа наблюдает за совершаемыми на нас нападениями. Пусть она наблюдает и дальше, пока мы не перенесём войну в саму Европу”.

Комментарий “Бильд”: “Борьбу за независимость Чечни Дудаев намерен вести до последнего чеченца. Поэтому необходимо остановить безумца”.

Попробуйте остановить выпущенного из бутылки джинна, у которого также много явных и тайных союзников, в том числе в самой России...

Письмо из Баянаула от местных почтовиков: “Люди перестали выписывать газеты и журналы, почти не посылают переводы и посылки... Доходов нет никаких, поэтому почту к нам привозят всего раз в неделю. Фактически мы остались без работы...”.

17 февраля

Очередная неделя промелькнула — будто её не было: уже суббота. Вчера ходил на очередной юбилей: чествовали профессора-филолога (с историческим

уклоном) — его семидесятилетие и 55-летие научной деятельности. По поводу последней даты в кулуарах кое-кто немало позубоскалил...

Любят у нас братья-казахи чествовать себя любимых... И, надо отдать им должное, умеют это делать... Вот и наш юбиляр раскрутил торжества на полную катушку: организовал статьи в газетах, передачи по телевидению и радио, пригласил гостей из столицы. Подарены ему были два коня, с десятков ковров и паласов, примерно столько же чапанов, два телевизора, путёвки (туристическая — в США(!) и лечебная — в санаторий), десятка два поздравительных папок... Были, само собой, и конверты с деньгами... Всё было обставлено солидно, временами — просто трогательно, но поздравительные речи до того меня утомили, что на банкет я решил не идти...

Из других выдающихся событий минувшей недели (уже мирового масштаба) нельзя не отметить официальное выдвижение на второй президентский срок Б. Н. Ельцина. Он сам объявил об этом у себя на родине в Екатеринбурге. Решение его продиктовано соображениями высокого порядка — тревогой за судьбу реформ... А то ведь, не дай Бог, опять вернутся к власти коммунисты, как это произошло в Госдуме, и всё повернут вспять...

Б. Н. пообещал уже в марте рассчитаться с долгами по зарплате (как будто кто-то мешал ему раньше заняться этой проблемой)... Пообещал помочь финансами родной Свердловской области... Показал себя строгим “батькой”, сообщив о возбуждении уголовного дела в отношении бывшего и.о. Генерального прокурора Ильюшенко. Того самого, которого сам в своё время и бросил на межведомственную комиссию, призванную разоблачить финансовые прегрешения бывшего вице-президента Руцкого. “Кампания” с треском провалилась, но кто теперь об этом помнит! Именно Ильюшенко Ельцин дважды рекомендовал российским парламентариям в качестве Генерального прокурора, и дважды они ему в этом отказывали. И вот теперь самого и.о. обвиняют в злоупотреблении служебным положением и каких-то махинациях.

Ещё Б. Н. отправил в отставку председателя российской телерадиокомпании О. Попцова — того самого, кто немало поспособствовал его восхождению на “президентский трон” и одно время почти неотлучно находился с ним рядом.

Попцов, как, наверное, никто другой, потрудился на ниве создания самостоятельного российского телевидения... И вот сполна получил за свою “беспорочную” службу: передачи российского ТВ объявлены “чернухой”.

Главную же роль в скорой отставке Попцова наверняка сыграла его документальная книжка под заголовком (за точность не ручаюсь) “Хроники времён царя Бориса...”. За аналогичное сочинение “Прощание с президентом” вышвырнут со своего тёплого местечка — посла в Ватикане — бывший пресс-секретарь Ельцина Костилов, “прославившийся”, помимо прочего, тем, что некогда был сброшен по команде “патрона” с борта теплохода в Волгу... А ведь как служил, как служил...

На место О. Попцова назначен Э. Сагалаев, ставший известным во времена перестройки и одно время даже возглавлявший конфедерацию Союза журналистов. Я, кстати, был делегатом того последнего съезда Союза журналистов СССР, который неожиданно для самого Сагалаева избрал его на этот пост.

О своём новом назначении Э. Сагалаев узнал из программы новостей российского ТВ — это вполне в традициях сегодняшней российской политики. Не отказался... Сказал, вероятно, обозначая будущую генеральную линию, что “своё уже отбоялся”. Тем временем трудовой коллектив российской телерадиокомпании обратился к Б.Н. Ельцину с требованием объяснений — за что освобождён их прежний начальник, а Сагалаева попросили не приступать к своим новым

обязанностям, пока такого объяснения не будет. Вряд ли, однако, Б.Н. опустится до таких объяснений... Да и заслуживают ли их многие из тех, кто, как тот же Попцов, в своё время двигал вперёд Ельцина в пику Горбачёву?

Кстати сказать, Ельцин в Екатеринбурге отнюдь не производил впечатление вполне здорового человека: говорил каким-то охрипшим голосом, заторможенно, часто не находя нужных слов.

Кандидат в президенты от коммунистов Г. Зюганов уже заявил, что оценивает шансы Ельцина как минимальные. Едва ли это так. Ведь Ельцин, чья популярность в народе и впрямь померкла, тем не менее устраивает очень многих — “новых русских”, успевших ограбить Россию за годы “реформ”, им есть что терять, и они не остановятся ни перед чем, чтобы оставить его на троне. Поддержат Ельцина и большинство глав краёв и областей, привыкших царствовать “в своих губерниях” (а уж как у нас умеют “организовывать” выборы и особенно считать голоса, мы знаем). На стороне Ельцина будет российская демократическая печать, особенно московская, и центральные телеканалы; Ельцина поддержат, опасаясь того же Зюганова, США и Западная Европа и, конечно, президенты бывших советских республик, а ныне суверенных государств, желающие закрепить нынешний статус-кво и свои пусть не идеальные, но вполне устраивающие их отношения с нынешней Россией, не шибко заботящейся о судьбе своих соотечественников, оказавшихся не по своей воле за рубежами исторической родины. И так далее, и тому подобное... Будут включены все рычаги, чтобы хоть под руки, но довести Б. Н. Ельцина до второго президентского срока, и прав не Зюганов, а, скорее, прожжённый аппаратчик и политик А. Лукьянов (бывший председатель Верховного Совета СССР, некогда соратник М. С. Горбачёва, а затем “сиделец” “Матросской тишины”), который сказал, что борьба будет тяжёлая и жёсткая, и что предсказать её результат сложно...

Ельцинские “стратегии” уже сегодня выстраивают ещё одну предвыборную линию: продвигают вперёд Жириновского, подавая его в наиболее выгодном свете, чтобы на выборах именно он, а не Зюганов вышел во второй круг с Ельциным (о победе Б. Н. в первом туре никто даже не заикается), а победить Ельцина Жириновского на завершающем этапе уже не составит труда...

Именно в этом русле была выстроена недавняя передача бывшего “взглядовца” Любимова “Один на один”, в которой Жириновскому противостоял коммунист (из “непримиримых”) Анпилов. Он и сам по себе человек неуравновешенный, а может, и не вполне адекватный (или “напускает на себя”, как говорит один мой знакомый). Если же добавить сюда его склочно-истеричную манеру общения, усиленную возможностями телевидения... На этом фоне даже обычно эпатирующий публику Жириновский может выглядеть верхом интеллигентности... Что, в общем, и произошло, чему немало поспособствовала группа поддержки Анпилова — несколько тёток неопределённого возраста с транспарантами, запевавших то “Смело, товарищи в ногу”, то “За слёзы наших матерей, за нашу Родину — огонь, огонь!”. Зрелище было столь впечатляюще-убогое, что и ведущий передачу, и Жириновский остались вполне удовлетворены — цель достигнута.

Уже неделю стоят холода. Хорошо хоть на работе тепло — несколько лет назад заменили в редакции трубы и батареи отопления.

19 февраля

Прекратила своё существование газета “Советы Казахстана”, которую издавал бывший Верховный Совет. Неплохая была, между прочим, газета... Отныне парламентариям собственного издания не положено. Не уверен, что это

правильно: пусть бы звучали голоса народных избранников, чтобы яснее становилось нам, за них голосовавшим, кто есть кто...

Первые лица России на весь мир заявили, что Грозный взят под контроль. А в центре его целую неделю шёл митинг сторонников Дудаева, на организацию которого его сподвижник, бывший директор здешнего завода нефтепродуктов, выделил полмиллиона долларов. Что же это за контроль такой, когда антигосударственные акции финансируются на деньги, украденные у государства? Или это законная зарплата директора?

Отличный материал раскопал наш нештатник Б. Хазыров — из жизни газет-предшественниц “ЗП”. Так, “Красного Павлодара” вышло всего несколько номеров. И по весьма банальной причине: редактор Семён Батурин (кстати, член бюро уездного ревкома, член партийного суда при этом бюро) был снят со всех постов и исключён из партии из-за того, что венчался со своей невестой в церкви (любил, наверное. — **Ю. П.**), а ещё за то, что “по собственному почину” провёл в дом, где жил, электричество... “Обращение к услугам церкви” было квалифицировано как “дискредитация... партии в глазах масс”, а приобщение к электрическому свету и вовсе признано преступлением. Батурина было предписано собственноручно снять электропроводку и доставить провода туда, откуда они были сняты...

Его дальнейшая судьба неизвестна, кроме того, что он был откомандирован в политотдел стрелковой бригады, который его раньше рекомендовал на редакторский пост.

“Красный Павлодар” несколько месяцев не выходил — его попросту некому было делать. И тогда власти города объявляют (листовкой) регистрацию (читай — мобилизацию) специалистов газетной техники и литературных работников: литераторов, журналистов, репортёров, хроникёров, корректоров и выпускающих газет и журналов... “Винные в укрывательстве и не сообщившие сведения об... упомянутых специалистах подлежат преданию суду как за укрывательство дезертиров...”.

Судя по всему, и эти строгие меры не помогли, и лишь спустя семь месяцев, 2 ноября 1920 года, вышел первый номер новой уездной газеты “Большевик”, которая просуществовала до июня 1921 года.

Ещё с интересом прочитал в нашей газете перепечатку из “Труда” о некоторых особенностях быта космонавтов на орбитальной станции. Воду сюда доставляют (сотнями литров) грузовые корабли... А ещё её получают из урины (мочи) и затем очищают до дистиллированной воды. Но эту воду не пьют, а разлагают на кислород и водород (его сбрасывают в космос). А вот воду, получаемую из пота и других водяных паров, улавливают, очищают, насыщают необходимыми минералами и солями, консервируют ионами серебра, а затем используют по прямому назначению...

20 февраля

Генеральному прокурору России Ильюшенко инкриминируется получение взятки и злоупотребление служебным положением.

Отличный материал Ольги Фроловой “Ой, мамочка!” — о несовершеннолетних беременных и мамах. Только в первой горбольнице за прошлый год сделали аборт 200 несовершеннолетним, и примерно столько же юных мамаш

родили. И у каждой своя история, полная то драматизма, то наивности и инфантилизма, переходящих в глупость.

22 февраля

На день рождения Данька с Димкой записали мне старую песню в компьютерной обработке — “Не могу я тебе в день рождения дорогие подарки дарить...”. Получилось очень трогательно...

24 февраля

Дурят не только наших барышень, заманивая лёгким заработком за границей и превращая потом в проститутток... Ольга Воронько описывает леденящую кровь историю, как некий гражданин Голландии арабского происхождения познакомился в Объединённых Арабских Эмиратах с павлодарской красавицей Галиной (она там оказалась вместе с земляком-сутенёром, который бросил её на произвол судьбы), и так воспылил к ней страстью, что не только взял её на работу, но и вознамерился на ней жениться... А в доказательство серьёзности своих намерений решил открыть фирму в Павлодаре, подарил Галине новенькую иномарку, дал денег на покупку дома... Но Галина, оказывается, уже давно любит другого, с которым и сбегает от прежнего возлюбленного... Тот, однако, проявляет настойчивость и в результате бесследно исчезает, и лишь спустя три недели его труп с признаками удушения находят в туалетной яме во дворе частного дома. Иностранца и вовсе бы не нашли, если бы не брат, приехавший в Павлодар на его поиски. И тогда выяснились некоторые другие пикантные подробности этой детективной истории. Оказывается, араб-голландец был женат, к моменту знакомства с Галиной уже имел троих детей и отнюдь не собирался расставаться с семьёй. Павлодарку же он, наверное, хотел видеть, скорее, “подругой” и помощницей в бизнесе. Вот она ему и помогла... И находится теперь вместе с новым возлюбленным в международном розыске.

В прошлом году в медвытрезвителях Павлодара побывало 16670 “клиентов”. А 263 человека умерли, отравившись спиртным, чаще всего суррогатами.

Весь город утыкан указателями: “Спирт! Дёшево! Чистый!”. В киосках, каких-то шалманах, на дому его можно купить оптом и в розницу. Милиция время от времени проводит рейды для острастки. Но не было ещё ни одного судебного решения с наказанием подпольных торговцев спиртом. Да они, собственно, и не прячутся... Дали в газете ещё одну заметку о “спиртоносах...”.

Ольга ездила в Экибастузский район, где в окрестностях посёлка Шидерты наши археологи раскапывают многослойную стоянку древнего человека. Первые “следы” люди оставили здесь 10-12 тысяч лет назад, вскоре после ледникового периода. Это каменные орудия, вкладыши для костяных кинжалов, наконечники копий... Таких находок в Казахстане очень немного.

Один из бывших “неистовых” депутатов областного Совета, удачливый предприниматель Тлеулес Асаинов закрывает завод по производству эмалипровода — уникальное для Казахстана производство, которое он создавал с огромным трудом. Пишем в сегодняшнем номере, почему Асаинов решил на столь отчаянный шаг.

Катодную медь, необходимую для выпуска эмалипровода, наш завод закупает у АО “Джезказганцветмет”, которое перешло под управление южнокорейской фирмы “Самсунг”. Новые управленцы продают “Эмалипроводу” медь дороже, чем за рубеж, что делает продукцию предприятия неконкурентоспособной.

Между тем в перспективе планировалось наладить здесь же, в Павлодаре, ремонт промышленных электромоторов — их в Казахстане десятки тысяч...

Можно не любить Асаинова за его тяжёлый характер, но нельзя не отдать ему должного — он в кратчайшие сроки создал высокотехнологичное производство, и, кстати, сам нашёл для этого средства — взял кредит в 1,3 миллиона долларов у итальянских фирм, собирався сделать завод основой будущей электротехнической отрасли... И вот выясняется: он никому не нужен в Казахстане со своим сверхдефицитным эмальпроводом.

И это у нас называется — рыночные реформы...

25 февраля

Уезжает к себе на Алтай Людмила Ермолина. “Провожались” два дня... Издал приказ — благодарность, премию — два оклада...

Тяжеловато нам будет без Ермолиной — она большой воз тщила и в газете, и в областной журналистской организации... Человек она хоть и не всегда собранный, но искренний, добрый, с ней можно иметь дело.

28 февраля

День рождения отца, ему было бы 74 года, мог бы ещё жить... Помянули... Мать наварила картошки “в мундире” (он её любил), ели с килькой в подсолнечном масле...

Очередной скандал в Казахстане. Закончено следствие по делу Крупенёва — бывшего помощника Колбина (когда он был в Казахстане первым секретарём ЦК). В “Казправде” по этому поводу выступила Т. Квятковская — скорее, в защиту Крупенёва, а уже после неё в “Известиях” — В. Ардаев, убеждающий читателей в обратном, то есть в виновности Крупенёва. Речь идёт о каких-то хищениях-злоупотреблениях-махинациях с использованием служебного положения... Должен быть суд.

Я с Крупенёвым тоже сталкивался, когда они с Колбиным привезли на утверждение в обком нового первого секретаря Мещерякова. Я предупреждал наших обкомовцев о том, что надо бы запастись фотографией “нового первого”, но меня не послушали. И когда закончился пленум, около восьми вечера, нам поступило указание дать сообщение об избрании Мещерякова вместе с его снимком (до этого мы снимки первого секретаря после его избрания в газете не давали). А у нас нет ни фотокора на месте, ни типография не предупреждена. А главное — на то, чтобы изготовить клише со снимка, уйдёт не один час, и неизвестно ещё, каким будет качество оттиска. Стали убеждать завотделом пропаганды, секретаря по идеологии: давайте дадим снимок позднее. Никто не хочет брать на себя ответственность. Добрались до Крупенёва, я изложил суть дела, он ответил — как отрезал: “Ваш прокол — должны были предусмотреть. Сказано — делайте!”. Сделали, конечно... А я получил один из первых суровых уроков “партийного товарищества”, когда каждый — только за себя. Хотя за Крупенёва, вот, всё же заступаются...

29 февраля

Добыли “секретную” информацию — где сегодня больше всего платят. Оказалось — на нефтеперерабатывающем заводе: 36700 тенге. Свыше 31 тысячи в месяц — у работников, обслуживающих нефтепровод, далее идёт ферросплавный завод — более 22 тысяч, за ним — алюминиевый — 16,5 тысячи... Это в промышленности. В банках — от 20,5 до почти 28 тысяч.

Учителя и медики получают меньше четырёх тысяч...

Какие тут могут быть комментарии?

А Москва продолжает шерстить своих высокопоставленных коррупционеров. Арестован Генеральный прокурор, выдан ордер на арест бывшего депутата Госдумы, демократа первой волны Сергея Станкевича, которому инкриминируется получение взятки в особо крупных размерах. Сам же Станкевич, одно время бывший заместителем московского мэра, подался в бега.

3 марта 1996 года

Собираюсь отдать на суд близким людям — Ольге, Шевченко, Семерьянову, Шаферу — написанное в отпуске. Чтобы они ответили: есть ли в этих новеллах ощущение жизни и ощущение времени абсурда. Имеет ли право на жизнь такой способ жизнеописания: хроника событий в новеллах, каждая из которых самодостаточна, а все вместе они должны создавать мозаичную картину жизни, в том числе и через рассказчика — автора?

Вообще же “служить” и одновременно писать подобное тому, что я написал в отпуске, вряд ли возможно. Работа настолько поглощает меня (независимо от того, хочу я этого или нет), высасывает все жизненные соки и иссушает душу, что больше уже ничего не хочешь и не можешь... Вчера вечером гулял почти час — и ни одной заслуживающей внимания мысли в голове не родилось. А пока был в отпуске, всё время хорошо думалось и очень продуктивно: новые темы, сюжеты, повороты, образы... Но это в отпуске... А сохранится ли всё это, если не будет работы — этой самой по большей части постылой службы? То-то и оно... Да и не выжить моей семье без работы-службы.

М. С. Горбачёв заявил о намерении баллотироваться в президенты России. С одной оговоркой: он готов снять свою кандидатуру, если демократы-реформаторы объединятся вокруг другого достойного единого кандидата. Поразительная вещь: неужели он в самом деле ещё на что-то надеется — после того, что он сделал с некогда великой страной и её людьми? Независимо от того — хотел он того или нет.

А всего имеется уже около четырёх десятков претендентов на президентское кресло... Разве не фарс?

Ольга меня вытащила сегодня к Григорию Левановичу Осипяну — бывшему железнодорожнику, которому перевалило за 90 лет. Сколько же ещё у нас осталось уникальных людей с их удивительно неповторимыми судьбами! Вот и Осипян... Он из семьи русского офицера, дослужившегося, кажется, до чина полковника. Жили в Москве, снимая квартиру на Арбате, с прислугой (в семье было трое детей). Про отца Осипян говорит так: “Мой отец был демократ (именно через “э”. — Ю. П.) — его денщик Остапчук всегда обедал вместе с нами, за одним столом...”. Во время первой мировой войны отец был трижды ранен и всякий раз возвращался в строй. Погиб в 1916 году, уже будучи представленным к генеральскому чину”. Осипян показывал мне отцовскую открытку с фронта, адресованную е.в.б. кадету Г. Осипяну. Эти три буквы означают: “его высокоблагородию”. Сын поступил в кадетский корпус, который когда-то закончил отец.

Потом произошли известные события — революция, Гражданская война. Вдове с детьми пришлось вернуться в Тбилиси, где они до того жили. Квартиру в Москве реквизировали — вместе с имуществом Осипянов. Они за неё, кстати, первое время продолжали платить из Тбилиси — назначенная после смерти отца пенсия позволяла это делать.

Потом была совсем другая жизнь, полная лишений... Осипян мечтал выращивать субтропические культуры, а учиться пошёл в железнодорожный институт

— будущая профессия позволяла быть подальше от политики и обеспечивала относительно сытое житьё во все времена.

Осипян в картинках описывал, как познакомился с будущей женой на станции Валуйки Курской области, куда попал по распределению после института. Ирина уже работала там и, увидев Осипяна, подумала: “Какой чёрный, страшный... никогда бы не пошла за такого...”. Это она сама ему потом рассказывала. Осипян же сразу на неё глаз положил: “Какая интересная! Как бы с ней познакомиться?”.

Ирина родилась в Австралии, куда её отец-плотник перебрался из России в поисках лучшей доли. Работал он в железнодорожном депо, неплохо по тем временам зарабатывал, но тосковал по России и перевёз семью на Китайскую Восточную железную дорогу (КВЖД) в Харбин, а оттуда уже и до России было рукой подать...

Конечно же, Осипян и Ирина поженились... Потом были война, тиф, когда Осипян несколько дней находился между жизнью и смертью... Рождение дочери... И их долгая счастливая жизнь — 49 лет вместе. Его рабочий стол заставлен её фотографиями. На кухне, у репродуктора, прищиплена записка: “Мамочка (так он её звал. — **Ю. П.**) последний раз включала это радио утром 7 октября 1994 года...”. Наивно и трогательно... Но такими и были их отношения...

Осипян всю жизнь коллекционировал книги по искусству — живописи, архитектуре, скульптуре. Он собрал уникальную коллекцию бумажных денег — царских времён, революции, гражданской войны, нэпа... Он показывал мне собрание сочинений Сталина...

“Да-да, — говорил он мне, — я всю жизнь жил двойной жизнью: одной на работе, другой — дома, среди этих моих многочисленных друзей...”. Он имел в виду книги... Подарил нам с Ольгой двухтомник по истории русской живописи. Мы долго отнекивались, а он сказал: “Понимаете — я не просто дарю в последнее время книги. Отдавая их в хорошие руки, я их трудоустраиваю, зная, что у новых хозяев им будет хорошо...”.

Осипяну за девяносто лет, он плохо видит и почти совсем не слышит, он почти не ходит (сломал ногу, плохо срослась, и пока её лечили, атрофировалась другая). Но насколько немощно его иссохшее, полускрюченное тело, настолько крепок и не подвластен тлению его дух: у Осипяна сильный, хорошо поставленный голос, образная, ясная речь, цепкая память — дай Бог всем нам так держать нить беседы, как это делает он... Схожее впечатление произвёл на меня несколько лет назад писатель Вениамин Каверин, которого мы слушали с братом Петькой на литературной конференции в Ленинграде. На трибуну Каверина выводили чуть ли не под руки, после чего он произнёс блестящую по форме и содержанию речь, а, закончив её, вновь стал беспомощным, и обратно в зал его вновь спускали, поддерживая...

Помимо прочего, Осипян — родственник Сергея Довлатова, двоюродный брат его матери Норы. Григорий Леванович был знаком с Сергеем и получил из Нью-Йорка две посылки, которые собирал Сергей. Состоит в переписке с дочерью Сергея — Катей, героиней некоторых рассказов Довлатова.

Спасибо Ольге за то, что познакомила с Осипяном. Очень хочу написать о нём, просто руки чешутся. Но надо ещё его порасспрашивать.

4 марта

Ведущая оппозиционная партия Германии — социал-демократическая — развернула кампанию за прекращение переезда в страну немцев из России и других стран СНГ, а также из восточноевропейских государств. В среднем ежегодно в ФРГ перебирается на постоянное жительство свыше 200 тысяч немцев, что становится причиной ухудшения социально-экономической ситуации в стране. В ФРГ уже более четырёх миллионов безработных.

5 марта

В Павлодаре побывал заместитель премьер-министра И. Тасмагамбетов. Объяснял нам, зачем нужно медицинское страхование. Создаётся специальный фонд, куда все работодатели будут перечислять деньги. Ещё вице-премьер объяснял, как важно сегодня быть здоровым. Это уж точно: болеть в наше время — очень дорогое удовольствие.

В области выпущены местные облигации специального займа “Социальная поддержка населения”. Выпускаются они на год — стоимостью в тысячу тенге каждая. Всего их будет сто тысяч. Таким образом власти собираются получить недостающие деньги для поддержки социальной сферы, а держателям акций обещан более высокий, чем в банках, процент вознаграждения.

На сессии областного маслихата услышал: у нас каждые сутки выпускается 25 тракторов, и это не предел. Неужели новому директору завода всё же удастся вытащить его из прорыва?

Писатель и драматург Э. Радзинский в только что изданной в США новой книге “Сталин” выдвигает версию о том, что он мог умереть и насильственной смертью, будучи отравленным одним из телохранителей по приказу Берии. Может быть, конечно, это и так, но нельзя всё же забывать, что к моменту смерти Сталин был уже довольно стар и обременён болезнями.

10 марта

Воскресенье. Последний из трёх выходных дней подряд. Вчера с Ольгой и Пашкой ходили на лыжах по Иртышу, впервые за зиму. Погода была почти весенняя, обратно шли — всю таяло...

Почти весь день читал газеты. По правде сказать — глупейшее занятие. Начитаешься — будто дерьма наешься. Но, во-первых, привычка дурацкая, тянет — как пьяницу к выпивке, а, во-вторых, служба обязывает — надо “быть в курсе”.

“Караван” в хвост и в гриву “несёт” казахстанское правительство. Сидящий уже больше семи месяцев в следственном изоляторе бывший помощник Колбина и Назарбаева Крупенёв (обвиняется во взятке) направил через своего адвоката жалобу Генеральному прокурору на корреспондента “Известий” В. Ардаева — за некорректный и обвинительный уклон его публикации.

В том же “Караване” руководитель фирмы, взявшей в управление Ермаковский завод ферросплавов, даёт “отлуп” предыдущим “каравановским” публикациям — и по части “тёмного” происхождения фирмы-управленца, и по части её “грязных” денег.

“Известия” пишут о расколе в “Правде”: часть редакции, верная коммунистическим идеям, обвиняет её нынешнее руководство и верхушку Компартии России в неблагоприятных делах, отходе от принципов, подавлении инакомыслия... Там же — об увольнении нашей землячки Н. Гарифуллиной из “Советской России” за критику лидера российских коммунистов Г. Зюганова. При всём при том “Известия” используют эти разборки в “Правде” и “Совроссии” для вполне целенаправленных комментариев: вот, мол, что нас всех ждёт, если КПРФ придёт к власти.

Ещё в “Известиях” — большая статья о заигрывании юмористов, сатириков с властью, об их пышных юбилеях. Давно пора было сказать об этом...

В “Комсомолке” — интервью с певцом Иосифом Кобзоном, который недавно отмечал женитьбу сына в двух залах — то ли “Метрополя”, то ли “Националя”. В одном “тусовалась” молодёжь, в другом — праздновали солидные и просто нужные люди. Мэр Москвы Лужков зачитал благословение молодым от патриарха Алексия... Отец преподнёс сыну, обретшему семью, двухместный спортивный “Мерседес” за 20 тысяч “баксов”. А вот невесте не повезло: она всё ещё ездит на отцовских “Жигулях”.

Какая же это мерзость! И не потому, что небедный отец не может подарить своему отпрыску иномарку, а потому, что всё это выставляется напоказ — в то время, когда три четверти соотечественников едва концы с концами сводят...

12 марта

С. П. Шевченко в целом благосклонно отнёсся к моим отпускным опусам — есть наблюдательность, умение в обыденном увидеть необычное... Но всё это приземлённо, автор, то бишь я, будто боится оторваться от реальности, воспарить, пофантазировать... В чём-то он, наверное, прав, но, мне кажется, он не совсем понял мой замысел... Я не хочу писать беллетристику.

На Ермаковском ферросплавном заводе начали выпускать ферросилико-марганец — сплав, пользующийся повышенным спросом в мире.

Инофирмы, управляющие этим и алюминиевым заводом, — “Уайтсвевен лимитед” и “Джапанхром корпорейшн” — ставил в пример на пресс-конференции, посвящённой работе всех управляющих фирм, премьер-министр А. М. Казегельдин.

Областные власти вновь пытаются поставить заслон “самопалу” — алкогольным суррогатам, отравившим в прошлом году свыше 250 человек. Спиртом неизвестного происхождения торгуют все кому не лень, только на территории Индустриального района Павлодара обнаружены 52 точки, незаконно продающие спирт. Ставится задача — искоренить подпольную торговлю, хотя все понимают, что это вряд ли возможно, пока есть спрос, и пока этот “бизнес”, практически не требующий хлопот, приносит владельцам большие барыши.

14 марта

“Караван” предложил мне выступить в их престижной рубрике “Взгляд”. Это страница трёх авторов, размышляющих на актуальные темы. Нечто подобное делали в своё время (и на хорошем уровне) “Московские новости”. Материал у меня, собственно, уже есть — “Четыре потерянных поколения” — о судьбах моих предков, живших ради светлого будущего (включая уже и наше поколение)... А этого самого будущего так и нет... Одолевают, правда, сомнения: надо ли высываться, ведь “Караван” — оппозиционная газета, а моя мать говорит: “Скажешь правду — потеряешь дружбу”.

15 марта

Политическая сенсация: Российская Государственная дума денонсировала (то есть признала незаконным) Беловежское соглашение об упразднении СССР и подтвердила законность всесоюзного референдума о сохранении СССР. За это решение проголосовали примерно две трети депутатов. Между тем то же Беловежское соглашение одобрил в своё время, притом чуть ли не единогласно, прежний Верховный Совет России.

Нынешнее решение — конечно, скандал. Вряд ли его поддержит Совет Федерации. Вряд ли оно вообще будет иметь правовые последствия. Поднимут крик лидеры

суверенных республик... Но всё же пусть кое-кто ещё раз задумается, как упразднили Союз никем на это не уполномоченные Ельцин, Кравчук и Шушкевич...

Тем временем в Чечне российские авиация и артиллерия наносят “точечные” удары по селу Бамут, где якобы находятся главные опорные базы боевиков. Точечные — это, конечно, чушь, да и не достигают эти массированные удары желаемой цели. Потому что в других регионах Чечни боевики по-прежнему удерживают заложников — военных, строителей, других случайных людей, требуя за них выкуп.

“Шапка” на первой странице “Комсомолки”: генерального прокурора Ильюшенко избили в следственном изоляторе “Лефортово”. Он начал давать подробные показания... Дело, судя по всему, связано с торговлей нефтью, взятками... Якобы в нём фигурируют В. Черномырдин, О. Сосковец... Если это и вправду так, то вряд ли оно будет доведено до суда...

16 марта

В Павлодаре начались отключения электроэнергии — притом без всякого разбора, всем подряд. Наши местные энергетики от этой акции отреклись и уверяют в нашей газете, что это делается только по команде объединённого диспетчерского управления республики — “в случае внезапного образования дефицита генерирующих мощностей...”. Как будто эти объяснения могут устроить горожан, регулярно оплачивающих счета за электричество.

Узнал много интересного из интервью Володи Дегтярёва, опубликованного в сегодняшнем номере “ЗП”. Он и вправду закончил ВГИК — курс Валентина Ежова, автора сценариев “Баллады о солдате”, “Белого солнца пустыни”, “Сибириады”. И у Дегтярёва уже тоже кое-что есть за душой. Сценарии художественных фильмов, шесть снятых документальных фильмов, три из которых показывали по Центральному телевидению.

Теперь Дегтярёв создаёт частную телестудию “Ирбис”.

19 марта

Читатель нашей газеты Н. Лапин предлагает ещё один способ вывести наш тракторный завод из прорыва — наладить на нём производство самых разных видов велосипедов — от простейших детских и подростковых до спортивных, складывающихся, велосипедов с двумя приводными передачами и даже “веломашин” с раздвижными парусами для увеличения скорости при попутном ветре. Этими велосипедами — недорогими и надёжными — можно будет торговать как в Казахстане, так и в России... Дело, как всегда, за малым — наладить это самое производство, да ещё за тем, чтобы на эту продукцию был спрос...

Посмотрим, как отреагируют на эту публикацию тракторостроители.

В России зарегистрировано более миллиона беженцев — в основном из стран ближнего зарубежья. А общее число эмигрантов, включая вынужденных переселенцев, превысило 2,7 миллиона человек. Это при том, что и из самой России бегут — в Германию, Израиль, США...

С апреля прошлого года более 60 тысяч жителей области получили паспорта граждан Казахстана и пластиковые удостоверения личности. Многие же по-прежнему не хотят расставаться с советскими паспортами...

20 марта

Познакомился с Ролланом Сейсенбаевым — известным писателем, которого хорошо знают и в Москве, и кое-где за границей. У нас он эпатирует публику тем, что раздаёт вручаемые ему подарки. Так, в Экибастузе ему подарили коня, японский видеомагнитофон, чапан, которые он тут же передал: коня — первому встречному на улице старику-казаху, видеомагнитофон — сопровождавшему его камерному оркестру, а чапан — присутствовавшему на встрече аксакалу... А павлодарскому Дому ребёнка он пообещал подарить три миллиона тенге.

Р. Сейсенбаев пожелал дать интервью нашей газете. Я поручил это дело Кульпаш Коныровой.

Мне Роллан предложил написать текст для будущей книги — фотоальбома о нашей области и пообещал за эту работу хорошие деньги. Отказаться нельзя было — разговор происходил в присутствии двух замов акима области.

21 марта

Ходил на презентацию славянского культурного центра, которому отдан бывший кинотеатр "Октябрь". До этого были созданы украинский, немецкий, татаро-башкирский, азербайджанский, чечено-ингушский, корейский, польский, еврейский... Славяне "припоздали" не случайно: их прежняя организация — общество "Славия", тяготело, скорее, к политике, чем к культуре, доставляя немало беспокойства властям... К политике "Славию" тянула отчасти сама жизнь, но ещё больше тянули неуравновешенные лидеры.

Славянский культурный центр возглавила музыковед и педагог Татьяна Кузина, устроившая павлодарцам встречу со своим знаменитым братом — кинорежиссёром Владимиром Хотиненко, снявшим "Зеркало для героя", "Мусульманина" и другие хорошие фильмы. На этот раз он привёз художественную короткометражку "Дорога" с Гариком Сукачёвым и Евгением Смольяниновой в главных ролях — вещь совершенно замечательную, слепок сегодняшней нашей жизни. Всего 30 минут, а трогает временами до слёз, романс же в исполнении Смольяниновой — просто чудо!

Вот что значит — художник. Жалею, что не удалось познакомиться...

22 марта

Ю. А. Ковхаев ходил на общее собрание акционеров алюминиевого завода. Пишет в своём материале о первом опыте "народного капитализма": держатели десяти процентов так называемых привилегированных акций, по которым только и начисляются дивиденды (это акции коллектива, не участвующие в голосовании), получают по 529 тенге на каждую из них. У основной массы нынешних работников их не более 20-30, то есть не такие уж большие деньги им причитаются, но важен сам прецедент.

Ещё узнал из отчёта Ковхаева, что на долю нашего алюминиевого завода приходится более половины всего производимого в мире галлия (32 тонны в год из 60). И, наконец, ещё одно: руководство управляющей фирмы оставляет за заводом значительную часть его социальной сферы: медсанчасть, санаторий-профилакторий, зоны отдыха в Баянауле и детские сады, но с условием, что в них останутся только дети заводчан.

24 марта

Второй день в трудах — пишу текст для фотоальбома об области. Хочу сделать что-то вроде энциклопедического очерка, где будет "всё про всё": история, география, экономика, культура, люди... И чтобы это было интересно...

Звонил домой Роллан Сейсенбаев — текст нужен срочно. Но мне потребуются ещё минимум пара дней.

Решение Госдумы о денонсации Беловежских соглашений вызвало истерическую реакцию в российской и не только прессе, а также жёсткий отпор глав государств СНГ. Председатель Госдумы Г. Селезнёв весьма аргументированно объяснил по телевидению позицию Думы. С жёстким заявлением выступил российский президент, направивший в Думу нечто вроде ультиматума, предлагающего ей поддерживать все международные обязательства России, в том числе Беловежские решения.

Всем ясно, что всё это — лишь сотрясение воздуха, и думское решение никаких реальных последствий иметь не будет — поздно спохватились... Впрочем, есть, кажется, и один реальный результат. Президент Белоруссии Лукашенко спешно приехал в Москву, они с Ельциным заседали семь часов и договорились — таки о том, о чём не могли договориться годами: о механизмах создания единого экономического пространства, наднациональных интеграционных органах; шла речь и о единой конституции, общем бюджете. Но это дело более отдалённого будущего. Ещё ожидается на днях подписание новых интеграционных документов между Россией, Беларусью, Казахстаном и Киргизией. Но отношения России и Белоруссии будут ещё более близкими.

Н. А. Назарбаев выступил с жёстким заявлением по поводу решения Госдумы. А в Павлодаре прошёл митинг — не очень, правда, многочисленный, к тому же в закрытом помещении, в поддержку этого решения. Теперь идут разборки — как могло быть допущено это “волеизъявление кучки горлопанов, неизвестно кого представляющих...”. Ещё и головы, наверное, полетят..

26 марта

На встрече с группой ветеранов — бывших работников руководящих органов республики Н.А. Назарбаев заверил: он сделает всё, чтобы к страницам истории Казахстана, с которыми связана их жизнь, никогда не прикасалась нечистоплотная рука, чтобы никто в угоду конъюнктурным соображениям не пытался очернить или обесславить подвиг старшего поколения на войне, в годы целины, индустриальных строек.

27 марта

Получили грозное заявление пресс-службы Генеральной прокуратуры — о многочисленных санкциях к местным организациям компартии, которые своими неконституционными действиями нарушают покой в нашем суверенном государстве. Речь всё о том же: петициях, собраниях, митингах в поддержку решения Госдумы... В Алматы, Караганде, Усть-Каменогорске лидеры отделений компартии наказаны штрафами и задержаниями, кое-где поставлен вопрос о приостановлении деятельности организаций компартии.

У нас в Павлодаре лидера местных коммунистов З. Н. Кожанову несколько часов продержали в прокуратуре, выдав ей напоследок какое-то предупреждение. Аким города предписано наказать своих подчинённых, разрешивших местным коммунистам митинговать, кажется, в кинотеатре...

Обвинять коммунистов в незаконных действиях, а тем более в экстремизме, просто глупо: это ведь, как правило, уже немолодые или вовсе пожилые люди, может быть, самые законопослушные граждане... Власти больше сами нагнетают обстановку, потому что, повторяю, народ настолько замордован жизнью, что ни на какие массовые акции протеста просто не способен. Хотя, конечно же, сильна в людях ностальгия по утраченному Союзу и прежней небогатой, но предсказуемой жизни.

Арестован А. К. — начальник одного из областных управлений, которому инкриминируют получение взятки (видеодвойки “Самсунг”) за содействие в получении кредита. Характерная деталь: арест санкционирован прокурором, акиму же области сообщили об этом лишь через несколько часов. Что-то не шибко мне верится в такую смелость наших правоохранителей...

30 марта

Предзабастовочное состояние объявил коллектив работников городской “скорой помощи”, три месяца не получающий зарплату. Обещают не обслуживать больше вызовы по “03”, если им до 15 апреля не погасят долги. Положение медиков “скорой”, как, впрочем, и большинства других, просто бедственное.

31 марта

Б. Н. Ельцин выступил с очередным планом урегулирования чеченского кризиса...

Войсковые операции прекращаются, войска выводятся на границу — правда, с оговоркой: если провокации боевиков повторятся, ответ будет адекватным.

Состоятся выборы в парламент Чечни — с участием всех политических сил.

Будут проведены переговоры с участием посредников о статусе Чечни. При этом Ельцин готов дать ей независимость (в составе России) — как Татарстану и даже больше, а Дудаев настаивает на полной независимости.

Не могу сказать, что Ельцин был убедителен, представляя этот план и затем комментируя его. Во-первых, вряд ли утихнут боевики, которые, скорее всего, объявят предложения российских властей собственной победой. А, во-вторых, как Ельцин собирается вести переговоры с Дудаевым, если он объявлен в розыск как уголовный преступник?

Конечно же, эта война — бессмысленна и безумна, и что-то с ней надо делать. Но в том-то и беда, что такая война идёт по своим собственным законам, вернее, при их полном отсутствии... И остановить её теперь очень трудно...

Передача “Двойной портрет” по ТВ, в которой участвовали мэры: Москвы — Лужков и Петербурга — Собчак. Яркие фигуры на сегодняшнем политическом небосклоне России. Каждый — личность. Но они — очень разные и, похоже, недолюбливают друг друга. На фоне мужиковатого Лужкова с головой, как бильярдный шар, профессор Собчак выглядит таким лондонским денди — снобом. Ему приписывают фразу о том, что “Питеру не нужен мэр в кепке”, якобы взбесившую Лужкова. При всём при том на юристе-профессоре лежит неизгладимая печать явной усталости, а мэр-хозяйственник — как всегда энергичен и напорист, как племенной бык.

Раздражает ТВ-передача “Белый попугай”, на которую собирают избранную артистическо-писательскую (юмористического направления) богему во главе с Юрием Никулиным... И вот они тусуются на телеэкране, хохмят, рассказывают анекдоты. Этакий милый междусобойчик. Но то, что может веселить в приятельской компании (скажем, анекдоты про чукчей, лилипутов и т. д.), вряд ли уместно на телеэкране. Неужели же этим, безусловно, талантливым, умным людям, непонятно, что это — явный перебор, утрата чувства меры, дурной тон?

В казахстанской вкладке “АиФ” опубликовано письмо видных представителей нашей интеллигенции под красноречивым заголовком “Не можем молчать!”.

В нём они, по сути, заявляют о своём неприятии нынешней экономической политики. Потому что ухудшается жизнь большинства казахстанцев, бедствуют наука и культура, утрачивается духовность... Говорится в письме и о том, что интеллигенция утратила свою традиционную роль — оппонировать власти — в затаившемся порыве поддержки президента.

Авторы письма собираются создать общественное движение “Азамат” — по сути оппозиционное нынешней власти. Среди примерно трёх десятков “подписантов” — люди, либо находившиеся во власти, либо прежде лояльные к ней — академик Ж. Абдильдин, писатели — “национал-патриот” Ш. Муртаза и Г. Бельгер, говорящий и пишущий на трёх языках — русском, казахском и немецком, известный журналист С. Куттыкадам и другие.

2 апреля 1996 года

Опять бастуют угольщики Экибастуза. Они ограничили поставки топлива электростанциям Казахстана и России, которые не рассчитываются за уже полученный уголь. Всю полноту власти в “Экибастузугле” взял в свои руки забастовочный комитет. Главное требование — погасить долги по зарплате, которые составляют свыше миллиарда тенге.

Арбитражный суд признал действия горняков законными. Но беда ещё и в том, что остановка работы ухудшает и без того тяжёлое положение предприятия.

К решению проблемы подключился аким области Д. К. Ахметов.

Руководители Белоруссии, Казахстана, Киргизии и России подписали очередной договор об углублении интеграции. Помимо прочего, в нём предусматривается разработка правовых механизмов по обеспечению упрощённого порядка приобретения гражданства гражданами этих стран.

Павлодарская конькобежка Людмила Прокашева завоевала бронзовую медаль на чемпионате мира (дистанция три тысячи метров).

4 апреля

Главным должником в мире остаётся США, чей государственный долг превысил пять триллионов долларов. Теперь он будет поднят ещё на 500 миллиардов долларов. Общая сумма долга складывается из ежегодных дефицитов государственного бюджета.

6 апреля

Павлодар “подсаживается” на наркотическую иглу, пишет в сегодняшнем номере Ольга Воронько. Сначала это была марихуана, а теперь уже опий. Именно через Павлодар наладили наркоторговцы транзит наркотиков из Афганистана и Чу — в Новосибирск, Омск, Барнаул. Недавно у нас выловили партию пакистанского опия высшего качества, считающегося лучшим в мире (если это определение вообще в данном случае уместно).

И остановить этот наркопоток, говорят специалисты, практически невозможно. Наоборот, надо готовиться к тому, что он будет стремительно нарастать.

Читатели не оценили наш первоапрельский юмор и всерьёз восприняли информации о том, что в Павлодаре открывается пункт по приёму старых ботинок на одну ногу, а также открывается новый авиарейс — вертолётный — до посёлка Ленинский. Теперь нас бомбардируют звонками — где этот пункт и где этот вертолёт? Объясняемся через газету, что просто пошутили.

8 апреля

Попросил помощи директор Ефремовского свиного комплекса (теперь АО “Ефремовский бекон”) Ю. А. Дубовицкий. Крупнейшее в Казахстане специализированное предприятие, которое способно давать (и давало!) до 3200 тонн свинины в год, находится на грани банкротства. Прежние государственные поставки комбикорма (а это основная статья затрат) прекращены, и свинокомплекс оказался на голодном пайке, производство свинины стало нерентабельным. Помимо всего, к свинокомплексу “привязана” социальная сфера большого села, которая без его поддержки развалится...

Не позавидуешь Юрию Ивановичу — умнице и труженику, немало сделавшему здесь за последние годы. И хуже всего, что ни Министерство сельского хозяйства, ни областные власти никак не определяются — нужен области и республике свинокомплекс или нет. Хотя вопрос, конечно, риторический — невероятной глупостью было бы лишиться уникального производства.

10 апреля

Колхоз имени Кирова налаживает производство швейцарского сыра. Оборудование — частью из Швейцарии, частью — из Германии. За качеством продукции будут следить на первых порах представители фирм, которым принадлежит торговая марка сыра, а впоследствии они же перейдут на эпизодические выборочные проверки.

Ещё узнал из материала, который появится в завтрашнем номере, что коров, поставляющих молоко в сыроварню, будут кормить по особому рациону и лишат их силоса...

Когда-то, в свои молодые журналистские годы, я видел, как делают сыр “Эстонский” в Осьмерыжске, под Качирами. Отличный был сыр, который почти полностью уходил в так называемые республиканский и союзный фонды, а павлодарцы его видели очень редко. Надо навести справки — работает ли тот цех теперь?

П. И. Оноприенко пишет о том, что стало с бывшим совхозом “Карасуский” Экибастузского района. Хозяйство это было захудалым во все времена — земли никудышные, пастбища — тоже, хотя и тут выращивали грубошёрстных овец и лошадей.

Когда совхоз обанкротился, его реформировали “сверху” — всё имущество поделили между в одночасье рождёнными 19 крестьянскими хозяйствами. Они тут же объединились в ассоциацию, которая и сама-то влачит ещё более жалкое существование, чем бывший совхоз, и к тому же тащит на себе социальную сферу села, которую по идее должен взять на свои плечи бюджет Экибастуза. А у города он тоже дырявый.

Люди в бывшем совхозе живут натуральным хозяйством, за счёт подворья. Я однажды был, и то проездом, в этом Богом забытом ауле, затерянном в экибастузской степи, и меня уже тогда не покидало ощущение, будто жизнь тут замерла. Что же говорить о дне сегодняшнем?

Из подборки “Что писала наша газета”. “В блокцехе Экибастузского деревообделочного комбината отказались от услуг кассира при получении зарплаты. На столе, покрытом алой скатертью, лежат пачки денег разного достоинства, разменная монета и ведомость на зарплату. И нет ни кассира, ни охранника...”. И далее: “Станочники в свободное от работы время расписываются в ведомости и отсчитывают себе причитающуюся сумму денег... Ни одного случая переплаты за это время не наблюдалось...” (“Павлодарская правда”, 16 июня 1961 года).

11 апреля

Года полтора-два назад познакомился с “новым казахом” Нурсагатом Баймульдиновым, который создаёт новый аул в степи в Аксуском районе. Там он держит полтысячи с лишним голов крупного рогатого скота, более двухсот лошадей, отару в 600 овец. Ещё у него десятка полтора тракторов и грузовых автомашин, с десятков комбайнов, посевные площади. Есть свой небольшой рынок в Аксу, мельница, ещё что-то. Всё это он мне показывал, потом пригласил пообедать домой. Дом у него остался в одном из пригородных сёл, где он когда-то работал управляющим.

Человек, конечно, неординарный: родился и вырос в Китае, в Чугучаке, где, кстати, было немало и русских, а когда при Н. С. Хрущёве был слегка приоткрыт “железный занавес”, вернулся на родину.

Дослужился до управляющего отделением, сделав его со временем образцово-показательным, а когда увидел, что творят с сельским хозяйством реформаторы, пустился в свободное плавание. Торговал с Китаем, благо что дорогу в Чугучак не забыл... На вырученные деньги прикупал скот, технику, построил животноводческие помещения, небольшой рынок. Убеждённый противник совхозно-колхозной системы.

Мягко говоря, недолгоблуживает чиновников от сельского хозяйства, с которыми ему приходится сталкиваться. Не жаден, занимается благотворительностью. Не пьёт спиртного. Строит большой дом в Павлодаре.

Нурсагат произвёл на меня большое впечатление, и я взялся писать о нём очерк под заголовком “Новый казах” Нурсагат Баймульдинов”.

Заходил Халел Карпыков. Когда-то работал у нас, и неплохо, но по-настоящему как-то не утвердился. Или мы не смогли рассмотреть его скрытые таланты...

Теперь он в Алматы, владелец собственного интеллектуального агентства “Аль-Халел”, автор придуманной им серии популярных книг “Звёзды Казахстана” — о выдающихся личностях древности и наших дней. Вышли уже две книги, по двадцать печатных листов каждая. В заделе ещё три... Под этот проект он заложил (или продал) квартиру...

Похоже, и вправду “просмотрели” мы Халела. Хотя есть люди, которые не очень хорошо работают “в команде” и очень многого добиваются именно поодиночке...

13 апреля

Завтра Пасха. Мать напекла красивых аппетитных куличей, Ольга сварила и накрасила яиц. Так что к празднику всё готово, хотя, конечно же, в нашей семье (так уж воспитаны) отдаётся должное лишь внешней его стороне.

Был на поминках. 40 дней со дня смерти родственника моего товарища-казаха. Удивляет на редкость чёткая отработанность самого ритуала, в котором практически не ощущается ничего скорбного: всё делается спокойно, неторопливо, со сдержанным достоинством. Богатый стол: кумыс, бешбармак из конины, чай со сладостями. Спиртного на поминках у казахов не полагается. Массовость и ранг присутствующих имеют большое значение. Мне место было определено за столом, где находились “самые-самые” — тем самым оказано особое уважение.

На поминках у казахов обязательно читается молитва — перед едой и после неё. А ещё даётся “бата” — произносится кем-то из священнослужителей или особо уважаемых аксакалов короткое благодарение Всевышнему за щедрый дастархан и благословение-пожелание всем присутствующим. В это время все держат перед собой раскрытые ладони и по завершении “бата” проводят ими по лицу.

И всякий раз, находясь за столом, я в таких случаях теряюсь: как себя вести? Я не мусульманин и повторять за казахами-товарищами этот ритуал мне вроде не к лицу. Кто-нибудь из них может подумать, если я это сделаю: поступает, как обезьяна... Но и делать вид, будто ничего не происходит, тоже неудобно... К тому же я, скорее, атеист, хотя и не воинствующий, и, кажется, даже не крещён — то есть никаких обетов по этой части на мне тоже нет.

Однажды я, набравшись смелости, поделился своими сомнениями с А. М. Мухамеджановым. И мудрый Алеке отвечал мне вполне по-житейски: “Когда дают “бата”, поступай, как я... Это не столько молитва, сколько благодарение за еду, приют и пожелание-благословение... Это, если хочешь, и долг вежливости. А молиться по-мусульмански тебя никто не заставляет, хотя Бог у нас всех един...”.

Спасибо Алену за эту науку, но я до сих пор тушуюсь в такие моменты: мне не хочется обидеть братьев-казахов, выглядеть в их глазах человеком невежественным и неблагодарным, и перед своими русскими братьями я стесняюсь... Вот и в этот раз сидел, как истукан, задумавшись, и получил от А. М. Мухамеджанова лёгкий упрёк: что ж ты, мол, так, я ведь тебе уже всё растолковал?

Как поступать в будущем? Всё же, наверное, за казахским столом надо отдавать должное казахским, а за русским — русским традициям...

С треском освобождён от должности аким Восточно-Казахстанской области, не проработавший на этом посту и полгода. Использовал не по назначению бюджетные деньги, злоупотреблял положением (по высшему разряду и не за свой счёт обустроил служебную квартиру, хотя была ещё одна — собственная), выдвигал недостойных людей...

Он из бывших преподавателей, потом занимался бизнесом... Говорят, выжиженец Кажегельдина, хотя до этого ничем особым себя не зарекомендовал. И сразу столько собак на него навешали, что не слишком во все эти грехи верится, особенно после явно заказной статьи в “Казправде”. Но и защищать его не хочется — явно успел “наследить”...

14 апреля

Иногда думаю: как хорошо, что с нами живёт мать. Сколько забот, особенно связанных с бытом, она берёт на свои плечи. Во многом именно она делает наше шумное, неорганизованное семейство семьёй, она её соединяет и цементирует.

А вчера мне мать с какой-то очень глубокой грустью сказала: “Как жаль, что я не могу, как дед Алексей, обойти всех своих детей, когда захочу...”.

Оказывается, тот делал это так: утро у него начиналось с обхода. Приходил к Тимофею (сыну): “Здравствуйте, ну как вы тут?”. Убедившись, что всё в порядке, шёл дальше — во второй двор, третий... Потом возвращался к тётке Польке (это мать моя так её зовёт), у которой жил, и говорил: “А теперь давай чай пить будем”. С чувством исполненного долга пил чай, после чего забирался на печь и почти всё время проводил там.

Мать говорит, что тогда удивлялась его чудачеству, а теперь, наоборот, хорошо его понимает и даже завидует...

А я, кстати, чуть-чуть помню деда Алексея — сухого, и не седого даже, а как лунь белого... Говорят, он, однажды почувствовав себя плохо, сказал дочери: “Ты сбегай за Тимошкой (сыном). — **Ю. П.**) — я помирить собрался”. — “Да что ты такое говоришь, папашка?” — так она его звала... “Беги, беги, а то не успеешь...”. Та побежала, а когда вернулись, их отец уже умер...

Была у нас в гостях тётя Нина Хухарева — сестра матери. Мать ей: “Скоро умру... Сон сегодня видела: белю свою комнату — и вся она уже белая, белая... Не к добру это...”.

Я стал возмущаться: “Что ты всё время выдумываешь?”.

Тётя Нина молчала-молчала (она вообще неразговорчива) и тоже высказалась: “Плохо — это когда окон нет... А ты когда белила, окна были?”.

Мать: “Вроде, были...”.

Тётка: “Ну так окна — самое главное...”.

Ходили с Ольгой в гости к Ольге Фроловой. Хорошие у неё девчонки (у одной из них день рождения был). А ещё собака удивила — русский спаниель. Ольга её так выдрессировала, что она если и берёт у кого-то угощение — то только из левой руки. А когда просится гулять, приносит в зубах поводок...

16 апреля

У нас в Павлодаре теперь — как когда-то на диком Западе, криминальные группировки устраивают между собой разборки со стрельбой. Недавно в кафе “Марс” выясняли отношения “рахатовские” и “ивановские”, в итоге двое были убиты. В перестрелке “засветились” не менее семи “стволов” — три пистолета Макарова, один “ТТ” и три винчестера. Делили, как выяснилось, сферы влияния: “ивановцы” специализировались на рэкете и грязной коммерции, “рахатовцы” “крышевали” перепродажу нефтепродуктов, контрабанду спиртного и, предположительно, наркобизнес...

Лидеров группировок уже задерживали раньше, против них возбуждали уголовные дела за рэкеты и распространение наркотиков. Но дела были прекращены. Дойдёт ли дело до суда в этот раз — тоже большой вопрос.

Семь месяцев не получают зарплату в тресте “Экибастуэжилпромстрой”, в числе главных должников которого — “Экибастуээнерго”, читай — государство. Трест может быть объявлен банкротом.

П. В. Лефлер побывал в одном из своих любимых колхозов — имени Тельмана. Лихорадит и это некогда, может, самое стабильное в области хозяйство. Причины те же, что и у всех: псевдореформы, унижительное положение села в условиях полудикого рынка. Почти полностью сменился коллектив: колхоз-то был большей частью немецкий, а немцы эмигрировали. Уехал и председатель К. Я. Блац, 32 года возглавлявший хозяйство, что тоже не могло не сказаться...

П. В. Лефлер пишет, что теперь бразды правления принял очередной, уже третий председатель — Н. Ф. Дубяга, который “полон желания поправить дела”. Дай-то Бог...

Какие только звери ни обитали в нашем краю в доисторические времена. В 50-и километрах от Павлодара на берегу солёного озера Малый Калкаман были обнаружены ископаемые останки американского крота-звездорыла размером около десяти сантиметров, который бегал тут примерно 20 миллионов лет назад.

Посмотреть бы одним глазком на нашу землю той поры!

18 апреля

За первый квартал этого года в области закрыто 38 библиотек (за прошлый — 14). За три месяца в библиотеки области не поступило ни одной новой книги, районные библиотеки практически не получают по подписке ни газет, ни журналов. (Из сегодняшнего “Курьера “ЗП”).

А вот что писала “Павлодарская правда” (словами Лены Ивановой, ученицы десятого класса 15-й школы Павлодара) 4 августа 1961 года: “Партия

торжественно провозглашает: нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме... И вот мы у порога того общества, о котором испокон веков мечтали лучшие умы человечества — мы у порога коммунизма. А если уж партия сказала, так и будет...".

Хорошо бы найти нынешнюю Лену Иванову и узнать, как сложилась её судьба.

А вот что говорил в те августовские дни Н. С. Хрущёв на митинге советско-румынской дружбы: "... Американский империализм, разжиревший, сильный, привык, подобно королю или князю, что ему все кланяются и боятся его. И вдруг появился Советский Союз. Рублишко наш был слегка довольно слабенький, потом он окреп, возмужал и стал дороже доллара...".

Любил иногда Никита Сергеевич выдавать желаемое за действительное, хотя Советский Союз, конечно, не давал США бесчинствовать так, как они делают сегодня.

19 апреля

Вернулись с Ольгой из Акмолы, куда ездили по приглашению В. Р. Гундарева на пятилетие (как быстро время мчится) журнала "Нива". Съездили очень хорошо — с комфортом: я подсуетился, и А. С. Саркыншаков устроил нам путешествие в мягком вагоне (купе на двоих и т. д.).

Только зашли — появился начальник поезда: "Буду вас опекать! Какие есть вопросы?". Вопросов не было: сиденья уже застелены свежайшим, похоже, новым бельём, сверху — новые одеяла. Кругом — зеркала, на полу ковёр...

Только ушёл начальник поезда, появился начальник вокзала: "Как устроились? Не нужно ли чего?". Едва ушёл он, появился начальник отдела кадров отделения дороги: "Еду в командировку в Акмолу, Аби Саркыншакович поручил присматривать за вами...".

О. потом спрашивает: "Ты что, специально всё это организовал?". Еле убедил её, что я тут ни при чём... А ехать нам вдвоём было просто замечательно... Жалко, поезд рано приходит...

На перроне нас встречали В. Р. Гундарев и Валера Гук. Я их увидел в окно и говорю Ольге: "Гляди — нас сразу три главных редактора встречают". Она: "А третий где?". — "Так Гундарев, — поясняю, — дважды главный — в "Ниве" и ещё в газете "Столичный проспект".

"Нива" переживает нелёгкие финансовые времена, и очередные номера выходят с опозданием. Но всё-таки выходят. Гундареву поразительным образом удалось в столь смутные времена собрать вокруг себя талантливых и очень обаятельных людей, которые делают и журнал, и газету чуть ли не на голом энтузиазме. Свой метод правления Владимир Романович охарактеризовал как "режим демократической диктатуры", хотя на самом деле в редакции есть ощущение разношёрстной, но сплочённой и дружной семьи. Журнал, а вернее, сам В. Р. стал неким центром притяжения литературных сил, которые вращаются вокруг Гундарева и "Нивы", как вокруг центра мироздания: тут и писатели, и поэты, и журналисты, и учёные, и представители власти... И для всех В. Р. — непререкаемый авторитет... Так он своим журналом делает, может, не сразу заметное, но в высшей степени благородное дело — формирует своего рода новый культурный слой...

Пообщались также в эти дни с Дукешем Баимбетовым, давним другом Гундарева, бывшим собкором Центрального телевидения в Казахстане. Были в гостях у Людки Яшной и даже переночевали. Её дочь Лина — уже третьекурсница мединститута, вполне самостоятельная и к тому же красивая девушка.

Ольга, кстати, пользовалась успехом в Акмоле, особенно после того как прочитала свои стихи на дружеской пирушке в честь первого юбилея “Нивы”. Хорошо бы нам с ней почаще выбираться куда-нибудь вот так вдвоём...

21 апреля

Вчера Госдума обсуждала инцидент с расстрелом в Чечне боевиками Шамиля Басаева российской военизированной колонны с гуманитарным грузом. Обычная тактика: колонну зажали в ущелье и расстреливали в упор. Около 70 человек, в основном военных, убито, более 50 ранено. Боевики же опять ушли безнаказанно.

Это к вопросу о том, чего стоят все эти планы мирного урегулирования в Чечне.

Б. Н. Ельцин в это время принимает в Москве членов “Большой семёрки”, обсуждая с ними проблемы глобальной ядерной безопасности.

Республиканское ТВ показало вчера сюжет об учредительной конференции недавно созданного общественного объединения “Азамат”, оппозирующего власти. Сопредседатели — бывший министр, а ныне лидер социал-демократической партии Своик, бывший посол Ауэзов... Показали их, вроде, нейтрально, а потом предоставили слово писателю-патриарху Морису Симашко, который высказался в том духе, что вот, мол, некоторые недопонимают сложностей момента, а также всех замыслов и деяний реформаторов, а потому хотят всего и сразу... И сразу стало ясно — каково отношение верховной власти к “гласу несогласных”.

Вчера была просто несусветная жара — наверно, под тридцать градусов. Да ещё ветер... И разнесло по Павлодару собранный во время городского субботника весь мусор, который не успели вывезти.

А сегодня на севере области уже идёт снег, и в Павлодаре ветрено, холодно... Какой-то очередной беспредел творит природа!

22 апреля

Государство собирается продавать Ермаковскую ГРЭС на аукционе в Алматы, оценив станцию в 14,5 миллиарда тенге. Помимо этого будущие инвесторы должны будут вкладывать ежегодно не менее 5,5 миллиарда тенге в развитие станции.

Власти болгарского города Пловдива приняли решение ликвидировать установленный здесь памятник-монумент погибшим советским воинам, освободившим в том числе и Болгарию. (“Стоит над горою Алёша — в Болгарии русский солдат”, — пели когда-то). Министерство иностранных дел этой страны уже объявило такой шаг недопустимым, но сама инициатива властей Пловдива о многом говорит. Кстати, когда-то бывший руководитель Болгарии Тодор Живков предлагал ввести её в СССР — на правах ещё одной союзной республики.

23 апреля

До того “закручиваюсь” на работе, что и продохнуть не успеваю. И только иногда спохватываюсь и говорю себе: стоп, это ведь не жизнь, а лишь её имитация! Только теперь понимаю глубинный смысл японской пословицы, вычитанной, кажется, у Стругацких: тихо, тихо ползи, улитка, по склону Фудзи — доползёшь до вершины. То есть не суетись, живи расчётливо, поспешай медленно. Увы, не получается...

24 апреля

Вышел мой материал в “Караване” — “Четыре потерянных поколения” — на престижной странице трёх авторов. Видно, великоват оказался, “хвост” подрезали, отчего концовка статьи слегка “зависла”, а её автор выглядит несколько наивным... Но в целом материал вполне хорош, и я дал его почитать Даньке. И услышал: “Ты, отец, конечно, не обижайся, но “запарил” уже меня своей связью времён. И что ты на ней зациклился?”.

Так что почивать на лаврах не приходится.

А у Димки определённо есть чувство юмора. Просит меня устроить его летом куда-нибудь на работу. Я — иронически: “В какой области желаете выявлять себя?”. Он, совсем не задумываясь: “Желательно — в высокооплачиваемой!”.

Разоблачительная публикация в “Советской России” препарирует организационно-идеологическую разработку нынешних демократических властей России по дискредитации кандидата компартии Зюганова в предвыборной президентской кампании. Тут и компрометирующие публикации, и всякого рода фальшивки, и вброс в его избирательный фонд “грязных” денег... Какое всё же мерзкое дело — политика, вне зависимости от того, кто стоит у власти.

Появились сообщения о гибели Джохара Дудаева. И хотя никто официально их не подтвердил, похоже, что так оно и есть. Может быть, хотя бы теперь его сторонники утихомируются? Или, наоборот, последуют акции возмездия?

Утихомируются вряд ли... Маховик войны раскручен, и очень многие (при этом не только в Чечне) заинтересованы в том, чтобы она продолжалась.

25 апреля

Отмечали день рождения Ольги у нас дома. И хотя приглашала она всего трёх своих “конторских” подруг, накануне чуть ли не весь день жарила-парила, накупили на базаре всякой всячины... Ей исполнилось 39, а давно ли было 18 (когда мы познакомились).

Я в застолье не участвовал, присоединившись к женщинам после работы. И едва присел, Люба Сучкова вдруг сказала: “Да, только тогда начинаешь по настоящему ценить мужа, когда потеряешь его...”. У неё недавно умер муж... А у Ольги повлажнили глаза. Или мне это только показалось...

Фильм “Назначение” по российскому ТВ (художественный) с Андреем Мироновым, Ириной Купченко, Александром Калягиным — про то, как тяжело бывает жить неуверенному в себе человеку... То есть и про меня тоже. Ведь и я, как герой Миронова, назначенный начальником, всё время мечусь, вхожу в чьё-то положение, кого-то выслушиваю, кому-то уступаю, сомневаюсь и всё время раздваиваюсь, не зная, как поступить. Живу какой-то явно не своей жизнью, а другой нет.

... Самая главная моя проблема — это я сам...

Позвонил знакомый консультант из обл администрации и по секрету сообщил: собраты из “Сарыарка самалы” взяли доклад акима области, произнесённый им недавно на сессии облмаслихата, и готовят из него интервью (по собственной инициативе). Мол, и ты думай, а то давно по нашим коридорам ходят

слухи: Поминов принципиально не хочет давать интервью с акимом, хотя другие газеты, в том числе и республиканские, уже дали...

26 апреля

Н. А. Назарбаев издал указ о компенсации вкладов (тех самых, ещё советских), обесцененных за последние годы. Правда, пока лишь для ветеранов войны. Как будто событие, но начинаешь вникать — и досада берёт. За каждую тысячу рублей, оставшихся на сберкнижке, ветерану “положат” всего 500 тенге. “Почти что ни хрена”, как говаривает в подобных случаях один мой знакомый. Эти самые рубли люди копили многие годы, подчас отказывая себе во всём... Бывшее государство пользовалось этими деньгами, платя их владельцам “ну очень смешные” проценты. И вот теперь “справедливость” восторжествует: за свои некогда полновесные три-пять тысяч рублей (а у многих и того меньше) фронтовики получают от полутора до двух с половиной тысяч тенге. На эти деньги даже туфель приличных не купишь. А на прежние три-пять тысяч можно было купить холодильник, телевизор, да ещё мотоцикл с коляской впридачу... Или сразу “Запорожец”. Правда, не всегда это всё было в свободной продаже, но всё равно было и покупали... А эта компенсация только добавит людям тревожный и обид. Понятно — хотели как лучше. Но лучше уж бы не делали ничего.

А. И. Солженицын опять в центре скандала, во всяком случае — в Казахстане: недавно он выступил в “прямой линии” “Комсомолки” и опять такого наговорил! Например, что унитарное государство в Казахстане, где казахи составляют едва ли половину, это нонсенс... И поэтому А. И. ратует за создание русских автономий.

Ещё он верит, что со временем состоится реальное объединение России, Беларуси и Казахстана в единое государство... Считает, что Украина пошла не своим путём, прихватив три четверти не своей территории (включая подаренный Хрущёвым Крым), претендует на роль мировой державы, чего на самом деле нет... И т. д. и т. п.

А. И. Солженицын, желая того или нет, немало сделал для развала СССР (боролся против тоталитарного режима, а подрывал основы государства), а теперь в своих попытках расставить точки над “i”, раздать всем сестрам по серьгам, а заодно защитить собратьев-славян, по сути оказывает им медвежью услугу. Ибо историю вспять не повернуть...

В “официальных” газетах Казахстана началась кампания “отлупа” Солженицыну. Это — в русскоязычных, а что пишут наши братья-казахи, о том остаётся только догадываться.

Дурновкусие, утрата чувства меры, оказывается, свойственны не только недалёким людям, но и признанным поэтам. Вот образцы “новой” поэзии выдающегося экспериментатора в этой области А. Вознесенского, растиражированные в миллионах экземпляров “АиФом”:

*Сладким ротиком от халвы
Нежно щёчки надувши, как сахарница,
Удивлённо ответили Вы:
Ну, кто сейчас “трахается?”*

Или вот ещё:

*У медведицы течка...
Читаю — Плиния.
Европа — точка,
Восток — линия.*

Боюсь, что не один я не оценил сии “генитальные” строчки...

28 апреля

Договариваться с шахтёрами Экибастуза приезжал министр энергетики В. Храпунов. Сказал открытым текстом: без экибастузского угля экономике Казахстана не выжить. В результате долгих и трудных дебатов договорились продлить сроки погашения долгов по зарплате угольщикам ещё на два месяца.

29 апреля

Н. А. Назарбаеву вручены знаки отличия высшего должностного лица государства — орден “Алтын каран” (“Золотой орёл”) особого образца, кавалером которого может быть только президент, а также нагрудный знак и штандарт президента. Дали на первой странице информацию.

В прошлом году в мире погибли при исполнении своих обязанностей 50 журналистов.

1 мая 1996 года

Очередная сессия Ассамблеи народа Казахстана... Череда обязательных ритуальных мероприятий (кроме собственно заседания). Два приёма, организованных в честь нашей делегации, с закуской и выпивкой за богато сервированными столами... Тосты за здоровье президента и во славу дружбы народов.

На первом приёме, который проходил в так называемом “посольском” квартале, я неожиданно оказался в центре внимания. Министр транспорта и коммуникаций Ю. И. Лавриненко (хозяин приёма, уже слегка “заряжённый” спиртным) неожиданно нарушил ритуальное течение приёма и сказал, чтобы слово предоставили мне. Это было отчасти против правил, потому что по неписаной, но уже сложившейся табели о рангах я, как один из самых молодых (и к тому же представлявший, скорее, лишь сам себя, а отнюдь не всех русских Павлодарской области), обычно и говорил одним из последних, что, впрочем, меня вполне устраивало. Министр пояснил: он прочитал мою статью в “Караване”, и она ему понравилась. Наш аким области, доселе пребывавший в благодушно-расслабленном состоянии, сразу насторожился: что, мол, ещё за статья? И мне в неожиданно свалившемся на мою голову тосте пришлось слегка ещё и оправдываться за эту публикацию в “неправильной” газете, с чтения которой, тем не менее, многие из высших чиновников начинают свой рабочий день. Я сказал, что эта моя статья вообще-то обо всех нас, и предложил выпить за то, чтобы наше поколение было последним переломным и потерянными, а все последующие — обычными и нормальными.

— Это у него возраст такой... переломный, — на всякий случай прокомментировал мой тост отец-основатель нашей областной ассамблеи К. Б. Даржуманов. И было непонятно — хочет он меня тем самым защитить или ставит диагноз: что, мол, с него взять — недоросль ещё...

А с министром мы потом ещё немного пообщались во время перекура на улице — о статье и “за жизнь”. И его подчинённые после этого выговаривали мне, правда, в мягкой форме, что я чуть не заморозил Юрия Ивановича и вообще занял слишком много его драгоценного времени. А я подумал о том, как, наверное, нелегко живётся этому нормальному человеку, волею судьбы оказавшемуся на командных высотах.

Сессия Ассамблеи запомнилась более всего тем, что практически каждый выступающий, о чём бы ни была его речь, считал своим долгом ответить на “измышления” А. И. Солженицына в “Комсомольской правде”. И за вопиющую неблагодарность его клеймили (Казахстан приютил его в пору ссылки, дал работу и кров), и лжепророком именовали, и непрошеным советчиком, нарушителем

мира и покоя в суверенном Казахстане... Я также не разделяю многое из того, что говорит Александр Исаевич, не всегда чётко представляющий, что на самом деле происходит на бывших окраинах СССР, но он жизнью своей заслужил право говорить и писать то, что думает. Некоторые же из ораторов Ассамблеи напоминали мне картину, описанную Ильфом и Петровым, когда на митинге, посвящённом пуску городского трамвая, каждый выступавший, отдав вначале должное знаменательному для города событию, затем непременно “крыл суку Антанту и её цепного пса Чемберлена...”.

Много было славословия в адрес президента, временами возникало ощущение, будто ораторы соревнуются по этой части друг с другом. Разумеется, президенту нужна наша поддержка, но не такая сладкоречивая, и плохо, что не нашлось никого, кто бы остановил этот поток елей...

Весна в Алматы явно припозднилась: ещё и листья на деревьях не распустились... А 19 лет назад в эти дни мы отмечали с друзьями нашу с Ольгой свадьбу в горах, и там уже вовсю цвели яблони... И белые лепестки падали на наш праздничный стол, стоявший в цветущем яблонево́м саду.

2 мая

Очередная сцена из театра абсурда, в котором мне приходится жить.

В недрах аппарата акима области родилась идея — немножко “раскулачить” “ЗП”, вернее, “рекламный пирог” газеты. Кто-то решил, что у нас рекламы (а значит, и денег от неё) слишком много, а вот в “Сарыарка самалы” и того, и другого недостаёт. Поэтому надо сделать так: “ЗП” будет отчислять процентов тридцать рекламных денег братской конторе, а та будет переводить часть нашей рекламы на казахский язык и печатать у себя... И таким образом можно будет уменьшить сумму дотации, выделяемой из бюджета для поддержки “Сарыарка самалы”, а “ЗП” будет меньше платить налогов.

Предложение настолько меня ошеломило, что я даже не нашёл, что сразу ответить. Мы эту самую рекламу раскручивали не один год, столько шишек себе набили, не раз переругались, кого-то уволили, кто-то сам ушёл, будучи недовольным распределением рекламных денег. Но мы действительно выживаем сегодня главным образом за счёт рекламы, хотя никто из нас пока ещё не разбогател и вряд ли разбогатеет. А тут всё очень просто: взять и поделить... И ещё подводится соответствующая политико-идеологическая база — поддержка государственного языка.

Понимаю, что очень трудно сегодня нашим собратьям из “Сарыарка самалы” — и по тиражу они нам уступают (это не вина их, а беда, переко́с этот складывался десятилетиями), и рекламу поэтому несут прежде всего нам, а не им... Но есть разные способы решения проблемы: те же дотации (они их имеют, а мы — нет), публикация разного рода договорных материалов, налаживание работы рекламного отдела, поиск спонсоров... Конечно, всё это требует больших хлопот, постоянных усилий. Куда проще — взять и поделить...

Сказал, что идея мне не нравится, и что более подробно возражения и предложения представлю позже. Хотя, как выясняется, подобные идеи уже воплощаются в жизнь. Генеральный директор “Полиграфии” Г. А. Кузин сказал мне, что уже получил указание от своего начальства — Агентства по печати — отчислять часть прибыли по утверждённым нормативам на обустройство нашей новой столицы.

Дети мои всё больше “выпрягаются” — хамят друг другу и нам, изъясняются друг с другом на жаргоне. Поскольку воздействовать на них словом не удаётся, сказал, что буду воспитывать рублём. Димке сначала подарил сто тенге, а

потом два раза оштрафовал (за то, что обругал, хорошо ещё что не матом, Пашку) — по 75 тенге. И поскольку денег у него теперь нет, изъял из его коллекции машинку. Не уверен, что мера окажется действенной.

А Пашку домой не можем загнать — по четыре-пять часов болтается с новыми друзьями на улице...

Депутаты украинского города Львова постановили переименовать улицу Лермонтова в улицу Дудаева. А ещё раньше улицу Пушкина переименовали в улицу местного деятеля-бандеровца.

М. С. Горбачёв во время предвыборной президентской кампании приехал в Омск, где ему какой-то безработный горожанин перед встречей с избирателями (или после неё) пытался дать по физиономии. Впоследствии М. С. выдавал случившееся чуть не за покушение. Кстати, и встреча его с омичами не задалась — её прерывали свистом и улюлюканиями...

А хулигану-омичу светит срок... Депутаты Госдумы от ЛДПР уже выступили с инициативой — амнистировать омича, исполнившего заветную мечту очень многих. Предложение, увы, не прошло...

Прочитал в "Труде". В Ялutorовске (райцентр Тюменской области) семеро безработных получают пособие по безработице более чем по миллиону рублей в месяц. Некоторые из них занимаются при этом бизнесом, никак его не оформляя...

3 мая

Объявился Роллан Сейсенбаев. Он уже успел прочитать мой очерк об области для будущей книги-фотоальбома и сказал на нашей встрече в областном акимате: это именно то, что требовалось. Осталось договориться об оплате. Накануне меня деликатно склоняли к тому, чтобы я, как истинный патриот области, вовсе отказался от каких бы то ни было денег. "С какой стати? — спросил я. — Это разве благотворительный проект?" — "Нет, конечно, — отвечали мои высокопоставленные собеседники, — но вы понимаете, проект и без того получается очень дорогой — десятки тысяч долларов..." — "Тем более... Что в этой сумме может стоить одна-единственная тысяча?". Сам не знаю почему я назвал эту сумму — меня просто взбесил этот разговор и особенно последний аргумент. Мы в тот раз ни до чего не договорились, а теперь мои собеседники решили пожаловаться на меня Роллану: вот, мол, сколько ваш соавтор хочет получить за свой текст. И я похолодел: доигрался, думаю, назвав сумму "от фонаря". А Роллан вдруг заявляет: для книг такого уровня эта сумма должна быть минимум вдвое выше, тем более что работа уже сделана и не требует никакой доводки. У меня челюсть чуть не отвисла от такой поддержки... Может, хотя бы теперь мои начальники поймут, что мы, местные журналисты, тоже чего-нибудь стоим...

Деньги Роллан обещал заплатить, как только ему переведут первую их часть — для набора и вёрстки книги. Хотя, честно говоря, я почему-то не очень верю в это — уж как-то всё слишком просто получается...

Добавление из 2009 года. Чутьё меня не подвело. Тогда эта книга так и не была издана: сначала заболел Р. Сейсенбаев, потом сменилась власть в области. А когда спустя пять или шесть лет книга всё же увидела свет, за мой многострадальный текст, который к тому же пришлось дорабатывать, мне заплатили аж 200 долларов.

Новое время — новые песни... Когда-то я, получив первую зарплату в редакции железинской районки — 28 рублей (это был заработок за первую отработанную неделю), тут же отправился за сто километров домой в совхоз, чтобы отдать её матери. Заработал позднее первые в жизни “большие” деньги — 350 рублей в студенческом стройотряде — тоже отослал матери... Пишу об этом потому, что Данька тоже получил свою первую зарплату — полторы тысячи тенге — и молчит... Дело не в том, что нам нужны его деньги, но сказать-то о них можно было...

Сообщение по телетайпу. Группа писателей Казахстана обратилась в Генеральную прокуратуру, чтобы та определилась с оценками недавних высказываний А. И. Солженицына в “Комсомольской правде”. По мнению писателей, они “грубо попирают независимость Казахстана..., являются откровенной ложью и дезинформацией населения СНГ”.

В свою очередь Генеральная прокуратура считает, что “утверждения А. Солженицына по поводу положения русскоязычного населения Казахстана не соответствуют действительности. Он, в частности, заявляет, что русских в нашей республике всячески оттесняют, не пускают в Ассамблею народов..., лишают культуры русской..., лишают русских изданий, русских телепередач”. Но из 317 членов Ассамблеи народа Казахстана казахов только 68, русских — 53, немцев — 23, украинцев — 21, корейцев — 23, татар — 19. Остальные — представители других наций, населяющих республику”.

И далее (цитирую): “В стране... сейчас функционируют 8368 общеобразовательных школ, в 3328 из которых занятия проводятся на казахском, а в 2484 — на русском языках. Смешанных школ, где обучение идёт на казахском и русском, насчитывается 2464, в 92 — занятия проводятся на немецком, уйгурском, корейском и других языках. В Казахстане... 66 высших учебных заведений, в которых на казахском языке обучается всего 20 процентов студентов... Из издающихся в республике 1227 газет и журналов на казахском выходят 275, на русском 497, на двух языках — 412. Из более 200 теле- и радиорганizations только пять передачи ведут на казахском, остальные — на русском или других языках”.

И вывод: “Генпрокуратура полагает, что А.Солженицын... в грубой и оскорбительной форме высказывается о народе суверенного государства, призывает к нарушению его Конституции и территориальной целостности... Прокуратура в связи с этим сочла необходимым обратиться в Верховный суд с заявлением о приостановлении выпуска “Комсомольской правды” и распространении её на территории Казахстана”.

5 мая

Из доклада Н. А. Назарбаева на сессии Ассамблеи народа Казахстана: “Казахстан готов на тот уровень интеграции, который не затрагивает его политической независимости. На формирование какого бы то ни было бывшего единого государства... наша республика никогда не пойдёт...”.

Из обращения Ассамблеи к народу Казахстана: “Ассамблея... призывает все политические силы нашего государства встать против реакционных сил, мечтающих о восстановлении тоталитаризма...”.

Надо полагать, это ответ на решение Госдумы России о денонсации Беловежских соглашений, а также на прошедшие в ряде городов Казахстана митинги в его поддержку, организованные коммунистами. Не думаю однако, что среди участников этих митингов найдётся много “мечтающих о возврате тоталитаризма”. Но много таких, о ком говорил в своём докладе на сессии Ассамблеи Н. А. Назарбаев: “В медицине есть такое понятие “фантомные боли” — отрезанной

руки или ноги уже давно нет, но она болит. Так и СССР, как государства, нет уже пять лет, а часть людей всё продолжает считать себя гражданами той страны”.

6 мая

Пару дней назад пришёл после обеда на работу и прочитал в полосе поздравления акиму Успенского района В. Д. Глазырину с пятидесятилетием. Сразу вспомнил день, проведённый с ним в районе, и тоже решил поздравить. Но его “вертушка” не ответила. Только положил трубку — звонок уже ко мне на “вертушку”: умер Виктор Дмитриевич Глазырин — сердце.

Был сегодня на похоронах. Тьма народу... Неистовое, злое солнце... Глазырин в гробу — насулпленный, как будто чем-то недовольный... Поразила некая обыденность, царившая во время похорон... Как будто ничего особенного не произошло... Ну умер, что тут поделаешь... Хотя ушёл совсем ещё не старый “последний из могикан” — убеждённый сторонник и защитник колхозного строя, делом доказывавший на примере целого района, что колхозы хоронить рано...

Лучше всех сказал о случившемся Б. В. Исаев: отложенный инфаркт... То есть лишения и беды долго накапливаются, организм их терпит, мобилизуется в критические моменты, а в относительно спокойные периоды (Глазырин был в авторитете, его безоговорочно признавали в районе и ценили в области, он был, что называется, на своём месте) вдруг “выстреливает” инфаркт...

Глазырин был неповторим — таких больше не будет...

С. П. Шевченко собрал друзей помянуть отца, которому исполнилось бы в эти дни сто лет. Он был расстрелян как японский шпион (это в Северо-Казахстанской-то области), где похоронен — неизвестно. По рассказам С. П., его отец был человеком исключительной силы духа и даже под чудовищными пытками ни в чём не признал себя виновным и никого не оговорил.

А нам, близким ему людям, помимо прочего, С.П. “завещал” своего сына Славу, который живёт в Новосибирске и был в этот вечер с нами: мол, мало ли что со мной может случиться — а вы друг друга знайте...

Хороший был вечер, душевный...

11 мая

Напечатали отрывок из новой книги Н. А. Назарбаева “На пороге 21 века” — рассказ о том, какие обстоятельства предшествовали введению национальной валюты в Казахстане. Безобразнейшим образом вели себя российские политики — в том числе первые лица государства: гарантировали Казахстану сохранение единой рублёвой зоны, а на деле вытаскивали из неё, водили за нос, обманывали...

Н. А. вспоминает, как в условиях строжайшей секретности велась подготовка к переходу на собственную валюту. На одном из первых вариантов будущих купюр был и его портрет, который Н. А. забраковал. Деньги были отпечатаны в Англии и четырьмя грузовыми самолётами “Ил-76” перевезены в республику. Самое трудное было — развезти их потом по областям и районам... “Наверное, в мире не было прецедента столь быстрой и удачной операции по вводу новой валюты”, — считает Н. А. Назарбаев.

Уже в который раз пишем о Черноярке — незавидной нынешней судьбе бывшего “главного огорода области”. Хозяйство, имевшее пять тысяч гектаров поливных земель и выращивавшее до 20 тысяч тонн картошки и овощей в год, разваливается на глазах. Техника и оборудование изношены до предела, в срочной реконструкции нуждаются оросительные сети, но денег на это нет. Нет также гербицидов и удобрений... Тяжким бременем висит на хозяйстве социальная

сфера. И едва ли не главная обуза — отопление многоэтажных жилых домов, которыми когда-то гордились как ярчайшей приметой стирания граней между городом и деревней. Зарплату здешние овощеводы не получают по полгода. Черноярка — уже почти банкрот, и вряд ли её можно спасти в нынешнем виде.

О том, в каких условиях приходится работать черноярцам, можно судить по такому, например, факту. Не успели здесь высадить морковь на семенном участке (а это отборные экземпляры, вполне пригодные для еды), как на следующий день её уже там не оказалось... Выкопали!

Мэр болгарского города Пловдива (тот самый, считающий, что памятник павшим советским воинам, освобождавшим Болгарию, — знаменитый “Алёша” — “символизирует оккупационную армию”, и потому ему не место в городе) намеревался посетить с рабочим визитом Санкт-Петербург — и получил отказ. Именно за идею демонтировать памятник “Алёше”. Питерцы, конечно, молодцы, однако пловдивский мэр и его единомышленники собираются приступить к демонтажу памятника в сентябре, когда отмечается праздник города.

14 мая

Идеи витают в воздухе... Режиссёр Карен Шахназаров снял новый фильм “Сны” — о том, как некой молодой графине, жившей в 1893 году, снятся сны из 1993 года. Она работает посудомойкой в столовой, попадает в ряды защитников здания парламента и демократии, становится министром в российском правительстве демократов, участвует в конкурсе “Лучший бюст СНГ”. Злая, откровенная сатира, почти публицистика... И по сути — та самая “Хроника абсурда”, с которой я основательно припозднился, боясь слишком привязать себя к событиям быстротекущей жизни.

Сатира в “Снах” явная, причём не вообще сатира, а именно на ельцинский режим.

16 мая

У Ермаковской ГРЭС — новый хозяин. Госпакет акций (53 процента) выкупила компания “Джапанхром корпорейшн”. При этом она заплатит правительству всего сто миллионов тенге, но берёт на себя обязательства три года подряд вкладывать в реконструкцию предприятия по 5,75 миллиарда тенге.

Эта компания управляет Ермаковским заводом ферросплавов и вывела его из прорыва. Завод же — один из основных потребителей электроэнергии, вырабатываемой Ермаковской ГРЭС. Непонятно, правда, что это за компания, откуда она, хотя по названию должна вроде быть японской...

Массовые беспорядки в одном из таджикских городов — Ура-тобе, где подожжены здания городской администрации, милиции, прокуратуры... Митингующие требуют отставки местных властей. (Из “Горячего телетайпа”).

18 мая

Всеякими способами агитируем за подписку. Публикуем сегодня подражания О. Григорьевой популярным песням Аллы Пугачёвой, Филиппа Киркорова, Льва Лещенко. По-моему, отличная “агитка”.

19 мая

Депутаты Риги решили переименовать улицу Космонавтов, наминавшую им о времени пребывания их республики в составе ненавистного СССР, в улицу Джохара Дудаева. На улице, кстати, всего 16 домов.

Мать четверых детей из города Митино (Подмосковье) выбросила их из окна квартиры, расположенной на восьмом этаже. Младшие трое, маленькие, даже не поняли при этом, что происходит, а дочь одиннадцати лет пыталась сопротивляться... Потом и сама мать выбросилась... Оказывается, они с мужем (отцом этих детей) увлекались оккультными науками.

Участники очередной встречи на высшем уровне — президенты стран СНГ — выразили поддержку демократическим преобразованиям в России (читай — Б. Н. Ельцину на предстоящих президентских выборах). Особенно усердно вещал по этой части Шеварднадзе. Впрочем, их всех можно понять — все они в той или иной мере соучастники происходящего на просторах СНГ..

21 мая

Голодают машинисты локомотивного депо станции Павлодар — им уже больше четырёх месяцев не платят зарплату, потому что отделению железной дороги — крупнейшему в СНГ — не платят за перевозки. Бастовать машинисты тепловозов права не имеют, но они также не имеют права уходить в рейс без медицинского осмотра. И теперь их одного за другим из-за ухудшающегося состояния здоровья отстраняют от поездок.

Тем временем все отчаянные попытки начальника отделения дороги А.С. Саркыншакова, профсоюза железнодорожников достучаться до правительства и положить конец порочной практике бесплатных перевозок остаются безответными.

Прислала письмо Таня Конобейцева из Германии. В 43 года родила дочь (уже есть два сына), назвали Штефани — в честь знаменитой теннисистки Штеffi Граф. Живётся им, похоже, нелегко, но она не унывает. Пишет: купили недорогую машину — БМВ, собираются брать кредит на покупку дома.

Молодцы... Татьяна всегда меня удивляла своей стойкостью к жизненным невзгодам.

Иногда человеку для счастья бывает мало что надо. Вот и мне... Дали в прошлое воскресенье воду на даче... Часа три поливал, наполнил бак... И сразу всё вокруг стало оживать, преображаться. “Заплакал” виноград, и, мне казалось, я слышу, как по его стеблям движется вверх живительная влага... Воробьи купались в луже под яблоней... Шмели тыкались носами в ещё только набухшие цветочные бутоны на яблонях... И уходить не хотелось...

А сегодня прошёл первый хороший дождь, который так нужен был истрадавшей от суши земле. Правда, почти сразу похолодало...

24 мая

Обостряется ситуация вокруг голодовки машинистов Павлодарского локомотивного депо. Денег им на зарплату так и не нашлось, а от обещанной подачки в виде аванса они отказались, и скоро поезда вовсе будет водить никому.

Подготовили об этом заметку — звонят из облакимата с настойчивой просьбой воздержаться. “Пресс-службистов” я сразу отшил... Звонит руководитель аппарата и ссылается уже на акима области, который пытается решить проблему долгов железнодорожникам... Ещё один аргумент: к акции протеста машинистов могут присоединиться и другие коллективы, тогда ситуация станет неуправляемой...

“Мы же к этому не призываем — просто информируем, — говорю я, — это наша обязанность... К тому же мы не дадим — другие дадут, как мы будем при этом выглядеть?” — “Аким лично просил меня переговорить с вами...”.

Воздержались от публикации... Хотя грустно всё это... Дело обставляется таким образом, будто сами машинисты виноваты в том, что им не платят...

В России очередная фаза предвыборной кампании. Претенденты на президентский пост представляют свои программы. Слушал Брынцалова, Лебеда, Жириновского. Впечатление, особенно от речей первого и третьего, ужасающее: скудоумие, примитивизм, но зато какие амбиции!

По ТВ и в газетах тотальная агитация за Ельцина — зачастую лобовая и примитивная. Особенно бросаются в глаза идиотские “звонки” по “телефону доверия” действующему президенту. Вот, например: “Я инвалид войны... У меня трое детей, четверо внуков, две правнучки... Я переживаю трудности со всеми... И все это переживают... Мои дети, слава Богу, не в торговле и не в бизнесе. Они просто работают, честно работают... Я никогда на судьбу не жалуюсь... А правительству я должна сказать спасибо, большое спасибо. Очень большое... И, конечно, я пойду голосовать за Ельцина... Детей своих не принуждаю, не заставляю. Но мы всё равно пойдём голосовать за того кандидата, которого я назвала... С уважением Кириллова Вера Сергеевна”.

И вот этот и ему подобный бред из номера в номер публикуется в самых тиражных российских газетах.

Теперь Ельцин грозитя поехать в Чечню... Неизвестно, правда, зачем: то ли переговоры вести, то ли агитировать. А литераторы-демократы Б. Окуджава, Г. Бакланов и другие пытаются публично отговорить его от этой затеи — в таких примерно выражениях: мы, фронтовики, знаем, как опасно на войне, вы не имеете права так рисковать собой... Как будто умные люди не понимают — готовится очередное предвыборное шоу...

Тем временем “выдающийся реформатор” Е. Т. Гайдар дал высокую оценку казахстанским реформам, по темпам и качеству которых Казахстан давно обошёл большинство своих собратьев по СНГ, включая Россию... Хорошо бы Егору Тимуровичу и иже с ним проехаться по некоторым “малым” казахстанским городам, пообщаться с голодающими машинистами тепловозов в Павлодаре, заглянуть в бывшие совхозы Экибастузского, Лебяжинского, Железинского районов... Может, тогда у реформаторов в мозгах прояснится. Хотя вряд ли: они живут в своём собственном мире — зазеркалье “для своих”...

25 мая

Опять бастуют горняки Экибастуза — уже несколько дней не ведут добычу и транспортировку угля. Причина — обещанное министром энергетики погашение долгов по зарплате не состоялось. Угольщики хотели провести митинг у своего Дворца культуры, но власти города его не разрешили, мотивируя это тем, что “акция может привести к разжиганию социальной нетерпимости”.

Переговоры стачкома с администрацией города ничего не дали... Денег на зарплату по-прежнему нет, и добыча угля не начата.

А вот рабочие Муромского приборостроительного завода в России борются за свои права более радикальным способом: свыше тысячи человек захватили оборонные цехи предприятия, в которых изготавливается взрывчатка, и держат круговую оборону. (Из “Торячего телетайпа”).

На грани развала Экибастузская птицефабрика — одна из крупнейших в области. По сути она уже банкрот — нет никакой возможности погасить долги в 200 миллионов тенге. В создание фабрики были вбуханы огромные деньги: здесь 24 птичника, инкубатор, котельная, рядом — благоустроенный посёлок, в котором живут около ста семей. Теперь многое из всего этого — в прошлом. Котельная не работает, водопроводные и тепловые сети пришли в негодность, посёлок остался без воды и без тепла, а жители его вот-вот останутся без работы, за которую им к тому же давно не платят.

Наш собкор П. И. Оноприенко призывает власти Экибастуза спасти фабрику от разграбления. А когда-то из-за этой самой фабрики я объявил сам себе, а также Ю. А. Ковхаеву и С.А. Горбунову выговор. Один написал, а другой подмахнул заметку “Когда прокукарекует петух?” — о фабрике-долгострое, которая, оказывается, уже работала к тому времени. Из-за этой заметки мне даже пришлось объясняться на заседании бюро обкома партии. Выходит, зря мы все тогда пострадали?

26 мая

Вчера случайно посмотрел по российскому ТВ программу “Дни” А. Невзорова (того самого, что делал когда-то “600 секунд” на Ленинградском ТВ). Там был сюжет про двух россиянок, несколько месяцев находившихся в плену у чеченских боевиков. Использовали они этих женщин как секс-рабынь, иногда в очередь. Действовало правило: если кто-то из боевиков считал, что его “обслужили” без должного усердия, то вправе был наказать “виновницу”. Женщин били арматурой по спине, ногам... Одна продемонстрировала на телеэкране спину с незаживающими следами от ударов.

По Корану тронуть женщину — грех. Но они ведь их за женщин не считали, используя как своего рода туалет... И с такими людьми (или с теми, кто командует ими) российские власти собираются вести переговоры?

Второй сюжет был о миллионере Брынцалове — одном из кандидатов в президенты России. Нахальный, самоуверенный тип, выставляющий напоказ своё богатство. В одной из своих публичных речей он уже пообещал разогнать Госдуму. На вопрос Невзорова: “Почему?” — отвечал: “Да они же там в большинстве своём ненормальные и к тому же почти у всех у них “не стоит”. А я их вылечу — вот этими таблетками...”. Которые тут же продемонстрировал.

Кстати, едва ли не первой представила Брынцалова России на ТВ популярная тележурналистка, одна из основательниц так называемого авторского телевидения, любимица демократической публики Кира Прошутинская...

Ещё в одной из телепередач Брынцалов демонстрировал во всех ракурсах свою молодую жену — совсем как породистую лошадь.

А Б. Н. Ельцин агитирует в Воркуте. Спустился в шахту. И там ему какая-то женщина говорит: “Я — единственная женщина-машинист в шахте, уже много лет работаю, а своей машины не имею... Подарите?” — “Подарю, — тут же загорелся Б. Н., — лично подарю...” — “Дайте я вас поцелую, — растроганно благодарит женщина-шахтёр”. После чего они лобызаются.

Бедная, бедная Россия... Никогда ещё на российском ТВ не было такой примитивной пропаганды, лизоблюдства, угодничества, усердия, превозмогающего разум... Мы, казахстанские журналисты, более всего несвободны от власти, а российские, особенно телевизионщики, не менее нашего зависят от своих новых хозяев. Существо же власти остаётся неизменным, хотя, наверное, она становится ещё более бессовестной и циничной. Предвыборная кампания в России демонстрирует это со всей очевидностью.

И сам я раньше делал газету, какую мне позволял делать обком партии, а теперь — какую мне позволяют новые власти. С одной лишь разницей: новые, если что, церемониться не будут...

Ещё один российский спектакль: Б. Н. Ельцин в пожарном порядке принял в Москве чеченскую делегацию. Мигом договорились о прекращении боевых действий, и пока чеченская делегация продолжала переговоры уже с правительством, Б. Н. совершил стремительный бросок в Чечню... (О чём не знала даже эта самая делегация — так, видимо, задумано было). Чистейшая пропагандистская предвыборная акция, рассчитанная на дураков.

Смотрел по ТВ выступления кандидатов в президенты России Юрия Власова (бывший штангист, многократный олимпийский чемпион) и Амана Тулеева (говорят, наш земляк-казахстанец). К первому я отношусь с симпатией, хотя шансов у него никаких. У Тулеева, впрочем, тоже... Он — единственный из всех кандидатов — сказал, что всем, чего достиг в жизни, обязан Советской власти.

Зять Николай Лиханов зарезал всех своих свиней, которых стало нечем кормить. Это ему — главному инженеру ещё несколько лет назад крупного совхоза, всегда крепко стоявшему на ногах. Что же о других сельчанах говорить?

28 мая

За последние четыре года население области уменьшилось за счёт миграции на 68 тысяч человек, в том числе за прошлый год — почти на 18 тысяч. Уезжает главным образом трудоспособное население — люди высокой квалификации. В прошлом году уехало около 1,8 тысячи человек с высшим образованием, а прибыло таких — всего 400 человек. Со средним специальным: выехало 6,4 тысячи, а въехало — 1,4 тысячи (из статотчёта “О миграционных процессах в области”).

Наш автор Жасулан Садыков уверяет в сегодняшнем номере “ЗП”: где-то неподалёку от нынешнего Павлодара (в срединном течении Иртыша) в 9-11 веках находилась ставка кагана (властителя) Кимакского каганата — могущественного Кимако-кипчакского союза-государства, разрушенного позднее монголами.

30 мая

Большое, как известно, видится на расстоянии. Вот и мы публикуем сегодня выдержку из письма земляка-павлодарца, живущего теперь в Израиле. Начитавшись там русскоязычных газет, он пишет, что все они ему не по душе, и он очень скучает по “Звезде Прииртышья”...

Интересный материал нашего автора-краеоведа С. Джаксыбаева из Экибастуза — о зачатках развития промышленности в нашем краю в первой половине прошлого(!) века. Только в Баянаульском округе было открыто в 1834-1836 годах восемь серебро-свинцовых и медных рудников. А в 1844 году баянаульские руды уже плавилась, правда, в Каркаралинском округе... Примерно в то же время (в 1838 году) был найден у нас уголь, на котором и плавилась руды. Позднее на базе Баянаульских месторождений руды и угля работали Александровский свинцово-серебро-медный и медеплавильный Иоанно-Предтеченский заводы. Александровский был расположен в 30 километрах от Экибастуза. Во время Крымской войны, в 1853-1856 годах, этот завод был главным поставщиком свинца в России. Наверное, можно найти остатки этого завода, о чём, к сожалению, ничего не написал С. Джаксыбаев.

Продолжение в следующем номере.

Талгат ГАРИПОВ

Кирпичики

Продолжение цикла

Зёрнышко молилось

К просяному зёрнышку ветерок осенний
Прикоснулся ласково, дождик оросил.
И проснулась крошечка на снегу мгновений:
— Просяное зёрнышко, счастья не проси.

После долгой разлуки

Вновь я пред тобою, как и прежде;
Чувств комок не сразу разберёшь.
Ты любовь моя, ты память, моя нежность...
Родина, меня ты узнаёшь?

— Деньга идёт к деньгам, —
Подумал он, взглянув на старика.
И мятый доллар бросила к ногам
Его холёная рука.

Так рядом прошлое, и — очень далеко!
Нас бездна вечно разделяет.
Преодолеть её желанье велико,
Но как — лишь память это знает.

Всё относительно

С грустью в сердце молча глядел
На летящие мимо вагоны,
А другой, что в вагоне сидел,
Чуть завидовал им — на перроне.

**Талгат
Талипович
ГАРИПОВ**

родился 10 февраля 1955 г. Окончил Казанский университет. Инженер-химик. Работает по специальности. Член Павлодарского литобъединения им. П. Васильева. Публиковался в разные годы в коллективных сборниках "Радуга над Иртышом", "Магия твёрдых форм и свободы", в журналах "Простор", "Айдын", "Тобол", "Озарение". Автор сборника стихотворений "Берега". Постоянный автор "Нивы".

Живёт в Павлодаре.

Считают — истина в вине,
Но сколь живу, а всё же нет:
В ней истин тайна не видна.
Видна лишь истина вина.

Ветром в поле

— Теряя истину в веках,
Искать мечты доколе?... —
Орёл, витая в облаках,
Шутил над ветром в поле.

В автоинспекции, однако,
Весьма рентабельно служить:
Из кирпичей дорожных знаков
Здесь можно дом себе сложить.

Венера Милосская

Тень синей птицы вдалеке;
Во взоре тайный отблеск веры.
— О, Ева, с яблоком в руке!.. —
Стою у статуи Венеры.

В извечных пустотах беспечной души,
Где снов индевелость,
Совесть порой получает ушиб
О мягкотелость.

Милостыня и милость —
Битая правда судная:
В битвах и за справедливость
Праведным быть трудно.

Нам лишь победы благодать,
Но в жизни, вечной мелодраме —
Порой приятно проиграть
Тебе понравившейся даме.

Несущий свет — гонец богов,
Но свет, коль сердце не в чести,
Затмить способен взор того,
Кто вознамерился нести.

Уж такова души природа
И плоти алчущая рать:
Мы вечно грезим о свободе,
Стремясь при этом потерять.

Столкнулся с хамством и страдаешь?
Как с той овцы, что — шерсти клок,
Хотя бы извлеки урок
Как поступать не подобает.

Жизнь крошим на мелкие части
Настойчиво, смело. И только?..
Слагаем мозаику счастья
Из тусклых, колючих осколков.

Нескромное желание
Желать — быть поскромней
Встречает понимание
Не только лишь во мне.

Из досье на талант

Талант в анфас — небесного криница,
В профиль — мудрое веков,
В “три четверти” — муз смелая десница,
А со спины — мишень для дураков.

Свобода?

Свобода — тонкий поводок
В туманном, длинном коридоре:
Всё в нём в пределах “от и до”.
Короны блеск — смешные шоры.

Ожидания

Квадрига года. Кони цугом.
В карете кто — не разберёшь.
— Скажи, форейтор, будь же другом,
Каких гостей ты к нам везёшь?

Стеклянная улыбка

Бывают осколки-изъяны,
Улыбки с изъяном бывают:
Улыбка осколком стеклянным
Сияла под солнышком мая.

Всматриваясь в миг

Мгновение и только?..
Но вот ведь — утекло:
Стекло слезою горькой,
Прозрачной, как стекло.

Раздражение

В квадраты мыслей с рваными углами
Острее бритвы грузом суеты
Вминает взгляд холодный серый камень,
Возникший из бездушной пустоты.

Поссорились

Взглядов стенания.
Мыслей стена.
В прорубь молчания —
И тишина.

Тревожные пернатых голоса,
Хор, не распевшийся под шум маэстро-ветра,
Вновь будоражат небеса.
Как грусть моя, вы осени примета.

Цветущий кактус
Дивной красоты
Я встретил как-то..
Веришь? это ты!

Подвластна сила всех стихий,
Сиянье звёзд, огонь мгновений,
Когда слагаются стихи,
Когда приходит вдохновенье.

Маме

Ты на другом Земли конце,
Но предо мной твой образ зыбкий
С морщин улыбкой на лице
И с тенью грусти на улыбке.

Невысказанное

Не поздравляй меня открыткой.
Она — засушенный цветок.
Ты подари свою улыбку:
Её всегда я жду, сынок.

На воскресную смену

Рассвет забрезжил, белый снег
Замёл, пригладил все дороги.
Лишь виден одинокий след.
— Эх! вы, мои шальные ноги!

Первый снег

Я богач! Богаче и султана:
Возможно, он не видел и во сне
Столь самоцветов, сколько утром рано
Рассыпал предо мною первый снег!

Ковыльных волн вдыхаю ароматы,
Рассветных рос нектар небесный пью,
Вдруг растворяюсь в пурпуре заката...
Я у окна в мечтах опять стою.

С твоим столкнулся смелый взгляд,
И на трамвайный пол из выси
Как будто сбросили наряд
Мои слегка шальные мысли.

Ах! память, есть в тебе изъяны!
Порой твоя печальна роль;
Как застарелая ты рана:
Почти зажило, тронешь — боль.

На розы нежном лепестке
Росинка. В ней, себя пытаюсь
Увидеть, мотылёк присел.
Смотрю на мир и восхищаюсь!

Закаты льют огонь на синь и ветры,
Рассветы пьют вино из росных слёз,
А мы, закрыв рассвет в квадратных метрах,
Живём в своих закатах юных грёз.

Обдало будто бы морозом:
Круша беспечных мыслей круг,
Среди веселья взгляд серьёзный
Задел моё сердечко вдруг.

Подарок, мол, судьбы, — когда-то
Ты говорила про меня.
И что, коль зубы слабоваты
Вдруг у дарёного коня?

Первый снег

Легкокрыло в заоблачные дали
Вознёсся, словно птица-великан —
Передо мной пушистым одеялом
Упавшие на землю облака.

Безысходность

Позабуду дорогу в войну,
Обиды оставляю без крова;
Сокрушу молчанья стену
И обижу тебя этим снова.

Кораблик детства. Времени река.
Волна следы настойчиво смывает...
Листок бумаги мнёт моя рука.
Но нет пути в апрельский день из мая.

Из улыбки солнечного дня
Беспокойство губкой своенравно,
Моноotonно, ласково, исправно
Незаметно снова пьёт меня.

Сапаргали ЖАГИПАРОВ

Звезда Героя Жаныбая

Среди шахтёров трудно представить людей случайных, для которых эта профессия была бы не более чем просто эпизодом, сиюминутным в жизни. Конечно же, я имею в виду именно тех людей, которые знают цену любви, преданности своей профессии, мастерству. Этот созидательный, но тяжёлый труд позволяет раскрыться и умению, и характеру человека, что роднит его с высшими проявлениями творческой деятельности. И поэтому среди шахтёров можно встретить людей, которые, посвятив этой благородной специальности долгие годы жизни, добились выдающихся результатов. Один из них — Герой Социалистического Труда, полный кавалер знака “Шахтёрская слава”, бывший депутат Верховного Совета Казахской ССР одиннадцатого созыва Жаныбай Игибаев. Ему исполнилось 75 лет, и 55 из них он отдал шахтёрскому делу.

“В жизни немало неповторимо прекрасных мгновений...”

И хотя он давно на заслуженном отдыхе, однако, вспоминая часто минувшее, не перестаёт думать о будущем родной страны. Ветеран уверен, что казахстанцам предоставлены все возможности и нет никаких преград для того, чтобы построить процветающий Казахстан.

— Неукротим бег времени, — говорит Жаныбай Игибаевич, — и радостно, что повседневность насыщена важнейшими знаковыми событиями огромного масштаба. Это и декабрьский Саммит в Астане, Послание Главы государства народу Казахстана “Построим будущее вместе!”, замечательные успехи казахстанцев на Азиаде-2011 и прошедшие внеочередные президентские выборы, на которых избиратели снова оказали доверие Лидеру нации Нурсултану Абишевичу Назарбаеву. Всё это — значительные вехи, способствующие развитию нашего государства, что радует каждого из нас, в том числе ветеранов.

Мне посчастливилось не раз встречаться с Жаныбаем Игибаевичем, и я всегда поражался не только его подтянутости, элегантности, но и оптимизму, мудрости, рассудительности. Помнится, в феврале 1985 года его удостоили высокой чести быть председателем Центральной избирательной комиссии по выборам в Верховный Совет нашей республики, тогда от некоторых кандидатов в депутаты я услышал о нём такое мнение: “Казалось бы, Игибаев — шахтёр, трудяга, а вот интеллигентности, обаяния, одарённости у него не отнять, любому политику даст фору своей компетентностью в том или ином деле, он умеет убеждать собеседника вежливо, спокойно, аргументированно, и ещё, он — толковый организатор...”.

Столько времени прошло с тех пор, однако он остался таким же интеллигентным, эрудированным, скромным, отзывчивым, добрым советчиком. Справедлива поговорка: “Прожитый день не вернётся, а мудрое слово остаётся”.

Действительно, природа щедро одарила Жаныбая Игибаевича богатым внутренним миром, кипучей энергией, трудолюбием, целеустремлённостью. От отца он унаследовал здравый рассудок, склонность к анализу своих действий. Да и люди, которые окружали Жаныбая, были отзывчивыми, добрыми.

Он родился и вырос на кокшетауской земле, а вернее, в селе Даукара, что недалеко от бывшей ханской ставки в предгорьях Сырымбета, где свои детские годы провёл известный путешественник, этнограф, пытливый исследователь Чокан Валиханов. На этой древней земле жили многие ба-тыры, акыны, исполнители кюев, прославившие её.

Жаныбаю не было семи лет, когда началась Великая Отечественная война. Мама его — Рахима — умерла рано, и он остался с отцом Игибаем. А отец Игибая — Отежан — был известным человеком. Он пешком совершил хадж в Мекку, а вернувшись домой, в Даукаре построил мечеть. В то время люди жили очень бедно, и местные аксакалы Отежан, Жагипар, Амре, Суюндик, Жикиш помогали семье словом и делом. Их уважали за щедрость души. К тому же Суюндик и Жикиш были настоящими знахарями, как говорится от Бога, и лечили людей. И ныне их односельчане вспоминают добрым словом. Как рассказывают старожилы, у них была некая магическая привлекательность и таинственная духовная сила, не только вызывающая восхищение, но и притягивающая к себе. Неслучайно о таких в народе говорят: “Добрый человек придёт — словно свет принесёт”.

... Когда лучшие сыны ушли на фронт — а их в небольшом селе Даукара набралось более пятидесяти, то оставшиеся аксакалы, женщины, дети заменили своих сыновей и братьев, сжавшись в единый кулак, стали крепить тыл. Игибай, Мухамеджан, Кульпаш, Сапура, Шайза от зари до зари трудились в колхозе. В уборке урожая, заготовке сена, дров помогали им девчонки, мальчишки. В стороне не остался и Жаныбай. Дети были тогда самостоятельными, познав голод и холод, рано становились взрослыми.

Закончив школу в родном селе, Жаныбай, собрав нехитрые пожитки, поехал поступать в Кокчетавское педучилище. Проявил старание во всём, учился прилежно, однако тут он задержался ненадолго. Когда скромно одетый паренёк уходил из педучилища, друзья были в недоумении, мол, куда ты собрался, оставайся, учись, ты же для всех нас пример в учёбе и общественной работе. Но реальное положение семьи знали лишь близкие сокурсники Мырзагали и Зипа, которые всячески поддерживали смыслёного Жаныбая. Кстати, Мырзагали Кошекпаевич и Зипа Жагипаровна впоследствии стали уважаемыми людьми, проявив себя как достойные личности, высокие профессионалы в избранном деле.

А Жаныбай ещё со школьной скамьи заботился не только об отце, который постоянно хворал, но и о родных, близких, младших братьях и сёстрах. Он знал, что они голодные и разутые, кроме него никто им не сможет помочь — и поэтому решил стать шахтёром. Как он сам не раз признавался, мечтал стать учителем, учить детей, тем более что у него были склонности к творчеству, любовь к стихам. Жаныбай Игибаевич до сих пор пишет стихи на родном языке. Его творческий огонёк — это часть того пламени, которое мы называем неугасимым огнём народной поэзии. Как- никак, он уроженец тех мест, где в своё время жили и воспевали родной край известные певцы и акыны Ахан-серэ, Укили Ибрай, Орынбай.

В общем, Игибаева шахтёром сделали сами обстоятельства.

— Разумеется, сердце кровью обливалось, когда уезжал за сотни километров от дома, — вспоминает Жаныбай Игибаевич. — К тому же карагандинская погода встретила меня неласково. Холодный ветер срывал с деревьев последние листья, а они после прошедшего дождя налипали на прохудившуюся обувь. Дрожь пробирала тело в тонкой рубашке. Капли падали с сырых веток.

Думал только об одном: “Быстрее бы найти тёплое жильё и согреться”. Шагая по незнакомым улицам, слышал разговоры прохожих: “Холодная осень загостилась в этом году, но недалеко и тот день, когда выпадет снег”. Продрогший, неприкаянный в чужом городе, я с горечью вдыхал прохладный воздух, и щемило у меня в груди. Душа была беспокойна, пока не нашёл шахту.

Рассудительного и жизнерадостного черноглазого паренька в коллективе комбината “Карагандауголь” встретили приветливо. Как только он втянулся в новую для него шахтёрскую жизнь, время полетело быстро, особый дух рабочего коллектива стремительно захватил новичка. Ему по душе пришлись отзывчивость, забота товарищей, настоящая мужская работа. Да и горняков подкупали его собранность и умение подчинить себя поставленной цели — стать мастером избранного дела.

Успешно окончив курсы машинистов горновыемочных машин, Игибаев стал “подземным” комбайнером. Первый комбайн, на котором трудился молодой шахтёр, был широкозахватный, распространённой серии “Донбасс”. Казалось бы, новичок был ещё юнцом, но, к удивлению многих, Жаныбай быстро освоил и другой комбайн — новый узкозахватный “К-52м”. Техника в его руках работала отменно, и Игибаев стал выдавать на гора всё больше угля. Первые успехи не остались без поздравлений, многие известные шахтёры подбодрили его. “Молодец, Жаныбай! Так держать! Ты нам, опытным горнякам, как говорится, утёр нос. Теперь мы знаем, почему ты дневал и ночевал в шахте”.

Игибаев в ответ стеснительно опускал голову.

“Игибаев очень скромнен, мало говорит, но много делает. Он отлично знает технику и с людьми умеет работать”, — так отзывался о нём бывший заместитель директора шахты “Михайловская” В.Стеганов.

И вполне закономерно, что его назначили бригадиром звена. Со временем и как бригадир он проявил способности, грамотно решал любую задачу. Завоевал высокий авторитет в коллективе. Но если уж просил бригадир о чём-то, то знал: горняки расшибутся, а сделают.

Горячая волна подкатывала к сердцу Игибаева, когда шахтёры установили всесоюзный рекорд по добыче угля. А именно это было заветной мечтой его бригады, да и всего коллектива шахты.

Когда я попросил Жаныбая Игибаевича вспомнить об этом нашумевшем рекорде, ветеран стал отнекиваться, мол, кому это интересно, ведь всё в прошлом.

— Без прошлого нет будущего, — возразил я. Вдобавок привёл пословицу: “Если прошлое не вспоминать, то настоящее не понять”.

Что-то дрогнуло в лице аксакала, погладив рукой подбородок, он согласно кивнул седой головой. Ведь с шахтой у горняка связаны самые лучшие годы жизни. Можно сказать, каждая деталь комбайнов и другой техники обласкана теплом его рук. Каждая добытая тонна угля для страны запечатлена в его памяти.

— Шахтёру дел завсегда хватало, — задумчиво произнёс ветеран. — Однажды в одной из центральных газет, кажется, в “Правде”, мы прочитали статью об установленном рекорде бригадой Мурзенко в Донбассе. Там за 31 день горняки при отработке пласта мощностью чуть больше метра добыли 173180 тонн угля.

Наш директор Хальфин, заинтересовавшись этим рекордом, спрашивает у нас: “А вы чем хуже их? Вы же вынимаете пласт мощностью 3,2 метра. Что вам мешает дать больше?”.

На участке, обсуждая данный вопрос, никто не пустился в пространственные рассуждения, просто прикинули и решили, что можем выдать и двести тысяч тонн угля.

Весной 1973 года “колесо” закрутилось, мы начали штурм рекорда. Все трудились от души, самоотверженно, в том числе Альберт Саламатин, Леонид Абгольц, Отари Ишхнели и другие. Казалось бы, порой техника, электродвигатели не выдерживали и один за другим выходили из строя, но люди преодолевали всё, используя новую технологию добычи угля. Это было своего рода испытанием на прочность. Несмотря на трудности, всесоюзный рекорд состоялся: как я и сейчас помню, за 31 день было добыто 177023 тонны угля! Среднесуточная добыча составила 5710 тонн, а максимальная — 7305 тонн. Производительность труда каждого рабочего по участку вышла на отметку 1463 тонны угля в месяц.

Приятная весть о подвиге казахстанских шахтёров мгновенно разнеслась, как говорится, “от Москвы до самых до окраин”.

В обращении к горнякам руководства Советского Союза было особо отмечено: “Это самый высокий уровень добычи угля из одной лавы и производительности труда рабочих очистного забоя на шахтах страны. Достигнутые успехи стали возможными в результате высокого профессионального мастерства каждого члена коллектива, внедрения более совершенной технологии добычи угля...”.

За свой самоотверженный труд Игибаев был удостоен орденов Ленина, затем — Октябрьской Революции. А 2 марта 1981 года за выдающиеся производственные достижения, проявленную трудовую доблесть бригадиру Жаныбаю Игибаеву было присвоено высокое звание Героя Социалистического Труда. А позже ему — как члену Президиума Верховного Совета республики — было доверено возглавить советскую парламентскую делегацию в дружественную страну Лаос.

Следует сказать, что горняк рос не только сам, как мастер своего дела и высокий профессионал, но и заботился о молодёжи, учил её. Широкое распространение и внедрение на шахтах и других предприятиях получила его инициатива: “Опыт, знания и мастерство наставника — каждому молодому рабочему”.

Он, являясь депутатом Верховного Совета республики, не только знал житейские проблемы людей, но и безотлагательно их решал, выезжая в отдалённые сёла и аулы. До сих пор знающие его люди благодарны Жаныбаю Игибаевичу за принципиальность, отзывчивость, оказанную помощь. Избиратели были всегда уверены в своём депутате, так как он не бросал слов на ветер, не занимался бумажной волокитой, показухой, а добивался того, что они просили.

Его личный пример был неотразим. Об этом было сказано в одном из поздравлений нынешнего руководства “Миттал Стил Темиртау”, адресованном Жаныбаю Игибаевичу: “Вы из легендарной плеяды шахтёров, вписавших своим трудом славные традиции в историю Карагандинского угольного бассейна. Ваш трудовой путь, достижения возглавляемой вами добычной бригады и сегодня являются ярким примером для людей, избравших шахтёрские профессии...”.

Добрым словом ветеран отзывался о тех, с кем ему на шахте пришлось делить, образно говоря, хлеба горбушку — и ту пополам. О Смагуле Токумтаеве, Яуде Мусагалиеве, Петре Акулове, Сакене Шоманове, Отаре

Жаныбай Игибаев с товарищами по работе.

Он же с супругой Кульпаш Альмагамбетовной и племянником Корганбеком.

Ишхнели, Альберте Саламатине, Василие Зименко он вспоминал с благодарностью. О каждом из них говорил не спеша, вдумчиво, взвешивая каждое слово как на весах.

— Что за личности? Что за характеры? — спрашивал он и сам же отвечал: — Были они разные по возрасту, по национальности, но всех объединяло братство, дружба, взаимовыручка. Что и говорить, многие были из сельской местности, и что они, эти мальчишки, знали о шахте, горняцком деле? В буквальном смысле — ничего. Чего только не было за десятки лет труда на шахте. Были и завалы, когда смотрели смерти в глаза, эти же вчерашние мальчишки, проявляя хладнокровие, приходили друг другу на помощь. Да и трудились на славу. У горняков была такая поговорка: “Нас никому не согнуть, а если согнуть, то никому не разогнуть”. Сколько здоровья оставили они под землёй, но никогда не жаловались. Но в последние годы “болячки”, заработанные ими на шахте, дают о себе знать всё чаще и чаще. Ведь мы тогда общественные интересы ставили выше личных. Для нас Родина, долг, честь, престиж профессии всегда были на первом плане.

Не устаю повторять молодым, — продолжает именитый шахтёр, — что мало быть тем или иным специалистом, но нужно ещё очень любить своё Отечество, верно и честно служить ему. Откровенно говоря, сегодня некоторые стыдятся произносить такие слова, как Отчизна, долг, честь. Но ведь, если вдуматься, без таких понятий и без дружбы, согласия не может быть настоящего человека-патриота, профессионала, доброго взаимопонимания между людьми. Впрочем, на жизнь надо смотреть не с унынием, якобы всё плохо, а оптимистично, как-никак, а в ней немало незабываемых, неповторимо прекрасных мгновений.

В общем, вся жизнь Жаныбая Игибаевича — воплощение этих слов.

Кульпаш

В том, что Игибаев достиг таких высот и что в доме всегда было тепло и уютно, дети сыты, одеты и обуты, учились хорошо, разумеется, есть большая заслуга жены нашего героя — Кульпаш Альмагамбетовны.

— С выбором спутницы я не ошибся, — удовлетворённо признаётся аскал. — Душа у моей Кульпаш чуткая и тонкая — мечта любого мужчины. Умница, настоящая женщина, надёжная хранительница домашнего очага.

Кульпаш Альмагамбетовна от этих слов чувствует себя неловко, особенно оттого, что в доме гости. Она, смущённо улыбаясь, рассказывает:

— Совсем девчонкой вышла замуж. С Жаныбаем мы счастливы, живём душа в душу вот уже 55 лет. Я сама рано осталась сиротой, моего отца Альмагамбета Кабылуловича расстреляли в 37-м году, как “врага народа”. А он был душой народа, как председатель колхоза в селе Коскуль, заботился о людях. А мои братья Баяхмет, Касен, Жамантай, Каратай — когда началась Великая Отечественная война, ушли на фронт. Все, слава Аллаху, вернулись домой — правда, с контузиями, ранениями, за исключением Каратая. Он пропал без вести. Когда же у братьев спрашивала: “Где же наш Каратай? Может, ещё вернётся?” — у меня, как и у них, на глазах наворачивались слёзы. Что ж поделаешь, душа болит и по сей день. Утешает, что дети Серик, Галя, Акмарал, Светлана, Берик и внуки радуют нас. Все дети, получив высшее образование, обустроены. У каждого своя семья. Серик и Берик честно и добросовестно выполнили свой воинский долг. Сегодня в одной из авиационных частей Сил воздушной обороны Вооружённых Сил Республики Казахстан достойно проходит воинскую службу наш племянник Корганбек, он — офицер, другой племянник Айымбек — тоже офицер, служит в Республиканской гвардии. Ещё один племянник — Курмет — учится в Военном институте Сухопутных войск Казахстана. Как видите, кроме шахтёров есть у Игибаевых и защитники Родины. Это тоже наша гордость.

Мы с Жаныбаем любим, чтобы в доме журчал, как светлый и чистый ручей, детский смех, чтобы не смолкали голоса друзей и родственников. Да, когда дом полон детей и внуков, в этом и есть счастье.

А всех внуков у нас почти ползвода наберётся. Есть и черноглазые правнуки Арна и Аянат. А что ещё надо?

Кульпаш Альмагамбетовна быстро собирает на стол разные соленья-варенья.

— Как говорится, чем богаты, тем и рады. Признаюсь, — продолжает гостеприимная хозяйка, — для нас главным всегда были отнюдь не вещи, а дети, близкие родственники, знакомые. Им всегда протягивали руку помощи, поддерживали. Через нашу семью прошли многие студенты. По сегодняшней день на слуху их имена — Куаныш Рыспаев, Есет Мукажанов, Жакыпбек, Жупар Нурушевы, Алма Тлеукина, Кабыш Тотжанов, Кабыкен Томпышев, Мадат Жаншуаков, Алия Махметова, Сайран Жагипарова, Зара Ахметжанова и другие. У нас было большое желание, чтобы, получив высшее образование, они стали хорошими людьми, профессионалами в своём деле. И мы благодарны им, что каждый из них оправдал наши надежды. Для них тоже в жизни было уроком, что семья создаётся по крупицам, во всём нужны терпение, взаимопонимание мужа, жены, детей.

Не секрет, что мы тоже звёзд с неба не хватали, в материальном плане в молодости было туго, так как снимали жильё. Практически всё начинали с нуля: с тарелок, кружек, ложек, чайника. Думается, что это тоже наряду с глубоким чувством друг к другу помогало строить крепкую семью, с опорой на собственные силы. Это всё я говорю не для красного словца, а чтобы нынешняя молодёжь знала о том, что жениться легко, а жизнь строить не так-то просто. Жизнь подтверждает: когда молодым парам родители создают тепличные условия, то, увы, такие семьи бывают недолговечными. То-то и оно!

Да, сама судьба этой доброй и обаятельной женщины вместила в себя столько событий, что с лихвой хватило бы на несколько книг.

Фото автора.

В будущее — постигая прошлое

В Казахском филиале МГУ имени М. В. Ломоносова в рамках работы Научно-образовательного центра евразийской культуры состоялась вызвавшая большой интерес учащейся молодёжи публичная лекция доктора филологических наук, автора монографии “Поэтика литературной игры” Асимы Калимовны Ишановой на тему: “Философия бытия в древнетюркской литературе”.

Стела Куль-Тегина в стенах Евразийского университета. Когда она там появилась? Какому времени принадлежит её оригинал и какой была ситуация на тот момент в казахской степи? Может ли этот памятник стать ключевым при датировке первых вех древнетюркской письменности? На эти и многие другие вопросы получили исчерпывающий ответ присутствовавшие на лекции студенты Казахского филиала Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова.

Известный в Казахстане литературовед, исследователь поэтики литературы А. С. Ишанова рассказала о той огромной роли, которую сыграла находка стелы с надписью в честь Куль-Тегина. По случаю обнаружения этого памятника (в

связи с этим событием можно было пересмотреть вопрос о времени появления тюркской, в том числе и казахской письменности) в 2002 году в ЕНУ состоялась конференция с участием ярких творческих личностей своего времени — Олжаса Сулейменова, Чингиза Айтматова, Ирины Стрелковой, известных тюркологов из России. Напомним, что стела, уста-

новленная в первом атриуме главного здания ЕНУ, была скопирована японцами с оригинала и при содействии Имангали Тасмагамбетова, бывшего тогда премьер-министром Республики Казахстан, перевезена в Астану, в здание Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилёва.

По словам Асимы Ишановой, надпись на этом памятнике позволяет почерпнуть множество сведений о жизни того периода, о философии средневекового человека. Так, были расшифрованы слова “тюрк” и “тенгри”, что позволяет утверждать о принадлежности памятника тюркскому народу и предполагает бытование в то время тенгрианства.

Рассказывая о концептуальных основах древнетюркской философии бытия, Асима Калимовна привела примеры мировоззренческих тенденций, господствовавших в то время у тюрков, из книги известного

казахстанского филолога, писателя, переводчика, учёного-тюрколога, академика Академии гуманитарных наук РК Немата Келимбетова “Древний период истории Казахстана” (к сожалению, Н. Келимбетов скончался 14 декабря 2010 года на 74-м году жизни после продолжительной болезни). Среди примеров, иллюстрирующих сущность бытия тюрков того времени, наиболее примечательной была интерпретация известного словосочетания “¼ айтыс болды”, очень привычного нам сегодня. Н. Келимбетов же продемонстрировал читателям его глубинный смысл — “вернуться в начало, к истокам бытия”. Это значит, что, по представлениям тюрков, человек, умирая, получал наилучший путь. Он не покидал родную колыбель, а наоборот, возвращался к ней. “Смерть даёт подлинную оценку деяниям человека, особенно если это такая жизнь, как у Куль-Тегина”, — заключила Асима Калимовна.

Ещё одним из ярких эпизодов встречи был разговор о Коркыте. Общеизвестно, что Коркыт — создатель кобыза, сказитель, покровитель поэтов, музыкантов, баксы. Новым же для нас оказалась интерпретация семантики его имени, в котором две части: первая (“кор”) и вторая (“кут”), являющие собой понятия начала и конца. Показательным здесь является обращение к мысли о том, что далеко не каждый народ, тем более в IX веке, имел свой миф, обращённый к теме бессмертия, неприятия конца существования. Красной нитью через всё музыкальное наследие Коркыта проходит мысль о бессмертии музыки, как и о бессмертии души человека. Как отметила Асима Калимовна, именно здесь видна важнейшая особенность тюркского архаического сознания, состоящая в единстве противоположностей.

В завершение беседы А. К. Ишанова выразила сожаление о том, что современные исследователи не заинтересованы в постижении проблем изучения истории отдельных произведений казахской литературы: “Произведения классиков до конца не прокомментированы, а в школьных учебниках отсутствует глубокое их прочтение. Сейчас настало время, когда можно всё перечитывать заново”.

В этих словах нам, молодым филологам, нужно видеть не упрёк, а призыв к действию, надежду на то, что появятся заинтересованные люди, пытливые молодые учёные, способные раскрыть самые неизведанные страницы отечественной истории с тем, чтобы пролить свет на особенности древней философии человека. А это в свою очередь поможет нам и в понимании человека современности. Как известно, времена меняются, а суть человека остаётся прежней.

Светлана ЧЕМАРМАЗОВИЧ,
студентка 2-го курса филологического факультета
Казахстанского филиала МГУ имени М. В. Ломоносова.

г. Астана.

Светлана НАЗАРОВА

“Легко и честно жил на свете я...”

Разные судьбы у поэтов и их стихов. Разные люди окружают их творчество и деятельность. А если речь идёт не только о судьбе большого поэта и человека, на которого возложены Судьбой ли, Высшим ли велением обязательства быть ценителем тех же творческих проявлений у других людей, которые не поддаются статистике, материальным измерениям, то свой счёт ведут и те, кому он помог состояться и самовыразиться. Но счёт ведёт ещё и нечто неведомое нам, смертным. Наше дело — лишь не быть неблагодарными.

Валерий Александрович Антонов родился 25 апреля 1933 года в г. Андижане Узбекской ССР. Вскоре родители его переехали в Алма-Ату. В 1957 году В. Антонов окончил отделение журналистики филфака КазГУ им. Кирова. Работал в редакциях книжных издательств, на Казахском радио, был литературным консультантом межобластных отделений Союза писателей Казахстана. С 1962 по 2002 годы — заведующий отделом поэзии в казахстанском литературном журнале “Простор”.

Автор поэтических книг “День рождения” (1956), “Перекрёсток” (1961), “Отзовись, назовись...” (1967), “Старый посох” (1976), “Ночной дневник” (1978), “Золотые ворота” (1983), “Избранное” (1988).

В журнале “Missives” выходили его стихи на французском языке (Париж, 2002).

Признанный мастер сонета, он был также блистательным переводчиком: в 1977 году выходит книга его переводов с казахского поэзии Есета Аукеебаева “Древо единства” (второе её издание — в 1981 г.). Большой любовью, пониманием и мастерством пронизаны его переводы Гафу Каирбекова “Степной колокол” (1958), Д. Абилева “Знамя в горах” (роман в стихах, 1960 г.). Издавались в переводах В. Антонова и стихи многих других известных казахских поэтов, классиков и современников: Абая, Махамбета, Магжана Жумабаева (заметим, что широко признанный знатоками тюркоязычной поэзии М. Жумабаев при жизни издался лишь однажды — в 1928 году, и до 1988 года его произведения не печатались), С. Мауленова, К. Мырзалиева, Султанмахмута Торайгырова, Нурлана Оразалина, Абдикарима Ахметова, Туманбая Молдагалиева, Толегена Айбергенова, Кайрата Жумагалиева, Калижана Бекхожина.

Уже одно перечисление этих литературных имён заслуживает признания за великий самоотверженный труд Валерия Антонова. Не могу отказать себе в удовольствии (и в полном праве) привести цитату из книги казахстанского народного писателя И. П. Щеголихина, имевшего мировую известность и переведшего на русский язык более 20 книг казахских писателей, который в своём документальном романе “Хочу вечности” приводит такой эпизод: “Я купил в компьютерной лавке компакт-диск CD-ROM и с огромной радостью нашёл в нём имена всех выдающихся писателей бывших союзных республик. Россия помнит! Россия считает их золотым фондом культуры. И спасёт”.

А почему “помнит” и почему “спасёт”? Потому что они переведены на русский язык. А “помнит” — всё талантливое. А “спасёт” — от забвения.

Потому и мечтал И. Щеголихин: “Когда-нибудь найдётся отважный казах и скажет: спасибо вам, братья, ваш язык помог нам”.

Отношение к переводу у В. А. было не просто ответственным, а трепетным. Вот его мысли о переводах поэзии Махамбета Утемисова: “Если бы мы, по современным меркам, попробовали представить себе “тираж” его обнародованных в столетиях устных произведений, то нам пришлось бы подсчитать, сколько вплоть до наших дней на бескрайней казахской земле за два столетия рождалось, жило и умирало людей, с детских лет повторявших гневные, полные надежды и горечи стихи Махамбета Утемисова о борьбе и свободе. Задача из разряда почти невыполнимых: перед нами творчество сугубо национального поэта, чья речевая стихия, склад ума и миропонимание порой коренным образом отличаются от представлений русского человека о благозвучии стихотворной речи, о красоте как таковой, о духовных приоритетах и ценностях и т. д. Перед нами не просто творчество, а творение духа народного, воплотившееся в одном человеке. Нет нужды говорить, что явление Махамбета — национальная гордость казахов. Вполне объяснимо поэтому стремление русских людей с их, выражаясь словами Достоевского, всемирной отзывчивостью проникнуть в тайну феноменального явления, разделить с близким по характеру народом то духовное наслаждение, которое испытывает он от чтения незабываемых строк поэта-бунтаря. Но сделать это можно только через перевод на русский язык его стихотворений. Вряд ли первые переводчики стихов Махамбета вдавались в такие тонкости”.

И далее В. Антонов пишет: “А чего стоят комментарии Кайрата Едилья к стихам Махамбета! Через них я, может быть, впервые понял, кто такой и что за величина в казахской культуре Махамбет Утемисов. Понял и благословил судьбу за то, что она уберегла меня в своё время от соблазна заняться переводом всего его творчества. Без достаточных знаний, вслепую братья за такой труд — преступно.

В молодости мне случилось соприкоснуться с поэзией Махамбета. Меня попросили перевести через подстрочники два его коротких стихотворения. Я обратился к оригиналу, стал приставать с расспросами к друзьям-казахам и после долгого изучения вызубрил наизусть оба стихотворения на казахском. Потом записал их перевод, сложившийся у меня в уме. Но, кажется, эпохе самоутверждения на переводах непереводаемых стихов Махамбета, своеобразного спортивного азарта чаще всего посредственных русских стихотворцев, тщащихся блеснуть своим мастерством — гляньте-де: никто не может, а я вот могу! — приходит конец. Казахи, похоже, сами взялись за дело, и наступило время, когда стихи Махамбета будут переводиться не через подстрочник, а прямо с текста, людьми, прекрасно знающими как язык оригинала, так и русский. Таковую уверенность вселил в меня учёный-лингвист Кайрат Едиль, о переводах которого сейчас хорошо и много пишут в печати. Недавно я прочёл большую рукопись, целую книгу его версии стихов Махамбета на русском языке. Сколько ума! Сколько увлечённости и добросовестности в подходе к делу!” (Цитата из статьи В. Антонова “Разящее слово поэта”, 2003 г.).

Эта большая цитата — ключ, пожалуй, не только к оценке В. Антонова как переводчика, но и всей его личности. Личности светлой, благородной и бескорыстной.

В 1978 году в издательстве “Жазушы” вышел сборник стихов В. Антонова на казахском языке в переводе казахских поэтов. Это ли не благодарное признание художественных заслуг поэта!

В. Антонов в совершенстве владел французским языком, и если казахских поэтов он переводил с подстрочника, то французских — с оригинальных

текстов. Так появились переводы на русский язык Поля Верлена, Шарля Бодлера, Артюра Рембо, Пьера Беранже. Поражаешься трудоспособности В. Антонова. Переводы — это отдельная, труднейшая работа, где нужны самоотдача, полное вложение себя — как и в написание собственных стихов. И знание особенностей менталитета казахов, их души, стремлений, их народной эстетики... А В. А. ещё проводил выездные творческие семинары в областях Казахстана. Но главное, конечно, — это его работа в редакции “Простора” с авторами, где был важен не только его собственный поэтический талант и вкус, не только блестящая эрудиция и знание мировой поэзии, не только непрерывный процесс прочтения новых поэтических сборников и отслеживание литературных явлений, но и личные человеческие качества: неравнодушие, заинтересованность, деликатность, умение вглядываться в творческий облик тех авторов, что приносили и присылали ему свои творения. И щедрая трата времени на чужие поэтические тексты.

Это именно он первым опубликовал в “Просторе” стихотворный цикл В. Михайлова “Антиох Кантемир” (стихи произвели фурор, ходили по рукам, обсуждались в писательском баре “Кулагер”, в них были узнаваемые черты эпохи застоя, и их публикация несомненно была поступком в то время, время неприятия инакомыслия); это он пестовал талант юного тогда, в начале 70-х, Б. Канапьянова; это он одним из первых распознал большого поэта в ярком, талантливейшем молодом Олжасе Сулейменове.

И в течение долгих 40 лет бессленной работы в качестве редактора отдела поэзии “Простора” В. А. добросовестно, бережно, но и требовательно и объективно относился к тем, кто с волнением переступал порог редакции, чтобы услышать вердикт *самого Антонова*. Какие требования к авторам были у В. А. как поэта и редактора? Безусловно — наличие таланта. Безусловно — наличие слуха к слову. Литературная грамотность. И ещё он любил повторять, что “стихи не должны быть “умейными” (то есть идущими только от ума. — **С. Н.**), ибо ум наш лукав, “построит” чего хочешь. А он не любил в поэзии “конструкции нагие”, в которых душа — не главное. И сразу отвергал такие стихи. Р. В. Петров, много лет возглавлявший журнал “Простор”, так вспоминает о В. А. Антонове: “В знании мировой, русской и казахской поэзии В. Антонов превосходил очень и очень многих, в том числе и меня. У него были обширные знания. А когда к нему приходили авторы, главным критерием для него было — есть ли у поэта собственная *искорка*, *собственный* взгляд и подход, а не наработки чтением других авторов. Есть ли *своё* — это главное. И тогда ему не жаль было тратить на такого человека время”.

Готовя этот материал, столкнулась с удивительным в наше время фактом: ни у кого из тех писателей и поэтов, с кем дружил, кому дал путёвку в литературную жизнь В. Антонов, кому он писал предисловия к книгам, отзывы и рекомендации в Союз писателей Казахстана, кого буквально нянчил и пестовал, нет его фотографий! Понятно, что это прежде всего — лишнее свидетельство о необыкновенной скромности его как большого поэта и чуткого редактора. Но благодарные ученики и друзья где?! Неужели для них не важно, не значимо было сохранить его фотографию на память?.. Устыдилась, написав это: я ведь и сама не фотографировала его, ибо казалось, что успеется, что он будет всегда...

О его личной жизни мало кто знал. Как настоящий мужчина и человек, не делающий из себя и своей семьи разменной монеты, он оберегал свой очаг, свою любимую жену и детей от несправедливой и суетливой молвы. Достойное качество.

“Простору” недавно исполнилось 75 лет. Валерий Антонов проработал в журнале 40 лет. Вполне правомерно и уместно говорить о слитности двух судеб — судьбы журнала и судьбы человека — в их тесной связи. Было бы недопустимо недооценить вклад поэта и профессионального редактора стихов Валерия Антонова в жизнь, авторитетность и ценность известного далеко за пределами Казахстана русского литературного журнала.

Каким же он был в оценке современников?

Вот что пишет о нём прозаик, поэт, философ, переводчик **Берик Джиблибаев** в своей статье “Кому быть живым и хвалимым”: “... поэты есть. Но не ищите их там, куда поэзия никогда не заглядывает. Не обманывайтесь многотысячным стечением народа, пышными юбилеями, застольями, портретами и широкой рекламой, презентациями и торжествами. Не обманывайтесь титулами “народный поэт”, “лауреат”, “призёр конкурса”, “участник фестиваля” и тому подобной бутафорией. Тихие воды — самые глубокие, а самый незаметный на людском торжище — поэт.

Один из таких поэтов пришёл к своему семидесятилетию. Тихо, без юбилейной суеты и трескотни, почитаемый истинными ценителями поэзии, высокими инстанциями не замеченный и наградами не отмеченный. А за плечами у этого скромного служителя муз огромная жизнь, заполненная неустанными поисками, тысячи бессонных ночей, проведённых над опытами по алхимии слова. Скромным молодым человеком он переступил порог редакции литературного журнала и оставил её умудрённым, искущённым в тайнах поэтического ремесла старцем. Он не получил ни одного взыскания или замечания. Безупречно изо дня в день “нёс служебную нуду”, не жалуясь на усталость, рутину, текучку. Работа была самая не престижная, неблагодарная, отнимала массу времени, терзала, изводила. Это была не работа, а каторга. Иногда приходилось, стиснув зубы, держаться на одних нервах. Не подавать вида, что устал, что уже не вмоготу. Окружающие не всегда понимали его состояние, легкомысленно судачили о нём, кое-кто сочувствовал, жалел, а большинство считали его чудаком, неудачником. Но в оценках окружающих всегда присутствовало самое главное, самое ценное — никто не сомневался в его кристальной честности, беззаветной преданности поэзии, высочайшей взыскательности к своим и чужим стихам. Он был “бедный рыцарь” поэзии, готовый отдать жизнь, но не отступить, не изменить раз и навсегда выбранному идеалу.

Работа литературного консультанта, заведующего отделом поэзии в переводе на простой язык есть рабство. Люди, сидящие на таких должностях, — литературные негры. Молодые журналисты приходят, перебиваются, отсиживают какой-то срок и уходят. Очень редки случаи, когда на такой работе остаются надолго. И совсем уж мало случаев, когда на этой работе “пашет” талантливый поэт, звезда первой величины. Трудно такое представить в наше насквозь прагматичное время. А ещё труднее понять, что движет такими энтузиастами. А дело совсем простое — эти добровольные негры до слёз влюблены в поэзию, они прикованы крепчайшими цепями к волшебному источнику Иппокрены, они приобщают жаждущих к несказанной красоте и непостижимому таинству поэтического слова. Для них общение с начинающими поэтами — не служебная обязанность, а личный долг. Как они радуются, обнаружив у новичка искру таланта, вкус к образному задушевному слову! Как они сражаются против дилетантства, эстетства, поверхностного, куцего понимания поэзии! И высшей наградой им будет новое слово, сказанное их подопечными. Когда я думаю о таких

людях, а конкретно — о человеке, которому посвящены эти строки, то постоянно память подсказывает мне яркий образ, полный жизни и красоты:

*Стоит наливная антоновка,
Плодами склонясь до земли,
А около тоненько-тоненько
Шумят золотые шмели...*

Герой моего рассказа полностью сливается с этим образом. Он плодотворно работает в поэзии, у него много сборников стихотворений, известных широким кругам читателей. И вместе с тем он окружён молодыми, начинающими стихотворцами. Он счастлив в этом окружении. Ведь смысл человеческой жизни в том и заключается, чтобы отдать миру самое лучшее, что у тебя есть. Не накопительство, не скопидомство, не приобретательство возвышает человека. Человек становится человеком благодаря потребности в творчестве и бескорыстному стремлению отдать свои сокровища другим людям. Мой герой щедро раздавал свои сокровища — знания, опыт, наблюдения, своё время, энергию. И сегодня много-много учеников, прошедших его школу, стали известными поэтами, талантливыми творцами, самостоятельными, оригинальными и неповторимыми личностями. Вот такая “антоновка” и такие “золотые шмели”!

И вот сегодня замечательный поэт, мужественный и скромный человек живёт в небольшом алтайском городке... Не знаю, увижу ли я его в ближайшее время. Образ яблони-антоновки дополняется в моём воображении другим образом. У Врубеля есть картина, на которой изображён густой лес, а среди этой чащи — сказочное мифологическое существо: хозяин леса Пан. А глаза у этого Пана такие яркие, по-детски доверчивые, проникают так глубоко в ваше сердце, что забыть этот взгляд невозможно. И мне кажется иногда, что этот чудесный Пан срисован с Валерия Александровича Антонова, олицетворяющего собой всё лучшее, что есть в русском народе... В русском лесу”. (*Журнал “Простор” № 12 — 2008*).

Как точно и ёмко сказано!

А это воспоминания о первом знакомстве с В. А. Антоновым известного поэта **Б. Канапьянова**: “Свыше тридцати лет прошло с тех пор, как я в сентябре 1971 года впервые принёс свои стихи Валерию Антонову, заведующему отделом поэзии журнала “Простор”.

— Вы от кого? — спросил он, закуривая сигарету, и взглянул на меня.

— Я не от кого, просто с улицы.

Возможно, это его в какой-то мере подкупило. Он улыбнулся, вернул мою подборку и сказал:

— Публиковаться вам ещё рано, но обязательно приходите с новыми стихами.

Так завязалась наша дружба на многие-многие годы. Поэт высокой культуры, мастер и виртуоз сонета, искусный переводчик с французского и казахского языков, Валерий Антонов был и остаётся для нас всех, его учеников и товарищей, вечным заведомом поэзии, вечным “дежурным по поэзии” в Алма-Ате. Всё проходит: споры, политика, сиюминутность того или иного явления, даже сами поэты уходят, а стихи остаются”.

Встреча с В. А. Антоновым во многом определила и творческую судьбу алмаатинца **Геннадия Банникова**, ныне члена Союза писателей России, лауреата 1-й Есенинской премии 2010 года: “Жизнь в своём обычном течении спокойна и даже бывает скучна. Однако иногда она дарит нам радостные встречи и впечатления, за которые мы с новой силой и любим её.

Таким радостным, а в моём случае ещё и очень важным событием, стала для меня в своё время встреча с Валерием Антоновым. Так уж получилось, что мой путь в Поэзию начался в непростые годы горбачёвской перестройки, когда все мы вынуждены были больше заботиться о хлебе насущном, а не о “бесполезных” стишках. Но как-то так случилось, что именно в эти трудные годы я всерьёз начал писать. Работал я тогда в Африке, и приступы жесточайшей ностальгии удавалось немного ослабить только лихорадочным писанием стихов на самые порой неожиданные темы. Режим труда и отдыха в моей геофизической компании позволял мне при этом периодически навещать наш любимый город Алма-Ату, где я не упускал случая поучаствовать в песенных и поэтических мероприятиях. Иногда это были концерты “Тоники” — нашего бардовского клуба, иногда поэтические вечера, душой и организатором которых была Светлана Назарова, известный поэт и журналист. Однажды она посоветовала мне отнести свои стихи в наш литературный журнал “Простор”, где отделом поэзии заведовал Валерий Антонов. Я и предположить не мог, насколько знакомой станет для меня эта грядущая встреча.

Итак, я собрал свои тогдашние стихотворные опыты в папочку и пошёл в редакцию “Простора”. Собственно, первая встреча была очень короткой — я просто отдал папку Антонову, который в тот момент был очень занят. Он положил папку в стол и назначил мне встречу через пару дней для более обстоятельной беседы. Но уже тогда мне бросилось в глаза, что Антонов удивительным образом похож на моего дядюшку Николая Васильевича, известного литературоведа, критика, переводчика с английского, замредактора альманаха “Литературная Россия” и автора первой поэтической антологии “Три века русской поэзии”. Сходство это проявлялось сразу во многих ипостасях — общая ментальность, культура, манера разговаривать, уважительность, *осветлённость* этого человека. Это было очень приятно для меня лично. Я во всём этом увидел, если хотите, столичный, московский лоск. И это при том, что, пожалуй, основные черты Валерия Антонова — какие-то божественно светлые скромность и такт. О лоске я здесь упомянул, чтобы особо подчеркнуть его вовсе не провинциальный, а именно блестящий столичный культурный уровень. Мне кажется, все, кто его знает, прекрасно понимают, о чём здесь идёт речь — как в одном человеке может сочетаться одновременно и блеск, и скромность. Но в Антонове это было!

Потом у нас состоялось много встреч, которые, конечно же, носили не только литературный характер, и мне кажется, что именно после этих наших общих бесед Валерий Александрович проникся расположением (как мне кажется, на первых порах не вполне заслуженным) к моим стихам. Что касается самих стихов... О! сколько копий пришлось на первых порах сломать мне в борьбе за своё, может быть, не совсем правое, дело!.. Но Валерий Александрович был неумолим, его профессионализм не позволял идти ни на какие компромиссы с тщеславным автором. Помню: меня, плохо оперившегося пиита, это страшно ранило на первых порах, но удивительно тактично Антонов заставлял соглашаться с его доводами. И сегодня, спустя годы, я просто с восторгом вспоминаю наши встречи, такие необходимые мне в то время. Результатом нашего общения стали мои первые, ставшие, с лёгкой руки Валерия Александровича, довольно частыми публикации в периодике, за что я безумно ему благодарен.

Очень хорошо помню авторский вечер Валерия Антонова в 2000 году, который состоялся в алма-атинской школе-гимназии № 27. Седые курчавые

волосы нимбом окутывали голову поэта... Прекрасные стихи в его прочтении. Деликатная, предельно скромная речь, исполненная юмора; критичное отношение к собственному творчеству; любовь к людям, проявлявшая себя и в общении, и в ответах на записки; уважение, восторг и — я не ошибаюсь! — любовь всех окружающих — вот, на мой взгляд, основные впечатления от этого вечера-встречи. Да, собственно, то же можно сказать и в более широком смысле о Валерии Александровиче — поэте и человеке. Ей-богу, когда говорят “ангел во плоти”, — это и есть просто идеальная характеристика для Антонова.

Затем он перебрался на жительство в Новосибирскую область, в результате чего Алма-Ата практически потеряла возможность общаться со своим ангелом поэзии. К сожалению, ничто не может заменить личного общения с этим удивительным человеком. Самое печальное — наверняка для него самого этот отъезд из города, где он был так нужен, был вынужденным решением, поскольку лишил и его самого общения со своими литературными друзьями.

Услышав весть, что Валерия Александровича не стало, я не мог оставить горьких слёз... И не стыжусь этого. Замены таким людям просто не может быть — это наше культурное, нравственное наследие. Очень бы хотелось, чтобы в городе Алматы память о нём была сохранена. Сегодня это необходимо прежде всего живущим — нам так не хватает света и любви, которые нёс людям Валерий Александрович Антонов”.

А друзья не забывали поэта в его искитимском отшельничестве. Так случилось, что у Е. С. Адмаевой, одного из авторов “Простора”, каждый год выпадает поездка к родственникам в Новосибирскую область, и она стала “почтальоном” по доставке В.А. весточек от нас, новых книг алматинских поэтов и номеров “Простора”.

Евдокия Адмаева: “Печальная весть о кончине известного казахстанского поэта Валерия Антонова, пришедшая в самом начале этого года, разбудила во мне воспоминания от самой первой встречи с ним до последней... Вспомнились встречи с ним в “Просторе”, когда он поразила меня своей располагающей улыбкой синих глаз. И встречи на поэтических вечерах С. Назаровой и В. Гайченя, которые собирали видных и начинающих поэтов, писателей и критиков, журналистов и художников — всех тех, кто не равнодушен к художественному слову, и бардов, и талантливейших музыкантов. А залы были полны! Кто только не приходил: и студенты, и старшеклассники, и литературные деятели Казахстана, и простые алмаатинцы. Валерий Александрович посещал эти вечера вместе с женой Тамарой Владимировной с начала 1999 года, когда вечера проводились 8 раз в год.

На его авторском вечере мы ближе узнали его как человека, задавали свои вопросы и слышали его поэзию в авторском прочтении... Эта его седая шевелюра, открытый лоб и яркие голубые доверчивые глаза — всё необычайно притягивало. А уж когда он заговорил... Скромная оценка самого себя, не выпячивание своей значимости, своего мастерства, душевный и искренний разговор со слушателями — всё располагало к поэту. А особенно его стихи.

... А вот он — городок Искитим, мимо которого я ежегодно проезжала, стремясь к встрече со своими родными в городе Новосибирске. Остановка как остановка — таких много: Речкуновка, Сеятель, Матвеевка... Но с той поры, как я узнала, что туда переселился В. Антонов, она обрела, эта остановка, совсем иное значение!

И поезд-то там стоит всего 2 минуты, но каждый раз по пути “туда” и “обратно” я смотрю в окно вагона, чтобы не проглядеть этот перрон, этот довольно большой вокзал. Ведь я тоже сибирячка!.. Мы быстренько бросили клич среди близких ему алматинцев: “Ребята, ему там одиноко. Он вырван из почвы, когда в другую уже нельзя пересаживать”. И тут “сами собой” образовались какие-то передачи-подарки — скромные знаки внимания, свидетельства того, что мы его не забыли, любим и почитаем...

И вот я в поезде... И плывёт это тёмно-голубое небо, то почти синее, то с белыми облаками в виде барашков или длинных-предлинных перьев доисторических птиц. И когда ехала туда, была счастлива от ожидания встречи с родными в Новосибирске, а потом — от ожидания встречи с В. А. Антоновым.

Первая встреча с ним на сибирской земле состоялась в конце июня 2005 года. От дома моих родных в Первомайском районе Новосибирска к нему напрямую через Матвеевку по шоссе всего 45 минут езды на легковом авто.

Лето, солнце, тепло... Слева и справа от дороги — зелёные луга, поля, небольшие возвышенности. Кое-где — зреющие хлеба уже желтоватого цвета. Лёгкий ветерок в открытые окна машины, волнение от предвкушения встречи с известным поэтом. “Исторический момент” — так и напевалось в мысли. Неужели это я, Евдокия, еду к самому Антонову?..

И вот долгожданный Искитим. Прижимаю к себе сумку гостинцев от алмаатинцев. Надо же, какая рифма... Мы въезжаем в его город. Слева от дороги — большой дымящийся цементный завод, дымит себе в северную сторону, противоположную городу.

Вот и первые частные домики с огородами, палисадниками, с крашеными синими наличниками на окнах, с деревянными или металлическими петушками на крышах — всё как в деревнях. Встречные люди спешат по своим делам, по обочинам дороги бегают собаки, кошки устроились на заборах.

А мы едем и видим старые 4-5-этажные дома. Ищем улицу Пушкина.

Центр города. Улицы, проспекты, площади — всё по-сибирски просторное, широкое. Вот и 14-й дом, крайний подъезд. Навстречу мне — мальчик с огромным псом: “Вы к кому?”. Услышав ответ, на ходу крикнул: “А-а, так это мой дед!” — и сквозанул вниз по лестнице. Звоню. Дверь открыла Тамара Владимировна. Она, конечно же, не узнала меня — мало ли людей общалось с В. А.! Да и предупредить о визите из далёкой от них Алма-Аты не получилось. Из довольно большой прихожей дверь в комнату вправо, и вот он, Валерий Александрович, улыбается своими голубыми глазами. Стесняется, что не может встать с кровати: недавно повредил ногу, и теперь она загипсована. Тамара Владимировна засуетилась, освободила прикроватную тумбочку от лекарств, и я выложила на неё журналы, газеты, коньяк, колбасу, конфеты и другие подарки от его алма-атинских друзей Ростислава Викторовича Петрова, Светланы Николаевны Назаровой, Надежды Михайловны Черновой, Геннадия Алексеевича Банникова.

Глаза Валерия Александровича увлажнились, он был взволнован и не мог этого скрыть. Начались разговоры. Воспоминания, вопросы. С большой любовью он говорил об Алма-Ате, о своём “Просторе”, друзьях, спрашивал, какие новые имена появились в “Просторе”... А за окном его небольшой комнаты зеленел лес. Я спросила его о цементном заводе — не доставляет ли неприятностей. Ведь он недалеко от их с Тамарой

Владимировной дома. Оказалось, ветер всегда дует от города в сторону завода, и воздух в городе всегда чистый. Он сказал, что доволен своей жизнью — у него здесь две любимых дочери, внуки.

Время за разговорами прошло незаметно, я сфотографировала их с Тамарой Владимировной на память и уехала. На прощанье Антоновы приглашали меня побывать у них ещё, и желательно как-то предупредить о моём визите, чтобы они успели подготовиться.

... А во время новой встречи в июне 2008 года дверь мне открыл сам Валерий Александрович. Он неуловимо изменился в чём-то, глаза уже не полыхали тем радостным голубым огнём, который был в них во время первой встречи. “Тамары Владимировны уже нет”, — ответил он на мой немой вопрос. Вот как, значит... Прекрасной, милой, заботливой, очень скромной и беззаветно любящей его жены не стало...

Встреча была пропитана его печалью и тоской, он читал мне стихи о недавно почившей жене, и слёзы стояли в его глазах. Он изливал мне свою душу, освобождался от тяжёлых мыслей, насколько это вообще возможно... Все его разговоры и воспоминания во время этой встречи касались только Тамары Владимировны.

С тяжёлым сердцем я покидала Валерия Александровича...

В третий и последний раз я побывала у него в 2009 году. Он улыбался, но было видно, как он постарел, как старательно он прячет свою боль от утраты любимой Тамары Владимировны. Дима, внук его, подросток, стал кудрявым, строен и красив свежей юношеской красотой. Чтобы не мешать нам, он ушёл гулять со своим псом.

Опять я разложила на тумбочке алма-атинские дары — яблоки, коньяк, курагу и деликатесы, которые передали ему друзья. Он с интересом листал их недавно изданные книги, читал письма, написанные ему, просмотрел журналы. Мы помянули Тамару Владимировну и окунулись в воспоминания. Он рассказывал мне о молодых годах, когда охотился на лис и зайцев и рыбачил, когда ходил на глухаря во время токованья. Я тоже рассказывала ему об охоте и рыбалках моего старшего брата. Валерий Александрович слушал меня с интересом. Верил ли он мне — кто его знает. Синие глаза его хитро улыбались, но он продолжал расспрашивать меня о других интересных случаях.

Я противница охоты, но Валерий Александрович так увлёкся, так блестяще его глаза, что я просто радовалась тому, что он хотя бы на короткое время отвлечён от своих тяжёлых мыслей...

Потом он читал мне свои стихи. “Ночная гроза”, — объявил он, как будто обращаясь к большой аудитории:

*Ночное душное затишье
Прервал шального ветра шквал.
По небу кто-то, как по крыше,
Гремя железом, прошагал...*

И я увидела свою родную Абазу, тесовые своды над сараем, где обитали две наши коровы-симменталки, Пешка и Тучка, и себя с сестрёнкой на сухом сене под одеялом: мы слушаем стук первых звонких, больших, холодных (несмотря на лето) сибирских капель нарождающегося ливня...

А он снова и снова своими стихами возвращал меня на мою родину, в тополиные и берёзовые, кедровые и черёмуховые, пихтовые и рябиновые “кварталы”, где когда-то возникли и мои “золотые ворота”...

И голос его, такого небольшого ростом человека, звучал всё громче и звонче. Он ведёт меня по лабиринтам своих стихов всё дальше и глубже в

антоновскую поэзию. И вот уже в моих глазах зарождаются слезинки, как те капли дождя, и сначала я стараюсь их незаметно убирать, но они слишком быстрые. Он, разумеется, видит мои слёзы восторга, и читает с ещё большим воодушевлением.

И лишь сейчас, когда его не стало, я прочла в его сборнике: “Я в Сибири родился. И в Сибири умру”. Вот ведь провидец какой... Эти слова проникли в моё сердце глухим горем. Но сердце противится горю. Оно помнит каждое мгновение этих трёх неповторимых встреч. *“Золотые ворота, пропустите меня. Я и сам пройду, и детей проведу...”*. Проведу к этому дому № 14 по ул. Пушкина в маленькую комнатку со скромным убранством, где из мебели — только кровать, маленькая тумбочка, стул да книжный шкаф. А ещё в ней просторное окно, в которое смотрится зелёный таёжный лес...”.

... Стихи В. А. Антонова стоят у меня на ближней к письменному столу полке. Наряду с книгами других любимых поэтов. У любимых книг всегда не глянцевого вид: с ними и ночи коротаешь, и друзьям читаешь, и под настроение перечитываешь и переплакиваешь, и что-то выписываешь в качестве цитат в подтверждение своим мыслям... Я часто вспоминаю В. Антонова. И самую первую встречу в 1997 году. Стихи мои к тому времени уже много раз печатались в газетах, но это было “не то”: всё-таки стихи — не газетный жанр. А к Антонову не решалась пойти. Позже не раз жалея об этом, потому что мы с ним сразу же подружились, и стихи мои он стал читать при мне, не откладывая и не предлагая “зайти на днях”. Обменялись домашними телефонами (к слову, никогда не злоупотребляла этим оказанным мне доверием). Вспоминаю с благодарностью то время, когда, как магнитом, притягивала в “Простор” возможность пообщаться с прекрасно образованными, энциклопедически начитанными и всегда радужными Р. В. Петровым, В. А. Антоновым, Н. М. Черновой. Забежишь вроде бы “на минутку”, оказавшись по служебным делам неподалёку от Союза писателей — и обязательно останешься надолго: целомудренное чаепитие незаметно переходит в застолье, обрастает беседами о литературе, обсуждением последних публикаций в “Литературной газете”, толстых литературных журналах России, “Просторе”, чтением стихов... А уж накануне праздников сам Бог велел заскочить в “Простор”! По-моему, там дневала и ночевала наборщица Анна — труженица и патриотка “Простора”. На посиделках Р. Петров рассказывал интереснейшие факты из истории российской, советской и мировой дипломатии, о встречах с людьми, о которых я только в книгах читала. По ходу всплывали их забавные редакционные воспоминания, остроумные байки, связанные с периодом молодости “классических просторовцев”, розыгрыши, в которых все они, люди с замечательным чувством юмора, не упускали возможности поучаствовать. Со многими авторами “Простора” я познакомилась именно на этих незапланированных встречах...

Однажды, помню, был дождливый день уходящего лета... Августовский алма-атинский воздух пах ароматами каких-то семян, упавших с деревьев, размокших под дождём и излучающих романтическую тоску и нездешние воспоминания. Я шла по Аблай-хана после интервью. Герой его жил как раз в районе Старой площади. Продавали мороженое возле “Детского мира”. “Всё излечит, исцелит благородный мой пиит!” — когда-то в шутку писала я В. А. Антонову, и пошла “на исцеление”. Ёлки, уже три часа дня, думала я, в редакции уж точно никого! Но на всякий случай купила 4 порции мороженого — бутылка коньяка у меня уже была, а денег на закуску — увы. Захожу в редакцию, а там — он, Валерий Александрович

и наборщица Аннушка! Я прямо завизжала от радости. В. А., как всегда, поднялся мне навстречу. Он, наверное, всех авторов так встречал. Возле стола В. А. стоял молодой человек лет 30-ти. Или больше. Причёска модная, не то чтобы “ирокез”, но близко. Обтягивающие брючки, ножки-“макаронинки”, и в довершение — какой-то самодельный “эполет” громоздился на плече его джинсовой куртки. В. А. попросил меня подождать и полистать журналы, газеты... Я села за стол. До меня, естественно, доносился разговор В. А. с дарованием. Где-то я увлекалась газетной статьёй, где-то голос В. А. оттягивал моё внимание. И вдруг их голоса нарастают, и “ирокез” говорит: “А ваш Есенин о чём писал? Разве не об этом? Он был пьяница и развратник, а его печатали”. И тут раздался трубный голос В. А., исчерпавшего, видимо, все доводы: (*напористо*) “Дурачок ты (*и грустно и тихо*), ваше благородие!”. Это было так неожиданно и забавно, что я покатила со смеху. Конечно, подслушивать нехорошо — а куда денешься, если в одной небольшой комнатке?! Валерий Александрович оглянулся на меня, хохочущую, смутился, а “ирокез” уложил стопку своей “нетленки” в сумку, перекинул её через плечо, обдал меня презрением и вышел. Я достала из пакета мороженое, почти растаявшее, мы переложили его в стаканы и запивали им коньяк из других стаканов, которые принесла Анечка... В. А. говорил о поэте Николае Титове, о многом, интересном для меня. Тихо, но увлечённо. А я слушала.

Как редактор, Валерий Александрович не был “добреньким”, а дело его уж точно не было лёгким. Достаточно представить себе гору стихотворных рукописей (я её видела), которые в те годы приходили в “Простор”. Высокая стопка из них, лежащая на столе у В. А., была выше головы сидящего человека: это были прочтённые им рукописи... Талантливые стихи ставились в номер, а если они требовали небольшой доработки, если огрехи исчерпывались лишь несколькими неудачными словами или строчками, автор-алмаатинец приглашался в редакцию. С инородными тогда была переписка. В. А. не правил стихи, не советовал, не встретившись, не созвонившись с автором. В этом был высший пилотаж человечности и деликатности, ибо он учитывал ранимую душу автора. Приводя как образец чьи-то поэтические строки, он никогда не приводил в пример собственные стихи, хотя они вполне этого достойны.

И при такой самоотдаче семья Валерия Александровича материально жила очень скромно. Да нет, это “фигура речи” — скромно. Если честно, жила семья бедно...

У него не было оглушительной славы. Как и почти у любого настоящего поэта. Актёрство, поэ́рство при чтении стихов — это не про него, хотя читал он свои стихи мастерски. Но несомненный большой талант, высокое поэтическое мастерство, трепетная работа над словом создали ему стойкую, незыблемую популярность. Это неоспоримо.

Некоторые высказанные мысли Валерия Александровича Антонова:

“В русской поэзии могут оставаться немногие люди. Поэты могут быть известными при жизни, могут быть на виду, но в самой поэзии они отсутствуют”.

“Не обязательно в нас живут строки великих поэтов. Живут строки избранных поэтов”.

“Я хотел бы остаться у кого-то хотя бы одной строкой...”.

“То, что нельзя высказать, пусть остаётся недосказанным. Даже в поэзии”.

“Подвиг — это Януш Корчак, который отказался от предложенной ему жизни и спасения и пошёл с детьми в газовую камеру фашистского концлагеря, рассказывая им по дороге сказки”.

“Наши внуки — это медовый пластырь, как называет их моя Тамара Владимировна. Прижмёшь к груди — и счастлив...”.

“Все поэтические изыскания либо в форме, либо в каких-то новых поворотах, эпатажах — уже исчерпали себя: у них было много времени, чтобы мы могли прийти к такому выводу. А нужна только та поэзия, которую требует душа, не изменившая своим ценностям”. *(Приведено из сохранных архивных диктофонных записей автора публикации, осуществлённых 25.06.2000 г. — С. Н.)*.

Когда перечитываю его строки, каждый раз вижу его *всепонимающие* глаза василькового цвета. Из них глядел мудрый ребёнок, не отвыкший восторгаться, верить, радоваться. Он сумел это пронести через всю жизнь, хотя познал невероятные страдания, и физические в первую очередь. Инвалид с детства, небольшого роста, однако обладающий сочным, рокочущим голосом и крепкий, умеющий много мужской работы, в молодости он был ещё и заядлый рыбак, и грибник, и охотник. Рассказывал вкусно и подробно, как там, на алтайских просторах, среди лиственного и птичьего шума рыбачил, ходил в ночное, сено косил, любил долгие пешие походы по лесу... В его стихах отразился пристальный взгляд поэта, проникающий в сокровенное. Его высказанное слово вызрело, проросло в пейзаже других слов и рифм *своим* голосом, *собственным* миром, который он так ценил в других.

Среди любимых мною стихов в его сборниках — “Я вспоминал людей хороших”, “Василий”, “Первое апреля”, “Тля”, “Снег России”, “Вернуться бы в ясное детство”, “Нить Ариадны”. И, конечно, сонеты его, исполненные совершенства.

Его поэзию любили самые разные люди. Не знакомый с В. Антоновым, никогда не встречавшийся с ним, талантливый поэт и бард Андрей Курбатов (такой же, как и сам В. А. — не из суетящихся, не из помешанных на славе и не пытающихся её достичь ценою “увивания возле великих”, а вполне самодостаточный мудрый человек) написал в 70-х годах чудесную песню на его стихи, которые были сочинены Антоновым во время его перевода с французского на русский сказки Кристиана Пино “Таинственный Корнерусс”. Песня называется “Ослик”. Её давно знают поющие поэты России: всё настоящее просачивается лишь через божеские каналы, пиар здесь играет недолгую роль. А впервые встретились автор стихов с автором песни в 2000 году на творческом вечере Валерия Антонова. И на том же вечере прекрасный исполнитель Анатолий Дрыганов (ему нет аналогов в Казахстане. И внешность сценическая, а главное — голос, которому подвластно многое, и забрезжившая было слава в России, которой он пренебрёг ради любви к Казахстану) спел на прощанье пронзительную песню “В Аркашиной квартире...”. Ну какая умница, тонкач, как же он предвидел этот отъезд Антонова, о котором мы и не знали...

А ещё в 1999 году в газете “Караван” один человек опубликовал своё письмо, в котором рассказал, как, находясь в местах лишения свободы, отважился отправить тетрадку своих стихотворений Антонову, и тот опубликовал некоторые из его стихов. И это изменило жизнь казахского парня, который и не мечтал о каких бы то ни было публикациях... Сведения сохранены, был бы интерес к ним!

Из воспоминаний И. П. Щеголихина (тоже, к несчастью, ушедшего недавно из жизни) знаю, что “Валерка” — так называл его И. П., который проработал с ним в редакции около 20 лет, да и старше его на 5 лет — был “весёлый, заводной и очень принципиальный”. Если дело касалось отстаивания собственного мнения и правоты, В. А. Антонов был негибким. А ещё Иван Павлович рассказывал, что, начиная с 60-х, многие из писателей и поэтов увлекались шахматами, и каждый по-своему переживал проигрыш партии: Олжас Сулейменов, допустим, в волнении тушил окурки о письменный стол, а В. А. настолько входил в азарт, что мог схватить шахматную доску и обрушить её на голову партнёра. Однажды даже запустил в своего выигравшего соперника пузырь с чернилами, испортив тому белую сорочку и светлые брюки. И. Щеголихин, как позже я узнала, описал этот эпизод в своём романе “Выхожу один я на дорогу...”, как и некоторые другие забавные проделки с участием В. Антонова.

Когда В. Антонов уехал из Алма-Аты, я тосковала. Убеждала себя: ну ведь не без вести он пропал, а просто уехал к детям в Россию. И адрес его есть, и телефон... Переписывались по электронке... Конечно, воссоединение с семьёй — дело святое, тем более и возраст, и болезни В. А. и Т. В. диктовали решение быть поближе к родным. Но что значило это решение для В. А., которого в Алма-Ате знала вся культурная элита, не говоря уж о такой её части, как литераторы и почитатели его поэтического таланта!.. Ведь, заведя его идущим по проспекту Аблай-хана к зданию Союза писателей в редакцию “Простора”, люди переходили улицу, чтобы только пожать ему руку... Его авторитетное и всегда аргументированное мнение имело вес и значение. Получить одобрение Антонова — это было важно. Он был эпицентром поэзии, через его руки, под его честным и взыскующим взглядом проходили тысячи стихотворных опусов. Отбор был строгий, а аванс, выданный в виде журнальной публикации, обязывал трудиться, непрерывно учиться, сверяя себя с мастерами — и не меньше. И вот всё это — общение, непрерывная нужда в его мнении, оценке, и встречи, и привычная среда, и осознание собственной необходимости — вдруг отсеклось. И он стал никому не известным Антоновым в сибирском городке. Один на один с пришедшей к нему старостью, с неизбежными проблемами, которые она несёт. А больше всего это коснулось его после утраты Тамары Владимировны, музы всей его жизни, истинного, терпеливого друга. А затем — и утраты любимой младшей дочери... Вот уж поистине роковая “единица” в истории семьи: 1 июня 2008 года ушла из жизни Тамара Владимировна, 1 августа 2010 года — младшая дочь Елена, 1 января 2011 года — Валерий Александрович... Какая тонкая паутинка удерживала его жизнь? Как жила эта гордая, одинокая душа, распятая горем? Только творчеством — из последних сил. Только возможностью выплеснуть свою неподъёмную боль, которая прожгла его насквозь, в стихах.

Он передал мне свои стихи искитимского периода с просьбой не публиковать их при его жизни.

Сегодня он возвратился в Алма-Ату, к людям, которые его любили. Возвратился своими стихами. Время не стирает из памяти дружбу. Память выше известности.

г. Алматы.

Илья ШУХОВ

Жизнестойкое слово

Два десятка лет, после выхода в 1990 году в “Художественной литературе” двухтомника Ивана Петровича Шухова, книги его в Москве ни разу не издавались. И вдруг, неожиданно-негаданно, пришла из российской столицы добрая весть: издательство “Вече” решило выпустить отдельными томами романы “Горькая линия” и “Ненависть”. Нет, “добрая весть” — сказано бледно: вернее — весть окрыляющая — в 2011 году исполнится семьдесят лет со дня первого выхода там же, в Москве, обеих книг!

Факт говорит сам за себя: минуло почти три четверти прошлого века, десятилетие века нового, произошли “на нашей земле и вокруг” глобальные перемены, а книги выжили, не канули в пучину времён! И стало быть, по-прежнему нужны теперь уже и нынешнему — “постсоветскому” читателю. Причём оба романа пополнили собою авторитетную, выходящую на протяжении нескольких лет издательскую серию “Сибиряда”.

Интересно всё-таки — почему же неисчислимое множество литературных творений исчезает без следа зачастую ещё при жизни их создателей и только отдельные произведения остаются востребованными всё новыми и новыми поколениями читателей? Насчёт соотношения первой категории книг — обречённых на быстрое забвение, и второй — остающихся, условно говоря, в вечности, — есть такое суждение писателя, доктора экономических наук Александра Потёмкина. За девятнадцатый век, пишет он, ценностное духовное качество обрели книги около сорока авторов, в двадцатом веке — ничуть не больше. А какое невероятное количество печатных изданий было выпущено?! Десятки, а то и сотни тысяч имён вбрасывались на читательский рынок. Но в классической категории остались единицы. Сказано без всякой схоластики — предельно лаконично, просто и наглядно: на бездонную прорву словесной макулатуры всего навсего около сорока книжных шедевров!

Такова статистика. Но не менее интригующе и важно проследить: а есть ли некие критерии, по которым происходит отбор — отделение литературных зёрен от плевел? Этим вопросом занялся другой исследователь — Пётр Алешкин, опубликовавший в “Литературной России” статью “Какие книги выбирает время?”. Размышляя о классических произведениях мировой литературы, писатель отметил три основных критерия, которым они отвечают. Во-первых, в центре всех произведений, прошедших строгий суд времени, всегда судьба человека со своим своеобразным, присущим только ему живым характером. Во-вторых, во всех классических произведениях события не пересказываются, авторы не повествуют о жизни человека, а изображают её, изображают словом, образами. В-третьих, язык. Здесь автор статьи поясняет, почему только на третьем месте можно поставить формулу Сомерсета Моэма: классическое произведение должно быть написано просто, ясно и благозвучно. Можно назвать немало книг, которые написаны не благозвучно и не просто, но они стоят в первом ряду мировой классики. Например, романы Достоевского. Они стоят в первом ряду самых великих книг мировой литературы, потому что они полностью отвечают двум основным и нескольким второстепенным критериям.

К второстепенным, не главным автор статьи относит следующие качества художественных произведений. Первое — почти во всех великих книгах есть оригинальная идея, глубокая мысль, мощная сверхзадача. Почти, но не во всех. Можно назвать десятки умных книг с оригинальными идеями, глубокими мыслями, ярчайшей сверхзадачей, которые без шума и следа канули в Лету. Исчезли только потому, что не было в них судеб человеческих, живых характеров, художественных образов, изящного языка. В то же время можно назвать немало книг, отобранных временем, в которых трудно отыскать какую-либо свежую идею, хотя бы поверхностную мысль или маленькую сверхзадачу, зато есть мощные характеры и благозвучный язык. Второе — любовь. Не плотская любовь и даже пусть высокая, но любовь между мужчиной и женщиной (разве может быть роман без любовного сюжета?) — нет, имеется в виду любовь автора к своим героям, каковы бы они ни были, к изображаемым событиям, к родной земле. К написанным с любовью произведениям время относится с симпатией. Неважно, глубоко ли прячет свою любовь автор, или, наоборот, выставляет напоказ, — главное, чтобы в книге жила любовь, которая очищает душу читателя, пробуждает добрые чувства.

Третье — занимательность, сюжет. Захватывающий сюжет — не главное качество великого произведения. Хорошо, когда есть в книге захватывающий сюжет! Но разве не занимательно следить за судьбой живого человека, сопереживать ему, горевать вместе с ним в тяжкие минуты и радоваться в счастливые?

Когда все названные качества, и главные, и второстепенные, соединяются в одном романе, повести, рассказе, тогда получается идеальное литературное произведение, которое будет жить века и века.

Наблюдения показались глубокими и точными, и захотелось через их призму взглянуть на книги, написанные моим отцом, напомню, несколько десятилетий назад. Книги, которые — спасибо издательству “Вече” — можно с уверенностью отнести к категории произведений, выдержавших испытание временем.

Действительно, в романах “Горькая линия” и “Ненависть” соединены те самые, главные и второстепенные качества, какие, по классификации автора “ЛР”, присущи нестареющим творениям литературы. И, может быть, самое главное в них — вот именно любовь автора к своим героям, к изображаемым событиям, к родной земле. И, конечно, язык — по-шуховски образный, яркий, неповторимый. Достаточно прочесть всего лишь несколько фраз, чтобы почувствовать это. “Навеки полюбились нам и бескрайние ковыльные степи, и волнующе мягкий и нежный рисунок смутно синеющих вдали берёзовых колков, и обнажённые вершины придорожных курганов, и трубный клич поднявшихся на рассвете с воды лебедей, и ослепительно сияющие под полуденным солнцем посолоневшие от жары озёра. Всё это было, есть и будет бесконечно дорого, мило и близко нашему сердцу, горячо влюблённому в землю, вспоившую и вскормившую нас”.

Итак, существуют определённые закономерности, по которым время выбирает из неисчислимого количества книг — долговечные. Но, пока происходит естественный процесс такого отбора, чего только не понапишут о книгах и их авторах современники, какие только не выкинут критические коленца! Слава богу, что классики, чьим творениям суждено пережить земной срок своих создателей, всего этого не видят и не слышат!

Вот, думаю, что сказал бы отец, если бы мог, к примеру, прочесть статью “Свой среди своих или свой среди чужих?”, напечатанную в “Литературной газете” в августе 2005 года? Подзаголовок ещё длиннее: “Размышления о творчестве писателей не русских, но пишущих на русском языке, и русских писателях, создававших свои произведения вне своей исторической родины”. То, что пишут здесь трое учёных-литературоведов из Российского университета дружбы народов, ни в какие ворота не лезет! Так, Ивана Петровича Шухова они относят к тем писателям, кто “создавал свои произведения вне своей исторической родины”, к “живущим среди “чужой” культуры”. Как тут не воскликнуть: да бог с вами, окститесь! Ничего более нелепого подобной характеристики применительно к автору “Горькой линии” и “Пресновских страниц” нельзя и придумать! Что значит — вне своей исторической родины? Родина Ивана Шухова, появившегося на свет в 1906 году — древняя казачья станица Пресновская Петропавловского уезда Акмолинской губернии. Отец писателя Пётр Семёнович Шухов, глава большой крестьянской семьи, был потомственным сибирским казаком. Так что же, господа-учёные, выходит, по-вашему, сибирские казаки для России — “чужие”?

В годы Великой Отечественной войны сибиряки с Горькой линии бесстрашно сражались за Родину на Северо-Западном фронте — под Ленинградом, в Карелии, в Сталинграде, и их боевой дух поднимали “Письма сибирским казакам” — книжка очерков Ивана Шухова, которую писатель зимой 1943 года привозил на передний край битвы для воинов-земляков, и они передавали друг другу эту маленькую брошюру, только что отпечатанную в типографии северо-казахстанской областной газеты “Ленинское знамя”, и зачитывали её, что называется, до дыр.

Вот тебе и — “вне своей исторической родины”!

Впрочем, это ещё только цветочки — ягодки впереди. В самом деле, какое поразительное “открытие” делает учёная тройца: оказывается, Иван Шухов писал на... “богатом и чарующе образном (русском) языке”! Но к чему здесь это уточнение в скобках? А на каком же ещё языке, как не на русском, должен он был писать? И что это, простите, за схоластическая чушь — такой вот пассаж: “Если обратить внимание только на заглавия произведений этого писателя — “Трава в чистом поле”, “Колокол”, “Отмерцавшие марева” и другие, то мы уже наполнены внутренним осознанием особого содержания этих текстов и подходим к их чтению иным образом, нежели к текстам русских писателей о русской жизни”. Хоть убейте, не могу понять, каким это “иным” образом надо подходить к этим чудесным, глубоко лиричным, написанным в русле классической отечественной литературной традиции шуховским повестям и что “нерусского” послышалось учёным-схоластам в их таких простых, безыскусных, кристально чистых названиях?

Да, среди многочисленных персонажей полномасштабных, эпических шуховских произведений, наряду с образами сибирских казаков, немало людей разных национальностей — казахов, украинцев, немцев... Но разве это может служить поводом для искусственного обособления писателя от большой русской литературы, так сказать, своего рода маргинализации его? А такие попытки делаются, причём принимают порой прямо-таки гротескные формы. Свежий и весьма показательный пример — внушительного объёма, без малого восемьсот страниц, однотомник Ивана Шухова “Горькая линия”, выпущенный в 2009 году в Астане издательством “Аударма”. Красивая книга: тёмно-вишнёвый, с золотым тиснением переплёт,

иллюстрированная суперобложка, отличного качества бумага. Но не обошлось, увы, и без ложки дёгтя, да ещё какой! Бросается в глаза рубрика на титуле: “Библиотека казахской литературы”. Почему — казахской? А просто — так захотелось издателям, видимо, по логике: книга ведь вышла в столице Казахстана. Хотя любому здравомыслящему ясно: логика эта не выдерживает никакой критики. Но куда хуже этой неуместной — в данном конкретном случае — рубрикации самовольное вторжение в текст, что, как известно, является вопиющим нарушением авторского права.

Речь вот о чём. Роман “Горькая линия” открывает эпиграф: “Для обеспечения колонизации на Западно-Сибирской окраине русскому правительству в XVIII веке пришлось отгородиться от кочевников искусственно укреплёнными линиями. Одна из этих линий легла от Яика до Иртыша и была названа Горькой”.

Именно в такой редакции этот эпиграф даётся во всех без исключения предшествующих изданиях романа, выходивших ранее в российских и казахстанских издательствах. И вот — в Астане внесли новацию: заменили название реки Яик на — Жайык. И осуществили данную замену на протяжении всего романа, в котором Яик упоминается неоднократно. Таковы гримасы “суверенного” нынешнего казахстанского книгоиздания, свободного от соблюдения элементарных нравственных и юридических норм.

Любопытно, кстати, как бы обошлись теперешние астанинские издатели, скажем, с пушкинской “Историей Пугачёва”? Неужели переделали бы яицких казаков в “жайыкских”? Или переименовали бы начало первой главы на свой лад: “Жайык, по указу Екатерины II переименованный в Урал...”? Вряд ли — это было бы уже слишком! Однако по отношению к Ивану Шухову подобный произвол с какой-то стати сочли вполне допустимым. А ведь книга выпущена в серии казахстанской государственной программы “Культурное наследие”. Так будьте любезны обращаться с таким наследием бережно, как с непреходящей духовной, художественной ценностью, а не искажать это наследие в угоду сиюминутной политической конъюнктуре.

То же стремление обособить Ивана Шухова, искусственно сузить масштаб и значение его творчества и — более того — дать неверное представление о писателе наглядно отразилось в современном учебнике “Русская литература” для восьмых классов, утверждённом Министерством образования и науки Республики Казахстан. Один из разделов этого учебника, выпущенного в 2004-м году алматинским издательством “Мектеп”, озаглавлен “Русская литература Казахстана”. Занимает раздел всего лишь несколько страниц, на которых — что за странный отбор? — вниманию учеников почему-то предлагается отдельный параграф о женской поэзии, представленной именами двух, скажем прямо, весьма скромного дарования местных стихослагательниц, чьи обильно цитируемые строки трудно даже с большой натяжкой отнести к свежим и оригинальным.

И следом за этакой невнятицей идёт тема: “Иван Петрович Шухов”. Здесь — куца, но при том со многими фактическими неточностями биографическая справка о писателе и две его коротких новеллы. Но — суть не в краткости, а в самом выборе текстового материала. Совершенно невозможно понять, чем руководствовались авторы, выделив из обширного, многообразного шуховского творческого наследия именно эти новеллы из цикла об атамане Анненкове “Чёрный круг”, созданные совсем ещё молодым автором в начале его литературного пути. Они были впервые

опубликованы в 1931-1932 годах и лишь спустя полвека, после кончины писателя, включены в пятитомное собрание его сочинений. Естественно, что ранние произведения, в отличие от эпических полотен — романов и повестей, известны лишь узкому кругу исследователей литературы.

Кроме того, сам Иван Петрович писал, что новеллы — это “только чисто экспериментальные вещи творческо-лабораторного порядка. Они стоят как-то вне моего творческого плана, если не вне метода...”.

Так зачем же понадобилось предлагать школьникам материал, о котором сами-то авторы учебника не имеют чёткого представления? Разве не о том свидетельствует такой казус: в вопросах и заданиях к названным новеллам одна из них — “Рассказ о девичьих косах” — фигурирует как “Рассказ “Повесть о девичьих косах”! Такая вот абракадабра. Но главная беда в том, что эти не характерные для последующего, зрелого творчества опыты Шухова, созданные в пору поисков собственного стиля, сбивают неподготовленных к восприятию подобного текста школьников с толку и дают им превратное представление о писателе.

Иллюстрация к сказанному — полный негодования отклик одного из посетителей сайта в Интернете. Вот что он пишет: “Открываю учебник издательства “Мектеп” по русской литературе для восьмого класса. В разделе “Русская литература Казахстана” нахожу имя сибирского казака Ивана Петровича Шухова, автора романа “Горькая линия”, повествующего о жизни и быте сибирских казаков. Образцы его произведений в учебнике ничего кроме безгливости не вызывают.

Два рассказа — “Последняя песня” и “Рассказ о девичьих косах”.

Первый о “мерзком” казачьем атамане Анненкове, заставляющем казахского акына петь песню, прославляющую его казаков. На что мужественный акын ответил пением “Интернационала” и был зверски зарублен казаками.

Второй о “животноподобном” казачьем есауле Губе, надругавшемся над казахскими девушками тем, что приказал забавы ради всем срубить косы. Пойманный джигитами в том же ауле, он был повешен на аркане, сплетённом казахскими девушками из этих волос”.

И заканчивается отклик на отчаянной ноте: “И на этом воспитывают наших детей?! Я в шоке...”.

Да, злую шутку сыграли чиновники от образования! Неужели нельзя было вместо ранних опытов предложить учащимся образцы зрелой, трепетно-лиричной шуховской прозы, несущей в себе высокий нравственно-эстетический заряд? Достаточно взять любой подходящий фрагмент из повестей “Колокол”, “Трава в чистом поле”, “Отмерцавшие марева”, входящих в цикл “Пресновские страницы”. Неслучайно эти повести, удостоенные, кстати, Государственной премии Казахской ССР, были выпущены в 1990 году массовым тиражом авторитетнейшим московским издательством “Детская литература” в специальной серии для юношества — “Отрочество”, включавшей лучшие произведения отечественной словесности.

Но то, как карикатурно представлено творчество Шухова в упомянутом учебнике, — ещё одно свидетельство: чиновникам от образования — и не им одним! — неймётся принизить, исказить творчество большого русского писателя, которого — наряду с Михаилом Шолоховым — высоко ценил Алексей Максимович Горький. Брать нехарактерные для Шухова произведения, вызывающие негативную реакцию учащихся и родителей, да

— мало того — ставить писателя на одну доску с посредственностями под титлом “Русская литература Казахстана”, — всё это смахивает на плохо скрытую провокацию.

Теоретической платформой подобного непотребства послужила “Программа “Русская литература для школ с русским языком обучения”, десяток лет назад одобренная республиканским Министерством образования. И главным теоретиком и консультантом тут выступил доктор филологических наук, он же — несостоявшийся беллетрист, зато — идейный предводитель и кумир местной “русскоязычной” мелкотравчатой литературной тусовки. Вот уж кто, воспользовавшись царившей тогда общественной эйфорией и частичным затмением разума, постарался в спешке смешать по собственному вкусу зерно с половой, чтобы выдать чёрное за белое и — наоборот! Имени сего “специалиста” называть не стоит — его уже нет среди нас, — но дело его, материализованное в ущербном учебнике, как видим, живёт и продолжает приносить свои зловредные плоды...

На этом фоне переиздание фундаментальных, канонических романов писателя горьковской школы Ивана Петровича Шухова в знаменитой серии “Сибириада” — поистине символический факт, убедительное подтверждение их особой художественной ценности, неподверженности коррозии времени.

Вот — подлинная культура книгоиздания, достойная классического наследия! Какое бережное отношение к авторскому тексту! Ни малейшего отступления от оригинала. И автор в издательской аннотации представлен лаконично и точно — известный русский писатель. И Яик в книге, слава богу, остаётся по-прежнему — Яиком...

Бодался “Иван Денисович” с Иваном Петровичем

С огромным интересом, залпом прочёл книгу Владимира Бушина “Неизвестный Солженицын”. Повезло купить этот пятисотшестидесятистраничный том, вышедший обычным по нынешнему времени четырёхтысячным тиражом в серии “Политический бестселлер” (Москва, Эксмо, 2009). И поистине бестселлер: такого об авторе “Одного дня Ивана Денисовича” и “Архипелага ГУЛАГ” до сих пор читать не доводилось.

Правда, несколько лет назад прочёл небольшую книжку Владимира Войновича “Портрет на фоне мифа”, но она не произвела особого впечатления: основана не столько на фактах, сколько главным образом на эмоциях, а факты, известно, упрямая вещь — говорят сами за себя, и их не опровергнешь. Но дело не только в этом — чрезвычайно важна позиция автора. Пером Войновича, чувствуется, водила всё-таки больше личная обида. А Владимир Бушин — блистательный полемист и публицист, у которого, что вполне естественно, тоже есть и кое-какие свои счёты к герою, а вернее сказать, антигерою книги, которого он знал лично, — отстаивает прежде всего правду истории, честь русской классической литературы и на обширнейшем документальном материале показывает истинное лицо Нобелевского лауреата — оголтелого соискателя Геростратовой славы.

Было в нём что-то от оборотня. Недаром же, сказано в аннотации к книге, крупнейшие писатели, современники Солженицына, встретили его приход в литературу очень тепло, кое-кто даже восторженно. Но со временем

отношение к нему резко изменилось. Александр Твардовский, не жалевавший сил и стараний, чтобы напечатать в “Новом мире” никому не ведомого автора, потом в глаза говорил ему: “У вас нет ничего святого...”. Михаил Шолохов, прочитав первую повесть литературного новичка, попросил Твардовского от его имени при случае расцеловать автора, позднее писал о нём: “Какое-то болезненное бесстыдство”. То же самое можно сказать и об отношении к нему Леонида Леонова, Константина Симонова...

“Механику” этого оборотничества, предательства Солженицыным всего и вся раскрывает Бушин в своём обстоятельном, захватывающем повествовании.

Меня, помимо всего, по-особому взволновали в книге страницы, касающиеся темы — Солженицын и журнал “Простор”. Имеется в виду “Простор” шестидесятых-семидесятых годов, главным редактором которого был Иван Петрович Шухов. Слава журнала тогда была не меньшей, чем у “Нового мира”, редактируемого Александром Твардовским.

“Простор” той неповторимой шуховской поры Бушин упоминает вот в какой связи. Осенью 1966 года Солженицын окончил первую часть романа “Раковый корпус” и намеревался опубликовать в “Новом мире”. Одновременно отправил экземпляр рукописи в ленинградскую “Звезду”. “Параллельно” не обошёл он вниманием и казахстанский “Простор”.

В нашем семейном архиве есть два солженицынских письма отцу — первое рукописное, а второе — отпечатанное на машинке. На рукописном нет даты (конверт, к сожалению, не сохранился), но, судя по контексту, написано оно как раз той самой осенью шестьдесят шестого.

“Редакция журнала “Простор”

Главному редактору Шухову И. П.

Уважаемый Иван Петрович!

У меня возникла мысль предложить Вашей редакции посмотреть мою повесть “Раковый корпус” (I часть). Я понимаю, что она трудна для напечатания. Но здесь есть (особенно в гл. 20) тёплые слова о Казахстане, о казахах — м. б. именно поэтому она легче подошла бы “Простору”?

Экземпляров повести у меня мало, и я хотел бы сохранить этот в приличном состоянии. Поэтому, если повесть Вам не подойдёт — не возвращайте её по почте, а с оказией (у Вас, кажется, время от времени ездят сотрудники в Москву, либо через сотрудницу ЦГАЛИ Миральду Георгиевну Козлову, которая по моей просьбе зайдёт в Вашу редакцию в конце сентября) верните в Москву на пер. Чапаевский 8, кв. 54 Туркиным (это близ метро “Сокол”), т. Д-7-56-83.

А для письма мой адрес: г. Рязань, 12 проезд Яблочкова I, кв. II

Солженицын Александр Исаевич.

С искренним расположением”.

Следом шла короткая подпись, точь-в-точь такая, о которой упоминает на первых страницах своей книги Бушин, один из тогдашних адресатов будущего Нобелевского лауреата: “вся состоящая из острых углов и завитушек: А. Солж.”.

Заканчивалось то первое письмо постскриптумом из нескольких весьма показательных строк. Но об этом скажу позже.

А сейчас приведу выдержку из своего документального повествования “Ветер разлуки”.

“Хорошо помню: отец принёс тогда из редакции рукопись романа, присланную Солженицыным из Рязани, где он в ту пору жил, прочёл и по

обыкновенно поделился впечатлением с моей матерью, сказав, что вещь эта ему не понравилась. И вовсе не по идейным соображениям, а именно по причине невысоких литературных достоинств. Художественные критерии для отца были превыше всего”.

Интересно, что приведённая цитата попала в обзор, опубликованный в девятом номере журнала “Новый мир” за 1997 критиком Андреем Василевским, сделавшим к ней — цитате — приписку всего лишь из двух слов почему-то по-английски, которые переводятся: никаких комментариев.

Теперь, из нынешних дней, этот лаконизм понятен: тогда отзываться о творениях “Гения” и “Апостола” в непочтительном тоне считалось крайне некорректным и даже недопустимым.

Следующее письмо за той же краткой подписью было отпечатано на машинке на листе половинного формата.

“15.3.67.

Рязань

Уважаемый Иван Петрович!

Жена рассказала мне о Вашем телефонном разговоре с ней и о Вашем желании задержать у себя 1-ю часть “Ракового корпуса”. Однако я считаю, что в этом сейчас нет практического смысла. Давайте договоримся с Вами иначе: Вы сейчас вернёте мне рукопись по известному Вам московскому адресу (Москва, А-57, Чапаевский переулок 8, кв.54 Туркиной Веронике Валентиновне) — лучше не по почте, а с оказией, так будет экземпляр целей. Хотелось бы, чтоб на Чапаевском она была не позже первой половины апреля. Мне срочно нужен сам экземпляр, у меня их слишком мало. Если же в будущем году у Вас появится желание сделать попытку напечатания, то вы напишете мне об этом, и я снова передам Вам рукопись.

С уважением

Солженицын”.

А рядом с печатным текстом — то самое остроугольно-завитушечное факсимиле: А. Солж.

По заведённому “просторовскому” обычаю, рукопись прочли также члены редакционной коллегии. После этого автору было отправлено письмо с замечаниями и пожеланием доработать рукопись.

Ответ пришёл холодно-язвительный.

“Редакция журнала “Простор”

Отдел прозы

В течение трёх месяцев (сентябрь-ноябрь) я тщетно ждал отклика от вашего журнала на мою рукопись. С тех пор я уехал из дому. И теперь читаю Ваше письмо с опозданием на два месяца. Однако, мне известно, что И. П. Шухов, будучи в Москве, не звонил по предложенному мною телефону и стало быть, не пытался встретиться со мной. Таким образом, мнение Вашей редакции о “Раковом корпусе” мне осталось неизвестным. Ваше письмо содержит тоже слишком общие слова. Убрать ДЛИННОТЫ я не могу по той причине, что я их там не вижу, иначе убрал бы ещё до посылки рукописи в редакцию. “Довести до кондиции” также не могу, ибо не знаю уровня кондиции, принятой в Вашем журнале, а по мне “кондиция” удовлетворительна и такая.

Прошу Вас либо конкретно указать, что для Вас в рукописи неприемлемо, либо вернуть рукопись.

С уважением
Солженицын
6 февраля 1967”.

В итоге “желания сделать попытку напечатания” у редакции не появилось, и рукопись была возвращена.

Теперь самое время вернуться к первому солженицынскому письму отцу и привести упомянутую мной приписку: *“Большой неожиданностью было для меня (уже после выхода Ив. Денисовича) совпадение фамилии моего героя с Вашей. Простите! Но была неотвратимая потребность дать фамилию именно Шухов — и никакую другую!”*.

Не припомню, чтобы Иван Петрович говорил что-либо по этому поводу. Но сам факт такого — якобы “неожиданного” — совпадения неприятно задел его, и на почтовом конверте с отпечатанным на машинке обратным адресом: “г. Рязань, проезд Яблочкова, I, кв. II”, но без подписи отправителя, отец крупно вывел чёрными чернилами: Солженицын.

В конце восьмидесятых мне довелось прочитать изданную в 1975 году в Москве книгу жены “Апостола” Натальи Решетовской “В споре со временем”. После в своих “Годах без отца...” написал: “Там, на 155-й странице, я с удивлением прочёл следующее: “Солженицын отдавал себе ясный отчёт в том, что без понимания простого человека, особенно человека деревни, в России стать настоящим писателем невозможно.

Такова у нас литературная традиция ещё со времён Пушкина”.

И далее: “Хотя образ Ивана Денисовича — образ собирательный, от кого-то нужно было оттолкнуться! Для такого первоначального толчка и послужил Солженицыну уже немолодой повар его батареи — Иван Шухов. Он до какой-то степени увидел его, этого реального Ивана Шухова, в Экибастузском лагере”. Решетовская, выступающая своего рода доверенным лицом Солженицына, порою проговаривается, и так же, как в писаниях Нобелевского лауреата, многое в её книге даёт повод усомниться. Откуда, скажем, она могла узнать о том поваре — тёзке моего отца? Конечно же, от автора самого “Одного дня Ивана Денисовича”. Но ведь ему, всю жизнь следовавшему девизам: “Отмываться всегда труднее, чем плюнуть. Надо уметь быстро и в нужный момент плюнуть первым” — и: “Сам не видел, но, раз говорят, почему не поверить?” — ничего не стоило выдумать самооправдательную версию для прикрытия этой своей литературной мистификации. Всё загодя продумал — плюнул, напакостил, а потом: большая неожиданность! Простите!

Нечиста, значит, была совесть сочинителя (да и была ли она у него вообще?), коли пришлось просить прощения за этакую хитрую “подставу”! Да и то — потому лишь просил, что надеялся напечататься в шуховском “Просторе”. Но, “неожиданно” обнаружив совпадение, ни фамилии, ни хотя бы имени своего намозолившего всем глаза “Ивана Денисовича Шухова” так и не изменил. “Простите!” Но — дело-то сделано!.. Поистине — “болезненное бесстыдство”!

Могут сказать — а зачем это было нужно? А вот зачем. Вернёмся к словам жены “Гения”: он “отдавал себе ясный отчёт в том, что без понимания простого человека, особенно человека деревни, в России стать настоящим писателем невозможно”.

Вот именно — отдавал отчёт, всё точно рассчитывал, как математик (кем, кстати, и был по первой своей специальности). Ведь сам-то он,

выросший в тепличных условиях курортного Кисловодска, “простого человека”, а тем паче “человека деревни”, что называется, и в глаза не видал! Но шибко хотелось любой ценой выделиться, превзойти настоящих писателей, продолжателей той, идущей ещё с пушкинских времён, традиции русской литературы. Естественно, главной помехой в осуществлении своих непомерных честолюбивых амбиций, предметом едкой зависти и раздражения для будущего Нобелевского лауреата служили произведения современников, вошедшие, как принято говорить, в золотой фонд отечественной литературы. В них-то, своих соперников, и целил “гений первого плевка” (по убийственной характеристике В. Бушина).

Первой мишенью стал автор великого “Тихого Дона”. Пользуясь тем, что рукопись романа считалась тогда утерянной, Солженицын принял самое деятельное участие в одном бесчестном, провокационном “проекте” — выпуске книги “Стремя “Тихого Дона”, автор которой, скрывшийся под псевдонимом, тщился доказать, будто роман написан не Шолоховым, а неким посредственным литератором Фёдором Крюковым.

Как известно, позднее, уже после кончины Шолохова, рукопись была найдена, и солженицынская гнусная затея оболгать писателя с треском провалилась. Несмотря на это, злобствующий пасквильант до конца своих дней так и не покался...

Так вот — насчёт “большой неожиданности” и “неотвратимой потребности” дать своему вымышленному персонажу фамилию — Шухов. Кого Солженицын хотел обмануть? Есть все основания утверждать, что это вовсе не неожиданность, а заранее спланированный коварный ход, чтобы, так сказать, дулетом пальнуть и по автору “Тихого Дона”, и по его другу и литературному собрату Ивану Шухову. Ведь имя Ивана Петровича Шухова Солженицын знал ещё со школьных лет по урокам литературы, на которых изучались его романы о сибирском казачестве, да и позже, безусловно, не раз встречал, учась в Ростовском университете, а затем в ИФЛИИ. Знал, конечно, что оба писателя были дружны ещё с юности, публиковали свои первые произведения в конце двадцатых годов в журнале “Крестьянская молодёжь”.

В том самом 1975 году, когда вышла книга Н. Решетовской, Иван Петрович писал в статье “Обаяние личности” о том, что тесное общение с Шолоховым в самом начале его писательской биографии во многом помогло ему в литературном самоопределении. Опубликованные первые главы “Тихого Дона” послужили своеобразным импульсом к написанию “Горькой линии”, вышедшей в свет в 1931 году. Следующий роман “Ненависть” вышел в свет раньше “Поднятой целины”, но в нём по-своему преломились мысли, вызванные общением с Михаилом Александровичем. Оба шуховских романа, что хрестоматийно известно, высоко ценил Максим Горький, ставя их, вместе с книгами Шолохова, в ряд лучших произведений современной литературы.

В конце статьи “Обаяние личности” Иван Петрович сообщал: “Сейчас я работаю над книгой мемуаров. Хочу написать в ней о людях, встречи с которыми стали для меня не только запоминающимися и радостными, но служили творческим стимулом. И, конечно же, особо хочется рассказать о дружбе с Михаилом Александровичем Шолоховым, личность и творчество которого являются для меня предметом восхищения и гордости”.

Совсем иные эмоции вызывали личность и творчество великого мастера слова у Солженицына. И шуховские полнокровные, высокохудожественные

романы, отмеченные своеобразием авторского языка и стиля, также не давали завистнику покоя. Он, безусловно, читал их и, как литератор, не мог не увидеть авторского мастерства живописания словом, в котором сказался редкий шуховский природный талант, то самое “понимание простого человека”, характеров, жизни и быта сибирских казаков, из которых сам Иван Петрович был родом. Не мог Солженицын не ощутить особого, неповторимого “изгиба” шуховской фразы, её завораживающей поэтики и гармонии. И вряд ли, читая “Горькую линию”, мог не пожалеть втайне, что не ему достался божий дар написать такую, скажем, картину:

“Степь.

Родимые, не знавшие ни конца ни края просторы. Одинокое ветряки близ пыльных дорог. Неясный, грустно синеющий вдаль росчерк берёзовых перелесков. Горький запах обмытой предрассветным дождём земли. Трубный клич лебедей на рассвете и печальный крик затерявшегося в вечерней мгле чибиса. О, как далеко-далеко слышна там в предзакатный час заблудившаяся в ковыльных просторах проголосная девичья песня!”.

Или — описание в том же романе Невского проспекта, увиденного глазами прибывших с Горькой линии казаков: “А там, вдаль, в непостижимом хаосе проспекта, словно в великом степном просторе, овеянном вьюгой, беспрерывно вспыхивали голубые зарницы вольтовых дуг и совсем по-волчьи мерцали сквозь мглу зрачки трамвайных огней. Несмотря на расточительное изобилие света, Невский проспект тонул в тумане, теряясь в зеленовато-мутной болотной полумгле... Вертеп! Таково было первое впечатление Егора Павловича и Луки от огромного, точно объятого пожаром, овеянного арктической вьюгой города”.

И вообще, неповторимый, живой сибирский казачий говор шуховских героев с его “словечками вприкуску” — не чета солженицынской вымученной языковой невнятице со всякими искусственными полублатными “смефуёчками”.

А тому, что “Горькую линию” “Гений” действительно читал, есть и косвенное подтверждение: уж очень близко перекликается в его прожектёрском трактате “Как нам обустроить Россию” краткий экскурс в историю Казахстана со строками из рапорта персонажа шуховского романа — станичного атамана Муганцева полковнику Скуратову о киргизах, “совершающих в пустынных пространствах степей огромные орбиты своих кочёвок...”.

Но — о впечатлениях от романов Шухова Солженицын не обмолвился ни единым словом — такова уж была его скрытная, своекорыстная натура.

И мне близка и понятна реакция отца, не терпевшего неискренности и двуличия и потому не посчитавшего нужным отвечать на то письмо из Рязани.

Может, кто-то подумает, что на отклонении рукописи сказалось нечто субъективное. Нет, как главный редактор, отец, повторю, в оценке произведений исходил только из художественных критериев, а не из личных симпатий и антипатий.

И сейчас отрадно было мне встретить в книге Бушина строки о “Просторе” шуховской поры и убедиться в справедливости тогдашнего решения отклонить солженицынскую рукопись. Не помогла и лукавая приманка — насчёт “тёплых слов о Казахстане, о казаках”. Кстати, позже, вернувшись в Россию из Америки, “Гений” в упомянутом выше трактате сказал о

Казахстане и казахах такие “тёплые” слова, что они, казахи, до сих пор гневаются и слышать об “Апостоле” не могут!

В главе “Соловей и кукушка” “Неизвестного Солженицына” говорится, что первая часть “Ракового корпуса” (та самая, которую автор предлагал “Простору”) обсуждалась в ноябре 1966 года на заседании секции прозы Московской писательской организации и в редакции “Нового мира”. Все известные московские писатели и критики, среди них и Зоя Сергеевна Кедрина, активно сотрудничавшая в те годы с “Простором”, высказывались о сочинении резко критически. То же самое пришлось выслушать автору и в сентябре 1967 года на обсуждении в секретариате Союза писателей СССР. “Много длиннот, повторов, натуралистических сцен — всё это надо убрать...”. “Читал с большим неудовольствием...”. “Раковый корпус” — антигуманистическая вещь...”. “Просто тошнит, когда читаешь...”.

В другой главе своей книги Владимир Бушин, возвращаясь к истории публикации романа, полемизирует с доктором филологических наук Людмилой Сараскиной, выпустившей фундаментальный том о Солженицыне в серии ЖЗЛ. Сараскина пишет: “Простор” просил творчески пересмотреть “Раковый корпус”, убрать длинноту и довести повесть до кондиции. А. И. ответил, что убрать “длинноты” не может, т.к. их там нет, “довести до кондиции” не может, ибо не знает уровень кондиции журнала”. По поводу этих строк Бушин замечает: “Ответ наглый, ибо, во-первых, длиннот у А. С. почти всегда в избытке. Более многословного писателя мир не знал”.

Как известно, провокацию против автора “Тихого Дона”, к счастью, успели разоблачить ещё при жизни затеявшего её лжеца. А вот другой свой нечистый замысел он мог считать удавшимся: пресловутый ээк “Иван Денисович” пошёл гулять по страницам школьных и вузовских учебников. Правда, эффект от такого навязывания невелик: добровольно, а не по обязанности “Один день...”, слава богу, давно уже никто не читает. Тем более, что в “лагерной” теме есть куда более сильные вещи — Варлама Шаламова, Николая Раевского, Анны Никольской... Однако “Иваном Денисовичем” продолжают забивать головы студентов и школьников — взамен полнокровных художественных образов настоящих писателей, знатоков народной жизни, коим стать Солженицыну, может, и хотелось, но оказалось не суждено.

Таковы уж отголоски тлетворных веяний “антикультурной революции” девяностых годов. Хотя веяния — дело переменчивое. Даже сегодня, к исходу первого десятилетия нового века, не всё в духовной сфере уж так безнадежно. Московское издательство “Вече” в канун восьмидесятилетия со дня выхода в свет романов Ивана Петровича Шухова “Горькая линия” и “Ненависть” выпустило эти канонические, выдержавшие испытание временем произведения отдельными томами. Обе книги вошли в издательскую серию “Сибириада” — наряду с такими достойными, известными не одному поколению читателей произведениями, как “Угрюм-река” Вячеслава Шишкова, “Амур-батюшка” Николая Задорнова, “Дерсу Узала” Владимира Арсеньева...

И это — справедливо. Солнце русской классической литературы — и дореволюционного, и советского времени — ладонью не закроешь и солженицынским нечитаемым многотомьем не заслонишь!

г. Алматы.

Сто дорог Сапара Искакова

В столичном Музее современного искусства прошла фотовыставка “Мир глазами путешественника”. Её представил Сапар Искаков — личность неординарная и хорошо известная в Казахстане.

Он заслуженный строитель КазССР, кавалер орденов “Курмет” (Казахстан), “Держава” и “Рубиновый крест” (Россия), ордена имени королевы Виктории, меценат, активно занимающийся благотворительной деятельностью, меломан, авиатор-любитель. А ещё — профес-

сиональный путешественник, посетивший более ста стран мира на всех континентах. В “послужном списке” Сапара Искакова — покорение Южного и Северного полюсов. На полюсе в Антарктиде в 2007 году он установил национальный флаг РК.

О своих поездках Сапар Искаков рассказал в книгах путевых очерков “Очарованный странник” и “Восьмое чудо света, или Мир глазами туриста”. А третья книга “Путешествие вокруг света”, изданная общественным фондом “Парыз” в 2010 году, была представлена на вернисаже.

Путь в путешественники начинался для Сапара Искакова с туристических поездок в студенческие годы. С той поры он покорён архитектурой Петербурга, первозданностью Байкала, самобытностью Самарканда и Бухары.

Принцип “100 стран — 100 фотографий” в экспозиции соблюсти не удалось, ведь снимков в архиве С. Искакова несколько тысяч, и разве может одна фотография передать всю полноту впечатлений, например, от встреч с индейцами Амазонии или новозеландскими воинами маори? Поэтому правильным было решение представить серии работ — “В гостях у пауасов”, “Покорение Хан-Тенгри”, “Дыхание Земли” (о Южном полюсе), “Экспедиция к “вершине” планеты” (о Северном полюсе) и другие.

Сапара Искакова называют человеком, который видел всё — от Ниагарского водопада до Сахары, от Египта до Гренландии. А красотам родной земли в его новой книге посвящён отдельный раздел — “По следам номадов”, где рассказывается о Мангистау, Тамгалы, Боровом.

— Большая планета принадлежит всем, — убеждён Сапар Искаков. — Это наш общий дом, прекрасный и неповторимый, который мы должны сохранить для будущих поколений.

Наталья КУРПЯКОВА,
фото Игоря БУРГАНДИНОВА.

Дария ДЖУМАГЕЛЬДИНОВА

Асель-кисель

Мои родители решили не отдавать меня в детский сад и заниматься моей подготовкой в школу. Когда об этом узнала родственница-педагог, то возмутилась: “Прекратите сюсюкать с девочкой, перед школой отдайте её в детский садик! Вы не знаете методу обучения, в детском саду детей обучают по специальной программе. Она научится читать и считать, станет дисциплинированным и самостоятельным ребёнком! Подумайте о её будущем! Ваша дочка растёт эгоистом, лишена общения со сверстниками, не приживётся в коллективе, станет изгоем. Ребёнок должен уметь общаться, радоваться, огорчаться и даже конфликтовать. Этому научит детский коллектив, пусть в садике получит первые азы общения”. Родителей впечатлили её доводы, и они стали оформлять документы в детский сад. Отец терпеливо объяснял мне: чтобы стать взрослым, ребёнок должен пройти различные этапы жизни. Первый этап — детский садик, где я обрету самостоятельность, общаясь с детьми, и обучусь чтению. Второй этап — школа, где получу знания и аттестат, после поступлю в высшее учебное заведение, чтобы выбрать себе профессию. Я не желала ходить в детский сад, не хотела спозаранку просыпаться. Мама всё время советовалась с подругами, испуганно спрашивала: “Разве нормально — ребёнок не любит общаться с детьми, не хочет идти в школу”. Меня не могли уложить спать, прочитанные сказки вместо сна вызывали приток энергии, я задавала множество вопросов, чем злила маму. Отец сам вызывался укладывать меня, и у него получалось, на удивление мамы, я быстро засыпала. Она хвасталась перед подругами, умоляла папу поделиться секретом, как ему это удаётся? Отец с гордостью отвечал: если бы я не был экономистом, то обязательно стал бы педагогом, у меня талант.

“Первые два-три дня забирай из садика пораньше, не жалея, не обращай внимания на её слёзы. Если будет устраивать истерики, предупреди, что оставишь её на неделю”, — безжалостно советовали женщины. Однажды мама не выдержала: “Вы, педагоги, предлагаете мне деспотические методы, а со своими детьми вы поступали так же?”. Подруги оправдывались, что их дети ходят в школу, и они не помнят, были ли у них проблемы. Мои родители морально были готовы ко всему. Я слушала их разговоры и страшно испугалась, когда одна из них предложила меня наказывать, а то, мол, ребёнок совсем распоясался. Папа испуганно взял меня на руки и унёс, а маме посоветовал реже с ней общаться. Я представляла детский сад маленькой тюрьмой, где воспитатели — монстры, а дети — хулиганы и озорники. Я представляла себе угрюмое здание, куда от безысходности приводят детей родители, и не представляла, чему можно там научить ребёнка. В первый же день я была очарована ярким фасадом здания, напоминающего дворец и окружённого сказочными персонажами. Повсюду цвели кусты черёмухи и сирени, вся территория утопала в белых, как кружева, цветах. От них расплывался изумительный аромат, окна спален были открыты. Яркие клумбы цветов, площадки для детей с качелями и песочницами вызвали восторг, и я не заметила, как с удовольствием

осталась. В первый же день удивила сотрудников тем, что не заплакала, а к вечеру появилось напряжение, которое сняли добрые улыбки воспитателей и доброжелательность детей. Я боялась, что родители забудут про меня и не заберут домой. Когда отец услышал про мой страх, то рассмеялся и сказал: “Если бы ты знала, что значишь для меня! Ты самое дорогое в моей жизни. Я могу забыть про машину, но забыть про ребёнка — никогда”. Из родительских разговоров я знала, что в первый день дети испытывают страх, оставшись среди незнакомых людей. И готова была к худшему, поэтому легко адаптировалась.

Воспитатели были удивлены: обычно новички устраивают истерики, я же не показала виду и ждала с нетерпением, когда закончится мой первый “рабочий” день в садике. Не знаю, то ли у меня был особый характер, но родители со мной сильно не мучились. А может, любовь к ним была настолько сильной, что я старалась их не расстраивать. Подружки и друзья называли меня умненькой девочкой, а возможно, мне удачно подыгрывали, и я старалась своим детским умишком дойти до всего непонятного сама. Или уважительное отношение в семье ко мне, как к личности, сделали меня понятливым ребёнком, — со мной не было проблем. Втайне я завидовала другим детям, которые плачем, криком заставляли родных выполнить любое их желание. Мои родители гордились мной, и я вынуждена была создавать образ хорошей девочки. Я знала, что плохо воспитанные дети не вызывают восхищения у взрослых: плач и крики делают детей некрасивыми, слёзы портят глаза. С самого раннего детства я любила играть одна, у меня много было игрушек и хорошая фантазия. Я долгими часами не выходила из своей комнаты. А возможно, у нас была хорошая домашняя атмосфера, поэтому я любила семейный уют. Первый день пребывания в садике был оценён родителями на пятёрку, знакомые и родственники звонили и поздравляли, интересовались, как я привыкаю к детскому садику? Отец хвалился моими успехами, я чувствовала себя героиней и дала себе клятву: никогда не расстраивать родителей, быть гордостью семьи, но судьба злобно посмеялась надо мной и мамой — от нас ушёл отец, которого мы с мамой боготворили.

Тогда я не знала, что воспоминания помогут нам с мамой выжить, в худшие для нас дни мы вспоминали до мелочей нашу счастливую жизнь, а случившееся считали страшным сном или недоразумением. Все взрослые, — говорил отец, — обязаны работать, а малыши посещать детский садик. Для ребёнка детский сад — тоже работа. Я важно спрашивала его: а зарплату платить мне будут? Отец объяснял: “Когда пойдёшь в школу, станешь получать знания, чем больше получишь знаний, тем больше у тебя будет хороших отметок. Они важнее денег. Учиться намного сложнее, чем работать”. А почему в садике ни отметки не ставят, ни денег не платят? — не унималась я. “Потому, чтобы получать отметку-зарплату, надо сначала научиться буквам и цифрам, складывать из букв слова. А их очень тяжело складывать, надо долго учиться”. Я мечтала получать хорошие отметки, которые важнее денег. Родители интересовались каждым днём, проведённым в саду: чему научилась, с кем играла? Я с удовольствием читала им выученные стихи, пела песни, танцевала. До посещения садика я была стеснительной и необщительной среди незнакомых людей. Я не могла сначала привыкнуть к шуму в коллективе, закрывала уши и ни с кем не общалась, воспитатели тормозили, вовлекали в различные игры,

и это им удавалось, я научилась сидеть за одним столом и общаться. Отец восхищался: Аселя делает большие успехи в коллективе. Однажды, играя с куклами, я употребила ругательное слово, мама была в ужасе, отец предложил не обращать внимания, не возмущаться, что покорило маму, после она призналась: мудрые советы отца уберегли её от многих ошибок, которые совершают родители. Мой словарный запас иногда вызывал тревогу у родителей. Играя в своей комнате, я, подражая воспитательнице, кричала на кукол: “Что сидите как бараны, почему не рисуете? Идиоты, ваши родители приходят в садик и хвастаются вашими успехами, а вы ничего не умеете делать! Они хотят, чтобы на нищенскую зарплату мы из вас сделали вундеркиндов. Чего ревёшь? Иди в ванную и высморкайся, надоело ваши носы подтирать! Я тоже закончила институт, и вынуждена убирать за вами горшки, потому что никто не хочет работать няней!”. В нашей группе были две воспитательницы, у каждой был свой метод воспитания. Родителей возмущало: почему воспитательницы разговаривают с детьми на повышенных тонах? Почему оскорбляют и унижают детей? “Что сидите, как китайские болванчики! Я сказала вам, не шумите, а вы кричали, на ваш крик пришла заведующая. Если ещё раз кто-то из вас выглянет в двери, пеняйте на себя — до вечера простояте в туалете без сна и полдника”. Мои родители не стали устраивать разборок, они понимали, что в группе, где свыше двадцати детей и мизерная зарплата сотрудников, нет смысла возмущаться. Родители переговорили с воспитателями и попросили быть деликатнее с детьми. До сих пор убеждаюсь в мудрости родителей, в умении жить без конфликта.

Предательство отца

До сих пор я помню то злополучное утро: “Аселя, от нас ушёл папа”, — мама целовала меня и плакала. В тот день я не пошла в детский сад, а мама на работу. Я не успела отойти от сна, была напугана поведением мамы и боялась заплакать. Этот день остался в памяти самым длинным в моей жизни и запомнился навсегда. Приходили приятельницы мамы, шептались с ней и жаловались на свою женскую долю. Они спрашивали маму: знаю ли я об уходе, она пересказывала им, как перед уходом отец поцеловал меня и попросил прощения. “Я не разрешила будить Асель”, — призналась мама. Мамины подруги не могли понять, как Болат мог бросить любимую дочь, которую называл смыслом жизни и лучшим своим произведением. Особенно тяжёлыми были первые дни, когда мама отводила и приводила меня из садика. Она почти со мной не разговаривала, а только плакала. Домой мы добирались в переполненном автобусе, в квартире стояла пронзительная тишина и даже кот — любимец семьи, прятался в угол, как будто чувствовал себя тоже покинутым. Когда я входила в детскую, он заскакивал за мной и сидел рядом, не мигая, смотрел, выражая этим своё сожаление и жалость. Я обнимала кота, он преданно смотрел на меня, в глазах у него было недоумение: почему хозяин так поступил с нами.

Мама ходила по квартире, то и дело восклицая: за что? Я притворялась, что уснула, чтобы остаться одной, и заливалась слезами. Моими подружками были куклы и игрушки, лошадка покачивала головой, готовая в любую минуту унести меня в другую страну, где детей не бросают папы, а куклам я рассказывала, как скучаю и жду его. Они сидели и безмолвно слушали меня. Я чувствовала себя несчастной и ненужной. Мама жила,

как робот, механически выполняя свою работу и родительские обязанности. “У Асели исчезла с лица улыбка, потухли глаза”, — жаловалась мама своей тёте. Я ждала отца каждый день, каждый час, каждую минуту прислушивалась к телефонным звонкам, первое время бежала открывать дверь, чем злила маму. Я как могла скрывала от мамы свою боль, перестала общаться с подружками и неохотно отвечала на мамины вопросы. В голове вертелись слова: как мог папа бросить свою Асель? Мне тяжело было понять отцовский поступок. Оставшись одна, я мысленно разговаривала с папой, мне казалось, он слышит меня, часто снился, улыбчивый и родной, утром мне не хотелось просыпаться. Иногда я винила себя, мне казалось, что была плохой дочерью, непослушной девочкой, поэтому от нас ушёл папа. Когда мама услышала моё самобичевание, она стала целовать меня и просить прощения. “Я забыла о тебе, — плакала она, целуя мои руки, — прости, пожалуйста! Он твоего мизинца не стоит. Какая я дура, что забыла о тебе! Прости меня, доченька! Это я виновата! Неправильно начала свою жизнь!”. Тёплые воспоминания об отце преследовали меня постоянно, я вспоминала совместные прогулки, игры и заливалась слезами: неужели он мог это всё забыть, выбросить из жизни нас с мамой? Каждый прожитый день с отцом я перебирала как страницы любимой книги, которую смакуешь, перечитывая. Он был подружкой, сестрой, бабушкой, которой отродясь у меня не было, я завидовала подружкам, которых забирали бабушки и дедушки. Отец знал все мои тайны и никогда их не рассказывал маме. У нас с ним была хорошая дружба, которой мне долго будет не хватать. Много поучительного узнавала я от него. Когда впервые у меня начали шататься и выпадать молочные зубы, я испугалась. Однажды я не выдержала и расплакалась, он удивился, потому что я редко капризничала и никогда не плакала. Я призналась ему, что боюсь остаться без зубов и превратиться в старушечку. Он обнял меня, поцеловал и стал утешать, а потом стал корить себя и маму: “Какие плохие мы с тобой родители! Не замечали, как страдает ребёнок. Бедняжка Аселька переживала и не подавала виду, храбрилась, а я оказался глупцом. Хвастался перед друзьями храбростью дочери и ни разу не спросил: каково ребёнку переносить зубную боль, потерю зубов. Это мы, родители, должны были объяснить тебе, что такое происходит со всеми людьми в раннем возрасте, в том числе было у меня и у мамы”.

И объяснил: когда рождается ребёнок, в раннем возрасте у него начинают расти молочные зубы, они приносят ему неприятные ощущения и боль. Дети едят мягкую пищу, пьют молоко, едят каши, протёртые фрукты и овощи, пьют соки, и нет необходимости иметь другие зубы. С каждым днём ребёнок растёт, взрослеет, хрящи костенеют и превращаются в кости. Приходит пора расставаться с молочными зубами и переходить на другую пищу. Молочные зубы без корней — они легче расшатываются и выпадают, вместо них вырастают настоящие взрослые зубы. Ты должна радоваться, что выросла. Главное — не надо бояться этого, а принять как должное. Постарайся подружиться с новыми зубами, ждать появления нового зуба как праздник. Утром и перед сном ухаживать за ними, чистить, полоскать рот после еды. Зубы станут крепкими и не будут причинять тебе боль. Почему у некоторых детей болят зубы? Потому, что ребёнок неправильно питается, не ухаживает за ними, его не научили дружить и прислушиваться к зубам. Попробуй поговорить с ними, и ты узнаешь, как

живётся им у тебя во рту. Они расскажут тебе, что сладости, которые ты ешь, причиняют им боль, а чрезмерное употребление грозит лишением зубов. В эмали могут поселиться маленькие червячки, которые будут ими лакомиться. С хорошими зубами можно прожить сто лет, а если зубы больные, то человек тоже болен. — Папа вытер мои слёзы и сказал: — Будь умницей! Всё, что делается, — делается к лучшему.

С этого дня я стала разговаривать с каждым зубом, торопила: “Давай, дружок, расти быстрее, мне стыдно ходить беззубой и некрасивой”. Раньше я часами могла крутиться у зеркала, примеряя новое платье или какую-нибудь безделушку для косичек. Папа восклицал: “Вот что значит девочка! Как хочется ей быть красивой! Природа берёт своё!”. После я стала избегать зеркала, опасливо их обходила. Отец понял, что я комплексую из-за отсутствия зубов, и решил поддержать меня и успокоить: “Ты для нас всё равно красавица! Потерпи немного, скоро у тебя вырастут красивые зубы, как у артистов!”. А маме нравилось подтрунивать надо мной, она называла меня маленькой старушкой. Отец возмущался: “Ты первая должна была проявить женскую солидарность, Аселе нужна поддержка мамы. Она будущая женщина и очень переживает потерю зубов”. После развода с отцом мама призналась мне, что дразнила меня понарошку, чтобы позлить папу. Она радовалась, что он любит меня, защищает, и гордилась нашей дружбой. Ночью мне приснился сон, как будто кто-то плачет тонюсеньким голоском. Я спрашиваю: “Скажи мне, кто ты?”. А он отвечает: “Я твой зуб”. — “Почему ты плачешь?”. А он отвечает: “Ты сегодня съела много конфет”. Мне стало стыдно. Я спросила: “А чем я могу помочь тебе?”. Он ответил: “Ты должна пойти прополоскать рот, почистить зубы и дать мне обещание, что не будешь есть много сладостей”. — “Хорошо, — согласилась я. — А как я об этом узнаю?”. Зуб ответил: “Я буду издавать звук и-и”.

В детском саду постоянно справляют дни рождения детям. Родители приносят торты, конфеты, угощают детей. Только я съела кусок торта и одну конфетку, как услышала звук: “и”. У меня разболелся зуб. Я побежала, прополоскала рот и почистила зубы. Оставшиеся конфеты отдала подружкам. Маша спросила: “Почему ты не съела конфеты?”. Я объяснила, что у меня болит зуб. Подружка призналась: “У меня тоже болит зуб, но я не могу удержаться”. Я посоветовала ей поговорить с зубами, подружиться с ними. “И ты узнаешь, как им больно, когда ты ешь много конфет”. Маша спросила: “А кто тебя научил с ними разговаривать?”. Я ответила: “Папа”. “Какая ты счастливая! — воскликнула подружка. — Твой отец прав! Я тоже научусь дружить с зубами!”. Вечером я рассказала про наш разговор папе, а мама ответила: “Твой отец ещё сам не вышел из детского возраста!”. Мой папа был большой и давно вырос, но иногда он как мальчишка звонко смеялся и дурачился. Он любил подтрунивать над мамой. Однажды из её кошелька он вытащил деньги, показал мне и спрятал. Мы с ним наблюдали, как мама вытаскивала кошелёк, считала и растерянно ходила по квартире. Мне жаль стало маму, я попросила отца сознаться. Мама рассердилась, а папа смеялся: “Я думал, что ты не знаешь, сколько денег истратила”. Какое бы платье мама ни надела, папа говорил, что она в нём красавица. Я думаю, он не хитрил, а по-своему любил маму, и она казалась ему самой красивой. До роковой встречи...

Шемаханская царица

Я не могла уснуть, если мне не прочитают или не расскажут сказку. Знала наизусть много стихов и сказок. В выходные любила устраивать для родителей концерты, наряжалась, пела и танцевала, себя называла то королевой, то принцессой, то Шемаханской царицей. Однажды тётя мамы — учительница литературы — укорила родителей: “Разве вы не читали сказку Пушкина “О Золотом петушке?”. Зачем разрешаете дочери называть себя Шемаханскою царицей? Это образ отрицательный, она погубила царя и всех царевичей”. После её ухода мы с мамой перечитали сказку, и я поняла, что Шемаханская царица была злой тёткой.

Стыдно признаться, иногда мне нравилось болеть, я притворялась, капризничала, утверждала, что болит голова и тянула с выздоровлением, чтобы подольше понежиться в родительской любви. Папа считал, что правильно меня воспитывает. Он говорил: “Молодец, дочка! Твои подруги играют в манекенщиц, в артистов, а ты у нас птица высокого полёта! Каждая женщина хотя бы в детстве должна почувствовать себя царицей. А главная профессия для женщины — быть хорошей матерью”. А мама подчёркивала, что в казахских семьях к дочери относились как к временному гостю, который когда-нибудь покинет родительский дом. Поэтому казахи баловали дочерей, красиво одевали, кормили вкусной едой, считалось, как она жила в родительском доме, так будет жить и в новой семье. Мама была старшей дочерью в семье, её не баловали, а называли помощницей, она помогла родителям воспитать младшую сестру и брата. Она признавалась, как завидовала сестрёнке, которая, как я, устраивала праздники, наряжалась в принцесс, чего сама не могла позволить себе. Папа успокаивал её и говорил, мол, поэтому ты стала хорошей женой и отличной хозяйкой. “А твоя капризная младшая сестрёнка не может ни с одним мужем ужиться, потому что с детства была сильно избалована. Асель мы будем баловать, но в меру, — говорил он маме. — Признайся, тебе повезло в жизни, я сделал из тебя королеву!”. — “А кто я?” — задавала я каверзный вопрос. “А ты — главная королева в нашей семье”. — “Главной королевой должна быть мама”, — боясь обидеть маму, возражала я. “Ты наша принцесса”, — с любовью произносила мама.

“Как ты мог бросить своё королевство? — вопрошала мама. — Только с тобой мы чувствовали себя счастливыми”. Это сложно было понять и нашим друзьям, с которыми отец общался с института. Они не могли понять, как он забыл предательство любимой девушки. А после своего неудачного брака она вспомнила о нём, поманила его пальцем, и он побежал за ней. Значит, он не любил свою семью, притворялся. Зачем нам с мамой говорил, что мы у него самые лучшие и любимые? Мне не исполнилось пяти лет, я повзрослела, столкнувшись с предательством родного человека, заболела и прохворала до самой весны, за мной приглядывали мамины подруги, у неё не было родных кроме бабушки, а он жил в другом городе. У меня долго держалась высокая температура. Я бредила, мне казалось, что рядом папа, я открывала глаза, но его рядом не было, я вновь забывалась. А в это время он был в командировке за границей и не знал, что его любимая дочка умирает от болезни и тоски. Я долго поправлялась, мне жаль было маму, на которую свалилось столько несчастий. Знала, что документы на алименты мама не сдала в суд. Однажды я слышала, как подружки осуждали маму: “Чего ждёт, он не вернётся, не платит алименты, хоть бы пожалела ребёнка. Шолпан экономит на всём, чтобы вызвать у него восхищение. Лупая, мужики никогда не ценили благородство и ум женщины”.

Злая мачеха

Родители и их друзья были большими выдумщиками, на каждый Новый год они шили костюмы и удивлялись, почему им завидуют знакомые. Режиссёром был отец. К нему тянулись люди, он никого не оставлял без внимания. Может, оттого, что его было много, он заполнял собой любое пространство, и наша квартира иногда казалась такой маленькой. Он был мастером на все руки, а они у него были большие. Мама смеялась над ним: “У тебя ладони как лопаты”. Он отвечал: “Если бы ты видела, в каких условиях я жил, в семье я выполнял и женскую и мужскую работу”. У него рано умерла мама, и как в сказке, была мачеха, такая же злая и даже хуже. Иногда он рассказывал маме, как издевалась над ним мачеха: она покупала ему маленькую обувь, чтобы он мучился, и большие пиджаки, чтобы над ним смеялись дети. Я представляла папу маленьким мальчиком, над которым издевалась злая мачеха, и мне хотелось спросить у Бога: “Почему он делает детей сиротами? Почему забирает у них мам?”. Для ребёнка главного всего в этом мире мама! Мне становилось его жаль, я его целовала и успокаивала: “Мы не дадим тебя в обиду, у тебя есть я и мама!”. Если бы Бог сказал: ты согласишься умереть, чтобы твой папа вернулся к маме? Я бы ответила: “Я согласна, я хочу, чтобы они были вместе”. Бог не виноват, что он ушёл из семьи. Виновата тётенька, которую когда-то любил папа. Я подслушала разговор мамы и тёти Айши. Она сказала моей маме: “Я знала, что всё так кончится. Он никогда не любил тебя! Зачем ты согласилась выйти за него замуж? Лучше бы он умер, чем так опозорил тебя перед людьми. Все знали, что он не любит тебя!”.

Мама разозлилась: “Ты что говоришь? Я не желаю ему смерти! Как можно, прожив с ним счастливую жизнь, желать ему зла? Он никогда не говорил, что не любит меня, не подавал виду, может, жалел, но был настоящим мужчиной. Я не жалею, что пошла за него замуж, пусть он не любил меня, я его любила! Это для меня было главное, Болат не отвергал моей любви. Он никому не плакался и не говорил, что живёт с нелюбимой женщиной, я не чувствовала этого! Может, и правда не любил, а я любила его с пятого класса. Я не спрашивала его: любишь или нет? Позвал замуж, я как в омут кинулась с головой! Пусть короткой была наша совместная жизнь, но он был моим, он дал мне много, я знаю, что такое счастье!”.

Тётя Айша сказала: “Ты ведь знала, что брак с Ляззат планировался его отцом, она была родственницей мачехи, несмотря на нелюбовь к мачехе, он любил Ляззат. Она была самой красивой девочкой в школе, мальчишки толпами ходили за ней, а она дружила только с Болатом. И все были уверены, что дело идёт к свадьбе. Они с Ляззат поступили в алматинский институт, но за год до окончания учёбы она встретила другого и призналась Болату, что никогда не собиралась выходить за него замуж. Болат был в отчаянии, поэтому он и предложил тебе выйти за него замуж. С тех пор о Ляззат никто ничего не слышал и никто не знал о её дальнейшей судьбе”.

Я чуть не вмешалась, только мама не разрешает подслушивать взрослые разговоры. Я знаю, папа любил нас! Когда мы ездили к нашим родственникам в аул, он говорил нам: “Смотрите, девочки, какое здесь небо! Я был на выставке драгоценных камней, сапфиры — синие, как летнее небо, радуют глаз. А звёзды — какие крупные! Они горят как алмазы”. А потом предложил: “Девочки, хотите, я подарю вам звезду?”. Мы с мамой закричали

вместе: “Нет, не надо”. И рассмеялись, как будто папа собрался подняться на небо. После этого он подшучивал над нами: “Я предлагал вам звезду, вы сами отказались”. В тот момент я поверила, что он для нас с мамой может снять звезду. Я любила папины выходные, он гулял со мной в парке или катал на мотоцикле. Когда я болела, он играл со мной в куклы. Мы переодевали их, я — девочку, а папа — мальчика, у него хорошо получалось, как-то он признался, что завидовал девочкам, и ему хотелось поиграть в куклы.

Новое платье

Однажды я без разрешения взяла мамину ткань, нечаянно порезала её и испугалась. Папа сказал: “Не бойся, сейчас мы сошьём тебе платье”. Когда мама вернулась с работы, она подошла к скамеечке, где отец читал книгу, и спросила: “А где наша Асель? Среди детей я её не вижу. Ты что, потерял ребёнка?”. Он ответил, что никого не терял, а дочка играет в классики в зелёном платье. Мама сказала: “Ты даже не помнишь, в каком платье вывел её гулять? У неё никогда не было зелёного платья!”. А папа возразил: “Раньше не было, а сегодня оно появилось!”. Потом мама звонко смеялась, когда увидела меня в новом платье. И всё время над нами подшучивала: “Я даже вдвоём оставлять вас боюсь. Вернусь с работы, а вы вдруг постройте лачугу и туда переедете”. А платье она называла нашим совместным творчеством, оно было моим любимым, папа сшил его грубыми стежками, а подол получился неровным, но мне оно нравилось и я любила в нём гулять, а папа говорил: “Аселя, пошли гулять, козырни своим платьем!”. А мама ворчала: “Мало что ткань испортили, так ещё надеваешь его на смех людям!”. Платье потом мама выкинула, и теперь жалеет.

Отцы не разводятся с детьми

Когда папа жил с нами, по утрам он отвозил меня в садик на нашей машине и доставлял маму на работу. Он всегда что-то придумывал, даже кот кувыркался от радости. Он купил попугая и решил научить его разговаривать, однако попугай оказался ленивым и бесталанным. Каждый день папа подходил к клетке и репетировал, однажды попугай вылетел в окно, мама смеялась: “Попугаю ты надоел, он не из говорящих, поэтому сбежал”. Вечером попугай вернулся и сидел у окна, папа впустил его и пообещал, что больше не будет мучить птицу. Странно, но с этого дня попугай начал говорить. Знакомые объяснили, что подействовал стресс. Его первыми словами были: “Папа, Асель”. Мама смеялась: “Дождлся, папой признал”. Потом попугай стал говорить другие слова, в том числе мамино имя Шолпан. Отец был счастлив, приводил друзей и хвастался говорящей птицей.

Папа перестал звонить домой. Он, наверное, забыл, что мы ждём его. Непонятное слово “развод” всё чаще слышалось от подруг моей мамы. Развод это — когда взрослые не хотят жить вместе — пояснила мне одна из них. Я возразила, что мы с мамой всегда хотели жить с папой. “А он не хочет жить с твоей мамой, потому что всю жизнь любил Ляззат”, — сказала подруга и стала озирается. Она боялась, что мама услышит её. Тётя Майра стала оправдывать отца: “Отцы не разводятся с детьми! Он скоро позвонит и станет с тобой общаться. А Шолпан он никогда не любил”. — “Неправда, папа любил маму!” — закричала я. И впервые затопала ногами

на глазах у маминых подружек. У меня случилась истерика, и мне казалось, что я ненавижу отца. И впервые поняла: он не вернётся, напрасно я столько времени ждала его. Если бы отец любил нас, он бы не ушёл. Значит, всю жизнь притворялся, — сделала я вывод. И повзрослела раньше времени. Ночами я внезапно просыпалась и не могла уснуть. Однажды я тихонько встала и пошла играть с куклами. Утром мама нашла меня в детской в обнимку с куклами и котом. Может, моё поведение встряхнуло маму, она чувствовала, что ситуация выходит из-под её контроля. Однажды она сказала: “Так жить нельзя! Мы пойдём сегодня с тобой гулять”. Мы пошли в парк, и чем больше там находились, тем более унылым становился мой вид. Все аттракционы напоминали об отце, я захотела домой. Почти перестала разговаривать — стресс — сказали врачи. Мама призналась соседке: зачем так любить ребёнка, чтобы потом бросить как котёнка. Увидев брошенных котят и кошек, я останавливалась, разговаривала с ними. Однажды мама прислушалась: я признавалась им, что и меня бросил папа. Она была в ужасе: “Асель, что с тобой? Почему ты так говоришь? Подожди немного, отец любит тебя и скоро встретится с тобой. Тебя он никогда не разлюбит!”. — “А тебя почему разлюбил?”. — “Потому что жену можно разлюбить, а детей нет”. — “Если он тебя снова не полюбит, он мне не нужен”.

“Прошло полгода, как ушёл Болат, — говорила тётя моей маме. — Асель болела, а он ни разу не позвонил, не поинтересовался состоянием ребёнка. Не платит алименты. Неужели он так возненавидел тебя, что забыл про дочь?”. Я испуганно посмотрела на тётю. Мама схватила меня в объятия: “Зачем при ребёнке вы говорите такую чушь? Мы не знаем, может, есть причины, сообщить о себе он ничего не может, пожалейте ребёнка, он перенёс такой стресс”. — “Мама, не надо нам алиментов! — я ненавижу папу. Мы с тобой сами заработаем много денег!”. — “Плупышка, не верь её словам. Я знаю, он скучает по тебе, доченька... Тётя Айша, идите к себе домой, вы, наверное, устали, пожалуйста, не говорите такие слова при Аселе”, — обратилась мама к тёте.

Я не знаю, почему папа перестал нас любить. Мои родители учили меня всегда говорить правду, какой бы горькой она ни была. Если бы папа признался мне: “Аселя, я разлюбил вас с мамой. Не жди меня, я не вернусь в вашу квартиру”, — я поняла бы это. Может, я разлюбила бы его быстрее, как свою любимую собачку, которую родители уговорили подарить несмышлёному гостю.

Однажды к нам пришли гости, их малыш играл с моей плюшевой собачкой, а потом расплакался и сказал, что не уйдёт домой без моего Топика. Мои родители уговорили подарить собачку малышу, а она была моей любимой игрушкой! Я видела, как родители мальчика стыдили его, но он оказался таким непослушным, топал ногами, кричал и плакал. Мне жаль было расставаться с игрушкой, но я отдала её малышу со словами: “Это мой любимый пёсик, пусть он станет твоим другом! Не обижай его, корми, выводи на прогулку и люби, как я”. Родители этого мальчика были приятно удивлены и признались, что впервые встречают такого послушного ребёнка. А отец мальчика восклицал: “Какая у вас умная и воспитанная дочь, как вы её так воспитали?”. Папа посоветовал мальчику быть таким же послушным. Я спросила его, может ли этот мальчик исправиться? Папа ответил, может, он вырастет и поймёт, как некрасиво устраивать скандалы в чужих семьях. А возможно, родители возьмутся за его воспитание,

потому что по их вине он стал таким. Через год мы встретились с этой семьёй ещё раз в гостях. Я спросила мальчика, как моя собачка? Он ответил, что у него сто собачек, и он не помнит, какую я подарила ему. Когда папа услышал его слова, то сказал, что жаль его родителей — такие хорошие люди, а сын останется хамом на всю жизнь.

Недетские разговоры

“Иди, дочка, в садик, в коллективе быстрее забывается боль, никому ничего не рассказывай”, — уговаривала мама. Но дети откуда-то узнали, что от нас ушёл отец. Они окружили меня, предлагали игрушки, я заплакала. Мне было жаль себя, по взглядам воспитателей я поняла, что они знают больше, чем мы с мамой. Маша из нашей группы сказала, что все отцы — предатели. Её отец тоже ушёл к другой тётеньке. Я спросила её, а почему мужчины уходят из семьи? Она ответила: “Все родственники признают, что отцу хорошо жилось с моей мамой. Он бесился с жиру, а мне маму жаль, она хорошая, до сих пор любит папу. А он пьяница и хулиган, издевался над нами”. Я призналась, что мой папа никогда не был пьяницей и хулиганом, его тоже сильно любила мама, он всегда был добрым и весёлым. Маша сказала, если он был таким хорошим, не ушёл бы к чужой тётке. Хороший мужик живёт со своей семьёй. Значит, он такой же предатель, как все! Я сказала, что мой папа не предатель. Предатели те, кто предают Родину. А Маша ответила: для мужчины Родина — семья.

Салтанат предположила: “Скорее всего, эта тётенька красавица”. Я стала уверять, что папа считал маму красавицей! “А может, она постарела и разонравилась ему?” — спросила Зарина. “Мама моя молодая, некоторые обращаются к ней “девушка”. — “Значит, ушёл к богатой и старой”. Я чуть не умерла от злости, не такой у меня папа: “Не мог он жениться на старухе”. Тут Жанара решила вмешаться в наш разговор: “Некоторые мужики не любят работать и сидят на шее жён”. Я стала возражать Жанаре, мол, мой папа никогда не был лентяем. Он мастер был — золотые руки! Жанара вздохнула: “Если бы ушёл наш папа, мы бы радовались. Только он никому не нужен такой — пьяница и хулиган! Мама говорит, от него не избавиться: всю жизнь придётся мучиться”. А Маша сказала: “А вы выгоните его!”. — “От него не так-то просто избавиться! — призналась Жанара. — Когда он не увлекался пьянкой, он получил квартиру, а теперь кричит, что квартира моя — вон из моего дома!”. — “А вы разменяйте квартиру, — вмешалась я. — У нас соседи разводились, им разделили квартиру. Теперь там другие люди живут”. Маша вдруг злобно прошипела: “Значит, твоя мама плохая! От хорошей жены мужья не уходят!”. — “Вот и твоя плохая, если от вас тоже папа ушёл”, — возразила я. Маша кинулась на меня драться: “У меня хорошая мама! Я скрывала от всех, мой папа стал бомжевать”, — и заплакала. Мне стало её жаль, а воспитательница отругала нас. А когда уложила всех детей спать, я слышала, как она сказала нянечке: “Жаль, такие хорошие девочки. Но развод родителей изменил их, они стали злыми и раздражительными”.

Недетские игры

У нас в группе некоторые дети играли в пьяных отцов. Они пинали игрушки, обижали девочек и дрались с мальчишками. Воспитательницы запретили им играть в такие игры. Иногда в группу действительно приходят

пьяные родители, чтобы забрать своего ребёнка, но воспитательницы им не отдадут и сами отводят детей домой. А утром эти дети рассказывают, какой скандал устроил их папа. А некоторые жаловались, что соседи вызывали милицию. Воспитательницы жалели детей и старались перевести разговор. Амина Умурзаковна уговаривала: “Дети, нельзя раскрывать семейные тайны”. А Орал признался: “Я рассказываю вам для того, чтобы вы разрешили мне переночевать в садике”. Жанара тоже поделилась с воспитательницей, что её папа постоянно пьяный и гоняет их с мамой всю ночь. Я спросила, как можно гонять людей? Они что, мячи? Она ответила, когда их папа пьяный, он пинает маму, будто она мяч. Лицо у него становится злым, всё в квартире он швыряет, бьёт посуду и грозит убить маму. Боясь его, они иногда убегают из дома и просят переночевать к знакомым, а однажды они даже спали на улице, на скамейке. В прошлом году к ним приезжала в гости бабушка — папина мама, так он и её выгонял.

Когда я слышу про таких отцов, мне становится страшно. Мой папа не был таким, а всё равно бросил нас. Однажды мне приснился ужасный сон, будто папа стоит на мосту и толкает меня и маму в воду, а лицо у него свирепое, я стала кричать. Мама успокоила меня и пояснила, что отцы все хорошие. Только те, кто пьёт, издевается над семьёй — больные, их надо лечить, а наш отец был самый лучший. Я спросила, если он был лучшим, почему он бросил нас? Она ответила, потому что любит другую женщину. Я продолжала допытываться: а разве эта женщина лучше тебя? Она молодая и красивая? Или старая и богатая? Она удивилась: “Откуда ты узнаёшь такие вещи?”. Я сказала, что в садике, мне сказали об этом подружки. Мама ответила: “Для него, наверное, она и умнее, и красивее, и богаче. — И добавила: — Никто не сможет тебе на это ответить кроме твоего отца. Мне жаль, что он оказался трусом. Если бы сознался, что после встречи с Ляззат в нём вспыхнули чувства к ней, я поняла бы и сама отпустила его. А он долгое время не сознавался, что тайно встречается с ней. Я виновата, что не смогла заполнить его сердце”. Я осторожно поинтересовалась: “Как мы будем жить?”. — “Самое страшное осталось позади, были моменты, когда не хотелось жить, и ты стала смыслом моей жизни, — призналась она и обняла меня. — Ради тебя я должна жить!.. Если честно, подсознательно я ждала, что так будет, а после твоего рождения я забыла про Ляззат, я видела, что он тебя сильно любит, но оказалось не настолько, чтобы забыть первую любовь”. Впервые мама разговаривала со мной как со взрослой, я почувствовала, что я выросла и стала другой.

Счастливая женщина

“Только теперь я поняла, какой была счастливой женщиной! — с болью в голосе признаётся мама. — Каким коротким оказалось моё счастье!”. Соседи называли нашу семью счастливой и ставили в пример знакомым. Однажды к нам пришла соседка-журналист, чтобы познакомиться со счастливой парой. Только мама попросила не писать о нашей семье, она боялась сглаза плохих людей. У родителей было много друзей, они любили разыгрывать знакомых первого апреля — у нас собирались друзья и хвастались удачными розыгрышами, победителям дарили подарки в виде необычной игрушки. Летом они дружно уезжали за город, устраивали пикники и большой компанией проводили выходные дни на природе. Мужчины жарили шашлыки, женщины беседовали, а дети играли на

полянке. Когда шашлыки были готовы, угощали сначала детей, потом играли в волейбол, пели песни под гитару, гуляли до самой ночи, жгли костры. Мы тоже не хотели спать, любовались костром, из которого вылетали искры. Небо летом никогда не бывает чёрным, оно, скорее, как бархат, синее и необычное, жёлтые, красные искры взлетают высоко в небо, озаряя всю местность вокруг, очертанья деревьев вспыхивают изумрудными листьями. Таинственность пугала ночными шорохами, слышались вздохи, треск птичьих крыльев, воркование невидимых птах, и казалось, что вокруг нас шныряют неизвестные существа, которые хотят выжить нас из своего пространства. Как будто сговорившись, они старались напугать нас и вызывали в детях чувство тревоги и страха. С детства наслушавшись сказок, я боялась темноты, но песни взрослых под гитару и проникновенность, с какой они читали стихи, завораживали нас, да и страшно было заходить в палатку, которую каждый привёз с собой. Когда небо начало светлеть, кто-то предложил: давайте перепрыгивать через костёр! Говорят, надо загадать желание, и оно непременно исполнится. Мы, дети, тоже подражали взрослым.

Я не помню, какое загадала желание, скорее всего, что-то детское, сейчас жалею, надо было загадать, чтобы папа и мама никогда не расставались, может, тогда не пришла бы в нашу семью беда. Я помню силуэт той женщины, к которой ушёл отец. Она была пятном, которое всё увеличивалось и заняло всё пространство в моём сознании. Я представляла, как увижу его с новой женой, пройду мимо, не взглянув на него. Он станет кричать: “Асель, подойди ко мне, я так соскучился”. Я же отвечаю: “Я перестала скучать по тебе потому, что ты поступил как трус, не сознался мне, что разлюбил меня и маму”. Я хотела быстрее вырасти, стать умной-умной, чтобы про меня писали газеты и показывали все телевизионные каналы. На вопрос журналиста: “Вы дочь Болата Омаровича?” — я отвечаю: “Сожалею, что ношу его фамилию”. Во мне жила обида, я умирала от тоски, хотела услышать родной голос, вдыхать аромат его одеколона и видеть его улыбку и слышать его бархатный смех. Так о его смехе говорили подруги мамы.

Однажды во дворе я поссорилась с Кариной — она собралась вытереть руки о платье моей куклы. Я сказала ей, что руки надо мыть и назвала её неряхой. А она зло посмотрела на меня: “Вы с мамой брошенные, потому что вас бросил отец и женился на богатой невесте”. А потом и другие дети стали кричать мне: брошенная — и стали смеяться. Я прибежала домой и заплакала. Всю ночь я плохо спала. Во сне за мной бежали дети и кричали: брошенная!

“Мои девочки”

Перед тем как вернуться с работы, папа звонил, я брала трубку, он говорил: “Жди, доченька, скоро приеду”. Мама появлялась раньше отца, к его приходу был готов ужин. Меня и маму отец называл “мои девочки, мои куколочки”. Восьмого марта он приглашал нас с мамой в кафе или отправлял погулять, а когда мы возвращались, на столе стояли два букета цветов. Один для мамы, а другой для меня. Он говорил: “Асель, учись получать цветы! Я создам своей дочери такую жизнь, что она будет утопать в цветах, каждый день у неё будет праздник!”.

Я помню тот роковой день: мы троём пошли в ЦУМ, там у входа мои родители встретили свою однокурницу. Папа радостно с ней поздоровался,

а мама взяла меня за руку и пошла по отделам, всё время она оглядывалась, а папа стоял и не думал за нами идти. Мы ничего не купили, и мне не понравилось, что папа забыл про нас. Домой он пришёл ночью. Мама всё время плакала. Папа изменился, утром он уходил на работу и возвращался поздно. А потом пришёл, когда я спала, и сказал маме, что любит другую женщину. Мама стала с ним ссориться, он вызвал такси и уехал. Я не хочу плакать и расстраивать маму. Тётя Айша говорит, что у неё глаза на мокром месте. У нас в квартире всё время холодно, когда мама уходит по делам, я остаюсь одна, и мне становится страшно. Если бы папа знал, как я жду его звонка. Он обязательно позвонил бы. Нам звонят подруги и друзья папы, однажды мама сказала: “Не жди его звонка, мы ему не нужны”. Я раньше любила праздники. Мама вставала рано и жарила наши любимые с папой чебуреки. А потом будила: “Вставайте, зайцы! Кушать пора”. А папа шутил: “А где морковка — вкусная еда зайцев?”. Мама отвечала: “Я знаю, какую вы морковку любите!” — и торжественно ставила большую тарелку с горячими чебуреками.

Я так мечтаю, чтобы зазвонил звонок в квартире и я побежала бы открывать папе двери. А он бы пришёл и весело спросил: “Как там мои девочки?”. Тогда я прыгну к нему на руки, обниму его за шею и скажу: “Папка, я тебя никуда больше не отпущу!”. Мама тоже ждёт звонка, иногда она ругает меня: “Чего развеселилась, ничего не слышу!”. А я давно перестала веселиться, потому что жалею маму.

Жалость

Знакомые и мамины друзья приглашали нас к себе в гости, на праздники, сами приходили с подарками, приносили то куклу, то игрушку. Я отказывалась от подарков, мне неприятно было, что меня жалеют, ведь папа говорил, что жалость людей губит. Однажды я сказала им: “Не надо меня жалеть, я не хочу, чтобы вы говорили о моём отце, я ничего не хочу о нём слышать!”. С этого дня мама старалась при мне о нём не вспоминать, а в выходные старалась устроить какое-нибудь мероприятие, чтобы мы не оставались одни в доме. У моей мамы было много подруг, некоторые из них давно развелись. Они всегда приводили в пример своих бывших мужей, которые обижали их и детей. И всё равно сознавались: “Плохо женщине одной воспитывать ребёнка!”. Как раз в это время по телевизору показывали девочку, которую выкрал отец и не хотел отдавать матери. Женщины восхищались мужчиной и почему-то не жалели её маму. Им нравилось, что есть мужчины, которые хотят сами воспитывать детей и не отдавать их матери. Мама разозлилась и им сказала: “Вы что думаете, он ребёнка любит больше, чем мать? Нет. Он, подлый, таким образом хочет отомстить матери”.

Наконец приехал дедушка, и мама долго плакала у него на груди. Он сказал: “Плачь, дочка, только на груди отца ты можешь выплакаться. Я не допущу, чтобы ты винила себя и раскаивалась. Ты ни в чём не виновата! Разве судят любовь? Ты любила его с детства, почему не слушалась мать? Рядом было столько влюблённых в тебя парней. Ты оказалась однолюбом, как отец, вот прошло три года, как умерла твоя мама. Мне предлагали жениться на какой-нибудь женщине, а я не хочу, чтобы в доме была другая женщина. По-хорошему я должен переехать к тебе и пожить у тебя, но не люблю уезжать из той квартиры, где прошли лучшие годы с твоей

мамой. Держись, дочка, расти Аселью и знай, ты ничего в этой жизни не сделала плохого, чего бы могла стесняться. Ты показала пример высокой любви, Болату баловала, лелеяла, а он не понял. Что ж, сколько волка ни корми, он в лес смотрит. Тогда бросила его Ляззат, другого нашла, а потом пришла, поманила — и он как телёнок пошёл за ней. Жаль, что не смог он оценить тебя! Я прожил две твои жизни, плохо ему будет с этой женщиной. Верь моему слову, вернётся он к тебе! Только ты будешь решать: принять его или нет. В жизни человека бывают белые и чёрные полосы. Кончились твои беспечные дни, теперь придётся самой поднимать Асельку. Не обижай её! Не кори, как некоторые глупые женщины, не отыгрываясь на ребёнке. Покажи людям, что ты умная и порядочная. Сейчас подружки начнут заботиться о тебе, знакомить то с одним, то с другим. Будь умнее! Не кидайся от безысходности в объятия другого! Не каждая подруга пожалеет, некоторые захотят опозорить, чтобы выставить тебя на посмеище! А потом рассказывать про тебя гадости. Время другое, как будто рядом с людьми ходят шайтаны. Посмотри по телевизору, какие фильмы идут. Везде кровь и насилие. А сколько появилось жёлтой прессы. Я боюсь за будущее внуки. Я тоже ничего не могу сказать дурного про Болату, он смог устроить вашу жизнь так, что завидовали вам люди. Сейчас тебе, как никогда, нужен холодный ум, остуди свой гнев. Судьба у тебя такая! Когда-нибудь закончится твоя чёрная полоса. Потерпи, не слушай глупых подружек, ты сердцем решала, когда выходила замуж, а теперь решай головой! Мужчины ценят умных женщин, ты не останешься одна. Никого не слушай, живи своим умом, он пока тебя не подводил. Слишком комфортную жизнь Болат вам создал. Вон сейчас генеральным директором назначили, по телевизору часто выступает, а дочке позвонить не удосужится. Мама долго плакала, а дедушка её утешал: “Поплачь, горе вылей слезами, легче станет. Пусть это будут последние твои слёзы! Живи, как живут тысячи брошенных женщин, не бегай, не плачься, а стисни зубы и не показывай людям своего горя. Не ты первая, не ты последняя! Держись!”.

После отъезда дедушки мама перестала общаться с подругами. Она призналась тётке, что поняла, как надо ей жить. “Не буду никому ни жаловаться, ни показывать вида, как мне плохо. Ляззат не должна знать об этом, потому что я поняла: всё, что я говорю, доходит до неё, некоторые притворяются и радуются моему горю. Я не хочу, чтобы Ляззат смеялась надо мной и чувствовала своё превосходство”. Даже в садике воспитательницы стали восхищаться моей мамой: “Шолпан не подаёт вида, как ей плохо, всегда с иголки одета и ухожена”. Эта была мамина хоть маленькая, но победа.

Особенно я грустила зимой, столько на меня находило воспоминаний. Здесь и катание на лыжах всей семьёй, и спуск с горы на санках, и снег. Папа любил зиму, он говорил, что зимой чистый воздух и в холод лучше думается. А от снега мы были в восторге. Он казался чудом после грязи и мелкого осеннего дождя. Он был такой красивый, что вечером мы после ужина выходили на прогулку. Любовались ночным небом, откуда сыпался снег, от разноцветного уличного освещения он казался мелкими цветочками, которые падали на землю, придавая волшебство ночи.

Я вспоминаю дни, когда наша семья была счастливой. Помню, когда папа был в отпуске, он мог целыми днями заниматься мною. Он учил меня читать, писать буквы и задавать вопросы. Он хвастался маме, что сделает

из меня отличницу, я научилась читать, воспитательница хвалит меня и называет умницей, я умею считать и решать задачи. Мне нравится математика, она такая лёгкая. Папа вытаскивал из холодильника яблоки. И говорил, что сейчас мы займёмся математикой. Он заставлял меня считать, сколько яблок вытащил из холодильника, я весело кричала: три! Он вытаскивал ещё два, я кричала: пять! Он отдавал мне одно и спрашивал, сколько осталось, я кричала: четыре! Он говорил: “Молодец, дочка, тебе даже объяснять не надо”. Я просила: “Давай ещё задачи решать”, — и мы вытаскивали из холодильника морковь, свёклу и всё считали. Однажды мама пришла с работы и воскликнула: “Вот откуда у меня грязь на кухне! Вы вытаскиваете оттуда овощи и фрукты и плохо за собой убираете. Я застала вас на месте преступления!”. Я сказала: “Это я виновата, мне нравится математика, и я заставляю папу решать со мной задачи”. Мама подмигнула папе: “Хорошо, я устрою тебе экзамен!”. Она вытаскивала из холодильника яблоки, свёклу, подавала папе и мне, и я всё правильно считала. Она улыбнулась: “Какой ты молодец, так подготовил дочку к школе”. У неё были такие счастливые глаза. Когда мы идём по городу, у мамы спрашивают: “Это ваша сестрёнка?” — потому что мама такая юная, как девочка. А ещё она красивая — мужчины заглядываются на неё, а она любит только папу!

У мамы есть подружка, которой она призналась, что ей неинтересно жить. А та успокоила её: “Ты должна жить для Асель-кисель”. Она знала — так дразнил меня папа. Я хочу уснуть и не просыпаться, как в сказке “Про семь гномов”. Где королевич на коне ищет свою невесту, обращается к ветру, и он помогает ему найти её. Она лежит в хрустальном гробу, он целует её, и она оживает. Если бы заболеть и чтобы врачи сказали: “Срочно зовите отца девочки, пусть он поцелует дочку, и она оживёт!”.

Я думала, если папе сообщат, что я могу умереть, он обязательно сбежит от той тётки. Вскоре я по-настоящему заболела, мама звонила папе на работу, но он был в командировке, может, ему не передали, забыли сказать, что я болею. Мамина подруга заявила, что ему было бы выгодно, если бы Аселька умерла, тогда ему не надо будет платить алименты на моё содержание. Мама возмутилась: “Не поверю, что Болат может желать дочери смерти, он безумно её любил”. — “А теперь разлюбил, — сказала мамина подруга. — Мужики, если любят жену, любят ребёнка, а если кто разлюбил жену, то разлюбят и ребёнка. Для них ничего святого нет”. Тут я разозлилась: “Я вас ненавижу! Не дружи с ней, мама, она плохая тётя!”. По ночам мне часто снится папа, я кричу: “Мама, смотри, кто пришёл! Это наш папа!”. Я просыпаюсь, и мне хочется плакать.

Мы всё реже ходим в магазины, живём как мои куклы — молчим целый день. Мама читает книгу или смотрит до одурения телевизор. Мы с мамой ждём, что когда-нибудь папа откроет дверь своим ключом и скажет: “Как я соскучился, девочки!”. И тут я спохватываюсь — ведь папин ключ остался на письменном столе. Где ты, папа? Почему эта тётенька оказалась для тебя дороже, чем мы? Ты её тоже называешь, как маму, моя девочка? Если ты меня слышишь, пожалуйста, не говори ей наши слова. Пусть они остаются моими и мамиными, а ты умный, окончил институт, много читал книг, найдёшь другие слова для своей новой жены!

Асель-кисель

Мне вспоминается, как папа хитро спрашивал маму: “Расшифруй слово “семья”, получится семь и я. Ты должна родить пятерых детей — и нас двое. Я так мечтал о большой семье”. В садике мы иногда играем в семью. Убираем игрушки, наряжаем кукол, заплетаем им косы и понарошку варим кушать. Однажды Алмаз предложил мне поиграть в настоящую семью. Он сказал: “Ты будешь жена, а я муж”. Мы целый день дружно играли, отводили кукол-детей в садик, вместе готовили еду, а потом он вдруг схватил меня за волосы и стал бить, я разозлилась и дала ему сдачи. Он возмутился: “Женщина, ты почему поднимаешь на меня руку?” — и больно схватил меня за волосы и опрокинул, я упала, он стал пинать меня ногами. Я заплакала, воспитательница поставила его в угол. Пришла психолог и стала спрашивать Алмаза: “Почему ты дрался с девочкой? Разве родители не говорили тебе, что девочек нельзя обижать?”. Мальчик ответил, что никто не говорил ему, что девочек нельзя бить, а он не хотел бить Аселью, он играл в настоящую семью. Он сказал психологу: “Я предупредил её, что будем играть по-настоящему. А в настоящей семье родители дерутся, и мама никогда не лезет драться с папой. А Асель нарушила правило, и за это я побил её”. Когда я вернулась из садика, мама спросила меня: что случилось? Почему заплаканная? Когда я рассказала маме о том, что произошло, она попросила: “Больше не играй ни с кем в семью. Наш папа никогда не дрался и не обижал нас. Значит, у Алмаза больной папа — только слабые мужчины дерутся с женой”. На второй день Алмаз подошёл ко мне и извинился: “Когда я вырасту, я женюсь на тебе, Аселья, и никогда не буду драться!”. Он рассказал своей маме, за что наказала его воспитательница. Его мама сказала: “Мне стыдно, что у меня растёт такой сын! Воспитательница правильно тебя наказала. Я была уверена, что мой сын вырастет настоящим мужчиной и никогда не поднимет руку на жену. Девочек нельзя обижать, они слабее мальчиков”. Он хотел снова со мной играть, но я отказалась. В семью я играла с Арыстаном. Он сказал: “Асель-кисель, теперь я буду за тебя заступаться и в обиду не дам! Когда мы вырастем, я на тебе женюсь, и никогда обижать не буду. Папа в нашей семье не дерётся и не ругается”. Олег, Рустем и Хадиша предложили играть с ними: мы никогда не будем играть в плохую семью, потому что у нас в семье родители не ссорятся.

Постепенно мы с мамой привыкли к новой жизни, всюду она была со мной, стала водить меня на балет. И тут вдруг, как гром среди ясного неба, раздался телефонный звонок. Мама взяла трубку и словно окаменела. Отец старался говорить весело, спрашивал, как дела, а потом попросил дать трубку Асель-кисель. Он сказал мне, что соскучился и хочет взять на пикник. Я вернула маме трубку, заявив, что не хочу с ним разговаривать. Скажи ему: Асель умерла. Мама рассердилась: “Почему ты говоришь такие слова — он твой отец, выслушай его. — И приказным тоном заключила: — Завтра поедешь на пикник, там и поговоришь с ним”. Я ждала папу возле подъезда, он схватил меня и долго-долго держал в объятьях. Как будто хотел меня раздавить. Я чувствовала знакомый запах его одеколона, у меня даже закружилась голова, меня тянуло к нему, но обида, разочарование, полгода разлуки заставили меня отстраниться от него. Я как ватная послушно болталась у него в руках, не проявляя эмоций. Контролировала себя, чтобы не кинуться в его объятия. Он был потрясён: “Аселья, обними меня, дочка! Поцелуй непутёвого папу. Я люблю тебя!”. Он прижимал меня,

целовал руки, щёки, вдыхал мой запах, по его лицу текли слёзы. Соседи смотрели из окон, а он не мог остановиться: “Родная... Кровинushка моя!”. Соседка крикнула из окна: “Чего мучаешь ребёнка? Она так ждала тебя, а ты бросил её как котёнка. Не трогай, дай отойти! Ты ведь не совсем вернулся, не играй чувствами дочки! Она будет ждать тебя, ещё неизвестно, когда новая жена разрешит тебе с ней повидаться. Разочаровал ты нас, Болат! Мы восхищались твоей семьёй. А ты оказался трусом!”. По-красневший от этих слов папа попросил меня сесть в машину: “Аселя, прости меня!”. — “Я не верю, что ты соскучился. Я думала, что ты разлюбил меня, как маму”. Он стал оправдываться, что любит меня. Я сказала: “Если бы ты любил нас по-настоящему, то не бросил бы”. Отец признался: ему стыдно, что он так поступил с нами. Я продолжала: “Ты ведь мог позвонить и объяснить всё по телефону. Я даже разлюбить тебя хотела, как собачку”. Он спросил, какую собачку, а я напонила: ту, что подарила Айдару. Папа объяснил: “Отцы с детьми не разводятся. Дети, как пальцы, что растут на ладони, их нельзя отрезать — они на всю жизнь”. И добавил, что очень хотел меня увидеть. У меня вырвалось: “А теперь представь, как мне хотелось тебя увидеть!”. Он кивнул: “Представляю, прости меня, дочка. Когда-нибудь ты вырастешь, я объясню тебе. Мне плохо было без вас”. — “Тогда почему ты не вернулся? Мы с мамой ждали, думали, ты вернёшься”. Он вначале не спрашивал про маму, а потом выдохнул: “Мне так стыдно перед Шолпан, я оказался плохим мужем”. Я вскрикнула: “Нет, мама всем говорит, что ты лучший мужчина в жизни!”. Он сказал: “Аселя, твоя мама молодая, если она полюбит другого мужчину, не мешай ей, она очень хорошая мама и прекрасная женщина!”. Мне хотелось целый день сидеть в машине и разговаривать с папой, а он подъехал к какому-то дому, попросил подождать и оттуда вышел с другой тётенькой. Она поздоровалась со мной и улыбнулась. Я же не стала с ней здороваться. Папа попросил: “Аселя, поздоровайся с моей новой женой”. Я что-то буркнула и отвернулась. Она хотела со мной поговорить и обратилась к папе: “Как она похожа на Шолпан! Я помню её с детства, она была точно такой же немногословной, и даже косы у Асели, как у Шолпан”. Отцу не понравилось, что она не хочет признавать моего сходства с ним: “Асель — моя копия, только женский вариант. У меня сохранились мои детские фотоснимки, которые мачеха не успела порвать”. Ляззат, видимо, было неприятно это слышать: “Твоя мачеха — моя тётя — давно умерла, и я думаю, не к месту твои мрачные воспоминания. — Потом добавила: — Я рожу тебе сына — твою копию!”. Тут отец зло ответил: “При ребёнке могла бы это не говорить!”.

Ляззат сидела рядом с папой и всю дорогу разговаривала с ним. Моя же мама старалась в машине говорить мало, потому что боялась за папу и считала, что разговорами мешает водителю. Мама всю жизнь боялась за папу, а эта тётка так ему мешала, и я сказала ей, что нельзя с водителем разговаривать, он может сделать аварию. Папа подтвердил: “Аселя права, не отвлекай меня”. А мне сказал: “Скоро у тебя, Аселя, появится братик или сестрёнка”. Я возразила, что у меня не будет братика и сестрёнки, потому что мама не хочет выходить замуж и любит только одного мужчину — тебя.

Когда мы подъехали к нашему месту, там были папины друзья с жёнами и детьми. Они старались не смотреть на меня. Я решила не выходить из машины и закричала: “Я не хочу на пикник, я хочу домой!”. А папа стал меня уговаривать. Он спросил, почему я так громко плачу и позорю

его перед друзьями. Я сказала: потому, что место это наше! Мамы и нашей семьи. Тут подошла тётя Куляш, стала меня успокаивать и предложила всем уехать в другое место. А тётя Ляззат заявила: “Я отсюда никуда не уеду, может, твоя мама выкупила это место и у неё есть документы?”. Папа разозлился и ответил: “Моя жена ничего плохого мне не сделала, это мой ребёнок, и он прав!”. Женщины захлопали в ладоши, а мужчины потушили мангал и ждали, пока он остынет — все дружно решили переехать в другое место.

Все молчали, а тётя Ляззат спросила: “Чего сидите как на похоронах?”. Наши друзья не веселились, как раньше, им было стыдно. Они отворачивались, старались не встречаться со мной взглядом, и быстро разъехались. Я замечала, как папа влюблёнными глазами смотрит на меня, а тётя Ляззат смотрела на меня со злостью. Она выглядела как мачеха из сказки “Двенадцать лебедей”, ей тоже хотелось превратить меня в какую-нибудь птицу, чтобы я не встречалась с папой. Отец довёз меня до дома и поцеловал. Я сказала ему: “Не приезжай больше за мной! Ты предатель — ты разлюбил меня!”. Он покачал головой: “Я тебя люблю и всегда буду любить!”. А я ответила, что ненавижу его. Он хотел поцеловать меня, я закричала: “Не подходи ко мне!”. Тут вышла мама и забрала меня домой, а я вопила: “Пусть больше он не приезжает! У него скоро родится ребёнок, и я ему не нужна”. Вот так прошла моя встреча с отцом. Я долго ждала её, а она так плохо закончилась.

Семейные проблемы отца

Папа был теперь руководителем маргаринового завода, и мама получала на меня хорошие алименты. А тётя Ляззат родила ему сына. Подруги и знакомые рассказывали про тётю Ляззат разные сплетни. Якобы однажды она устроила папе скандал. Он предложил ей идти домой, маленький сын оставался с нянькой и его надо кормить. А новая жена сказала ему, что малышу хорошо с нянькой, а она хочет погулять, потанцевать. Тогда Болат разозлился и сказал: “Оставайся, я пойду к сыну”. Все гости слышали, как Ляззат ответила ему: “Чего дёргаешься, привык что Шолпан послушно исполняла твои прихоти, хвалишь её, может, ты жалеешь, что расстался с ней? А я не Шолпан, бояться мне нечего. Ты любишь меня, а не её, и я не собираюсь перед тобой, как она, бегать и унижаться. У нас с ней разные позиции, не я тебя люблю, а ты меня любишь! Шолпан не отходила от дочки, хотела тебя привязать, боялась, что ты её бросишь”. Папа сказал: “Я никогда не унижал Шолпан, а она умнее тебя, жаль, что поздно я это понял”.

Потом они уехали, а знакомые решили, что папа плохо живёт с новой женой. А мама сказала, что ей жаль Болату.

Мы стали с мамой ходить в бассейн, она покупала красивые вещи и стала ещё красивее, её пытались познакомить с мужчинами, но она отказывалась, потому что считала: имея дочь, женщине опасно выходить замуж.

Первоклассница

Прошёл год, я подросла, и мне предстояло идти в школу. В первый класс меня повела мама, она купила мне школьную одежду и с грустью сказала: “Как папа мечтал об этом дне. Он так хотел, чтобы ты была

отличницей. Ты должна учиться на пятёрки, чтобы люди не сказали, что у него глупая дочь”.

Я всю ночь не спала, представляла, как приду в школу, а там меня будет ждать папа с огромным букетом цветов. Когда мы пришли в школу, я смотрела по сторонам, но отца нигде не было, мама не показывала виду, что тоже расстроена, пришло много детей с родителями, я смотрела на них, завидовала им и думала: неужели папа забыл про свою мечту — проводить Аселю в первый класс?

Солнце сильно светило в глаза, постепенно улеглась моя боль, я радовалась, что буду учиться в новой школе, мама сказала, что здесь есть бассейн, и я покажу всем, как хорошо умею плавать. Наша учительница повела нас в класс. Я всё время оглядывалась, мне казалось, что папа должен вот-вот подойти. Я видела, как мама стоит у дверей и как волнуются родители моих одноклассников. Учительница закрыла двери, а я попросила: не закрывайте, пожалуйста, дверь, скоро придёт мой папа, а я не увижу его. Соседка по парте Айгерим сказала: “Не жди отца, у него родился сын — и ты ему больше не нужна!”. Я схватила учебник и больно ударила её по голове. Учительница нахмурилась: “Я не буду ставить тебя в угол. По-хорошему, вас надо обеих наказать, но я не хочу портить ни вам, ни себе настроение”. Когда закончились уроки, я увидела свою маму, она спросила: “Что случилось?”.

Я откровенно рассказала. Она успокоила меня и напоявила: “Помнишь, папа учил тебя никогда не обижаться на глупых детей!”. Мы с мамой решили посидеть в детском кафе в честь начала учебного года.

И всё же я радовалась, что пошла в школу и стану получать отличные оценки. Если я буду отличницей, то поступлю в институт, где мне будут платить зарплату — она называется стипендия. Мы с мамой тогда откажемся от папиных алиментов. Я не хочу получать деньги от него и считаться его дочкой, потому что он развёлся не только с мамой, но и со мной. Мама спросила: “Почему ты перестала щебетать?” — я ответила, что мечтаю избавиться от папиных алиментов и не хочу считаться его дочерью, я хочу быть только твоей! Мама покачала головой: “От алиментов нам нельзя отказываться, без них тяжело будет жить. А папиной ты будешь считаться, потому что у тебя его фамилия и отчество, и он хороший отец, просто очень занят и не смог приехать в школу. У него очень ответственная работа, и он не всегда может уехать когда ему вздумается”.

Вдруг перед нами остановилась машина, оттуда с огромной охапкой цветов вышел папа. Большой, красивый и родной. Я стояла, как вкопанная, мама шепнула: “Беги, Аселя, к папе”. Он распахнул объятия, и я побежала к нему. Он поднял меня высоко-высоко. Я радостно кричала: “Папка, я знала, что ты приедешь, я ждала тебя!”.

Моя мама всегда говорила, что мой папа самый лучший. В тот памятный день он повёз нас с мамой в ресторан и сказал: “Заказывайте, мои девочки, что хотите”. Я спросила: “Папа, а ты тётю Ляззат тоже зовёшь девочкой, как маму?”. Он ответил: “У тётю Ляззат нет дочки, у неё сыночек. Я не называю их вашими именами”. И тут я выпалила: “Папа, в садике девочки говорили, что все мужчины — предатели. А я сказала, что мой папа никогда не был предателем. Предатель — кто предаёт Родину и семью, а ты нас не предал, ты ушёл, потому что полюбил недостойную женщину”. Мама покраснела и стала укорять меня: “Детям нельзя говорить

такие слова, чему ты только ни научилась в садике!”. Я возмутилась: “А разве неправда, ведь твои подруги приходят и рассказывают, какая тётя Ляззат нехорошая женщина”.

На этот раз мама побледнела и умоляющим тоном произнесла: “Не надо расстраивать папу и говорить всякие глупости. У него тяжёлая работа, он, наверное, торопится, а ты отвлекаешь его”. Папа ничего не ответил, он был задумчив. Потом он отвёз нас домой. Когда мама выходила из машины, он заметил: “Ты стала ещё красивее, Шолпан! У тебя появился друг?”. Я опять вмешалась: “У мамы нет никакого друга, она всем говорит, что однолюб”. Папа тепло посмотрел на маму, она покраснела, а он поцеловал меня и уехал.

Знакомство с братиком

В выходные дни мы с мамой отсыпаемся. Однажды нас разбудил телефонный звонок — звонил папа. Он предложил мне поехать с ним покататься. Я обрадовалась и стала собираться. Мама расстроилась: “Мне придётся завтракать одной”. Я тоже расстроилась, мне стало жаль маму. Я предложила ей позвонить папе и отказаться от прогулки. Она призналась: “Я пошутила, ты уйдёшь, а я буду отсыпаться! Дай слово, что будешь вести себя достойно, чтобы отцу не было стыдно перед Ляззат, покажи ей, что ты умная и хорошая девочка. Не влезай в нашу взрослую жизнь, мы сами разберёмся. Не расстраивай папу своими капризами, дай возможность ему расслабиться, покажи ему, как ты любишь его, похвались своими успехами в школе. Пусть он гордится тобой. Он любит тебя, и Ляззат не сможет отнять у тебя его любовь. Если ты будешь себя плохо вести, она скажет ему, что у него растёт невоспитанная дочь, и может вас с папой поссорить, может, будет специально делать, чтобы разлучить тебя с папой. Пусть убедится, что вы с папой любите друг друга”. Я согласно кивала головой и быстро собралась. Я вышла из подъезда и кинулась в объятия папы, он спросил, что делает мама, и несколько раз посмотрел на наш балкон. Я ответила, что мама решила отоспаться. Папа был грустный, я поняла, что он скучал по мне. Он поинтересовался, о чём я задумалась, я сказала, что мама предупредила меня, чтобы я была умной девочкой, потому что ты устал, и я не должна тебя расстраивать. Он предложил съездить в магазин и выбрать для меня игрушку. “Я позабыл тебе подарить подарок. Первоклассникам принято дарить подарки, выбирай”, — предложил. Я долго ходила по магазину, и мне было грустно, что я без мамы выбираю себе игрушку. Я так ничего и не выбрала, и папа удивился: “Почему ты не выбрала себе игрушку?”. Я ответила, что без мамы не могу ничего подобрать. “А разве тебе ничего не понравилось?” — спросил папа. Я призналась: “Кукол так много, что у меня закружилась голова и даже глаза заболели”. — “Ничего, — успокоил меня папа, — мы сейчас спросим у продавца, что она нам посоветует?”. Продавец спросила: “Какой суммой денег вы располагаете?”. Папа ответил: “Мы имеем большую сумму на самую дорогую игрушку”. Тогда она предложила: “Купите эту куклу. Она умеет ходить, из глаз у неё льются слёзы. У неё несколько платьев. В том числе и нарядных”. Я была счастлива. Когда мы сели в машину, папа обернулся ко мне: “Я хочу, Асель, сделать тебе сюрприз, познакомить тебя с твоим братиком”. Мне чуть не стало плохо. Но я вспомнила мамины слова и постаралась не показывать виду, как не хочу его видеть. Мы вошли в подъезд, я спросила: “А можно

не сегодня? А то у меня нет подарка”. Папа сказал, что это поправимо, вытащил из кармана какую-то игрушку и вручил мне. Дверь нам открыла улыбчивая женщина. Отец показал на меня: “Нина Алексеевна, это моя дочь!”. Она ответила: “Ваша копия”, но тут вышла Ляззат и недовольно на неё посмотрела. На руках она держала малыша, который тянулся к моему папе. Он взял сынишку на руки и, увидев, как изменилось моё лицо, тут же вернул младенца тётё Ляззат. Та с ехидцей произнесла: “Я поняла, когда рядом с тобой Асель, тебе и наследник не нужен”. Папа строго сказал: “Я тебя предупреждал, при ребёнке не говори глупости!”.

У них была большая красивая квартира, увешанная фотографиями тётё Ляззат. Она снисходительно предположила: “Когда вырастет Асель, она тоже, наверное, будет моделью. Все девочки мечтают ею стать”. Папа сердито ответил: “Моя дочь с детства мечтала стать королевой. Я всё сделаю, чтобы она ею стала!”. Я подумала: зачем мне портить настроение отцу, и решила поближе познакомиться с братиком. Он был крошечный и пахнул молоком. Он смотрел на меня, и папа предложил: “Хочешь подержать братика на руках?”. Я кивнула, папа дал мне его на руки. “Аскаррик” — так его назвал папа, радостно улыбнулся, загугукал. Папа сказал: “Видишь, Аселя, он почувствовал, что ты его сестрёнка, смотри как улыбается, хочет с тобой общаться. Я думаю, ты тоже его полюбишь и почаще будешь к нам приходить”. Вдруг раздался истошный крик его жены: “Болат, ты что, с ума сошёл — кому дал ребёнка? Ты ведь знаешь, я боюсь, что его выронят. Ещё неизвестно, с какими мыслями она взяла его, не надо потакать своей дочке и давать ей малыша”. Папа разозлился: “Сына я дал Асели. Не надо высказывать свои чёрные мысли. Я прожил с Шолпан немало лет и знаю, что она никогда не допустит таких чёрных мыслей, как ты! Как я был глуп, что до сих пор не понял, с кем живу. Ты не женщина, а чудовище! Я сказал тебе, чтобы ты никогда не высказывала своих грязных мыслей насчёт моей дочери!”. Тётя Ляззат расплакалась, забрала ребёнка: “Можешь убираться к своей рабыне Шолпан с недоноском!”.

Я первый раз видела, как папа разозлился, мне казалось, что он ударит её, но он сдержался: “Пошли, Аселя, погуляем!”. Мы сели в машину, и я попросила: “Папа, у нас дети в садике жаловались, что их отцы дерутся. Пожалуйста, не бей Ляззат, это страшно, когда родители дерутся. Мне жаль Аскарика, не обижай его маму”. Он прижал меня к себе: “Доченька, если бы ты знала, каким дураком оказался твой папа”. Я закричала: “Папа, ты никогда не был дураком, мама говорит, что ты умный и красивый!”. Но он возразил: “Доченька, это мама твоя умная. А я дурак, я знаю это!”.

Почему-то он не спешил со мной расставаться, повёз меня за город, где мы раньше отдыхали с ним и с мамой. И сказал: “Аселя, это наше место! Я обещаю, что никого туда и никогда не повезу”. Он был опечален, и я предложила: “Папа, езжай к себе, Аскарика жалко, тётя Ляззат может его обидеть!”. — “Нет, за Аскара я спокоен, она никогда не обидит его! И тебя не посмеет! Не обижайся, Асель-кисель”, — он смущённо улыбнулся. Перед прощанием я сказала: “Папа, я маме ничего не расскажу, что была в твоей семье, и про тётю Ляззат”. Он ответил: “Я не боюсь, что ты расскажешь, я просто не знаю, как буду жить дальше. Даже, если ты не расскажешь маме, она всё равно узнает”. Он попрощался со мной, поцеловал меня, глаза у него были грустными. Он не уезжал, пока не подошла мама и не забрала меня. Мы поднялись на крыльцо, папа долго смотрел нам вслед. Когда я

вошла в квартиру, у нас в гостях сидел какой-то мужчина. Я расплакалась: “Не хочу, чтобы ты приводила женихов!”. — “А я не жених”, — рассмеялся мужчина и поднялся мне навстречу. Мама улыбнулась: “Асель, это наш родственник, он учится в Америке, приехал навестить нас”. Мне стало стыдно, и я спряталась в своей комнате. В школе я вспоминала нашу встречу с папой, и сердце моё щемило от жалости к нему. Маленький братик мне понравился, мне так захотелось его забрать у злой Ляззат, потому что это был папин сыночек.

Мамин жених

Мама любила повторять: “Главное — мы помирились с твоим отцом, и он не оставит нас в беде”. Мне папа купил пианино, в неделю три раза к нам приходила учительница и учила меня на нём играть. На работе мама познакомилась с сослуживцем, он стал приходить к нам, и мама отправлялась с ним то на концерт, то в гости. Я так не хотела, чтобы дядя Сабит приходил к нам. Однажды я пожаловалась отцу, что дядя Сабит хочет жениться на маме. “Но я никогда не назову его папой”, — заверила я. Он ничего не говорил, только молчал. На Новый год нас пригласили в гости родители дяди Сабита. Мама сшила себе и мне новые платья и хотела, чтобы я им понравилась. Но случилось непоправимое: тётя Ляззат на своей машине попала в автомобильную аварию и оказалась в больнице. Прямо перед нашим уходом позвонил папа и попросил маму забрать к себе Аскаррика. Мама съездила и привезла братика. Он плакал и звал маму. Мне было его жаль, я старалась успокоить его и придумала игру. Пряталась, а он бегал по квартире и искал меня. Ночью пришёл папа, он взял на руки Аскара и заплакал. В больнице тётя Ляззат умерла. Отцу тяжело было с маленьким ребёнком, родственники тётки Ляззат хотели забрать малыша, но папа отказался отдать его. Аскаррик не понимал, что его мама умерла, он стал называть мамой мою маму. Однажды к нам пришли женщина и мужчина, они требовали отдать им ребёнка. А он тянул ко мне ручки и плакал. Я приходила со школы, он ждал меня, а маме пришлось уволиться с работы. Мы долго не могли прийти в себя. Всё так быстро изменилось в нашей жизни. Отец предложил нам с мамой переехать к нему. Там в детской висит портрет тётки Ляззат. Красивая женщина мечтательно смотрит вдаль. Такой она останется в памяти моего братишки, который пока не понимает, кто она и что значит в его судьбе. Папа говорит, что она была всегда недовольна своей жизнью, к чему-то стремилась, в последнее время стала злой и капризной. Тётя Айша заметила, что перед смертью люди становятся такими. Если честно, то мне жаль её, я не хотела бы, чтобы Аскаррик остался без матери. Он страшно мне дорог, я никогда не забуду, как в первые дни он тянул ко мне свои ручки, и только увидев меня, успокаивался. Я счастлива, что у меня есть братик, мама признаётся, что мы не желали Ляззат смерти, на чужом горе она не хотела строить своё счастье. Отцу пришлось долго её уговаривать, Аскаррик признал её своей мамой, и только через год она согласилась вновь стать папиной женой и переехать в его большую квартиру. Я теперь не представляю своей жизни без брата. Он любит компьютер больше всего на свете. Когда я сказала ему, что компьютер для него важнее семьи, он предложил заключить пари, пообещав месяц не подходить к компьютеру. И выдержал!

Понимая, как трудно на продолжительный срок отказаться от любимого занятия, я пробовала наш уговор превратить в шутку, но Аскарarik отнёсся к нему серьёзно и доказал, что у него есть сила воли и выдержка. Молодец братишка!

Эпилог

Прошли годы...

В астанинском международном аэропорту среди сотен пассажиров и провожающих находилась и красивая девушка. Высокий, крупного телосложения представительный мужчина с сединой на висках бережно обнимал её, а с другого бока к ней буквально прилип худенький подросток. Он старательно моргал, чтобы провожающие не заметили его слёз — ему недавно исполнилось одиннадцать лет, и он хотел выглядеть настоящим мужчиной. Рядом с ними стояла миловидная статная женщина, с грустной улыбкой смотревшая на мужа и детей.

Читатели наверняка догадались, что это за семейство: юная красавица — Асель, подросток — её братишка Аскар, ну и родители — Болат и Шолпан.

В этом году Асель выиграла президентский грант и улетала в Великобританию, в Оксфордский университет. Шолпан изо всех сил старалась не расплакаться, — она никогда надолго не расставалась с дочерью, а теперь предстояло привыкнуть к тому, что Асель будет обучаться в далёкой Англии, а до новой встречи на родной земле, когда дочка приедет на каникулы, ещё так много времени.

И вот уже проводы, напутствия, пожелания, обещания, неизменные в таких случаях слёзы... Огромный лайнер отрывается от бетонки и устремляется в небо — к будущему, оставляя позади прошлое. Но минувшее не отпускает память. Глядя в иллюминатор, Асель погружается в воспоминания, мысленно перелистывая их страницы — счастливые и безрадостные. Семейная трагедия, когда отец оставил семью ради женщины, которую любил с юности, оставила неизгладимый отпечаток в душе маленькой тогда девочки. И хотя впоследствии отец всё же вернулся к первой жене и дочери, да ещё с сынишкой от второго брака, но произошло это тоже после трагедии, более страшной и непоправимой, когда нелепо погибла в автомобильной аварии мать Аскарика. Семья вновь обрела долгожданное счастье. Однако психологическая травма, нанесённая детской ранимой душе поступком отца, не заживала. И тогда, будучи уже пятиклассницей, Асель стала вести дневник, доверив бумаге воспоминания и переживания раннего детства, связанные с семейной драмой. И только после того как Асель излила свою душу в дневнике, боль её отпустила...

Быстро пролетели школьные годы, Асель повзрослела. И вот уже юность распахнула перед ней горизонты жизни.

г. Караганда.

Редакция "Нивы" сердечно поздравляет Дарию Джумагельдинову с прекрасным юбилеем и желает своему активному автору и пропагандисту нашего журнала новых творческих обретений, крепкого здоровья, неиссякаемой энергии, благополучия и счастья.

Святой материнский наказ

Памяти моей мамы Е. Ц. Изерской

Моя МАМА, уроженка Хмельницкой области, в 1936 году, в возрасте пяти лет, была выслана вместе с родителями, братьями и сёстрами — как лица польской национальности, в далёкие степи Казахстана, на так называемую точку № 36 (ныне с. Октябрьское Акмолинской области).

Несмотря на детский возраст, она многое помнила и с ужасом вспоминала дорогу до места ссылки. Помнила, как ехали в холодных вагонах, голодные, с котомками в руках, как хотелось есть, как болели и не выдерживали люди, а впереди ждала непривычная холодная, с невиданными буранами казахстанская зима. Но люди и здесь учились выживать. И всегда МАМА нам, своим детям, повторяла, что помогли им выжить казахи, которые тайком, на свой страх и риск делились с ними кто чем мог.

Я, дочь своей МАМЫ, благодарю за это весь народ Казахстана и рассказываю об этом детям и внукам, о гостеприимстве и доброте этого народа. МАМА говорила, что ещё помогала вера, что с ними произошла какая-то ошибка, что скоро разберутся, — так в ожидании проходили годы.

Почти вся жизнь МАМЫ прошла в с. Октябрьском, с 15 лет её послали работать дояркой. Прошла она и "Чёрную пику" — это загоны для скота да землянки в голой степи, не имея практически никаких человеческих условий, люди жили там месяцами. Доили и растили скот. Пахали землю. А чёрной эту местность прозвал народ за невыносимые условия жизни. Всю свою жизнь МАМА помнила, как потеряла свой суточный паёк — 200 граммов чёрного хлеба. Сколько слёз тогда пролила...

Здесь же, в Октябрьском, МАМА вышла замуж. Вскоре родилась я. Отец мой — круглый сирота, о своём отце он ничего не знал, а мама его замёрзла в буран. Его пятилетнего отдали в детдом, там он вырос и получил профессию тракториста, после чего был направлен в с. Октябрьское на работу. МАМА родила 10 детей, вырастила восьмерых. Ей было присвоено звание "Мать-героиня". В 1956 году МАМУ и всю семью реабилитировали. Радовались полученной свободе, но оставались жить в Казахстане и только в 80-е годы выехали жить в Подмоскowie. МАМА прожила там до 77 лет. Очень скучала по Казахстану, и когда я собиралась к ним в гости, то всегда просила привезти казахстанского хлеба...

Судьба раскидала нашу семью: трое моих братьев уехали строить БАМ, там и осели, четвёртый, Виктор, прошёл Афганистан, вернулся живым, но погиб в автокатастрофе — светлая ему память, ещё один брат работает в Москве на железной дороге, сестра закончила Мичуринский техникум, живёт и работает агрономом в Тульской области, младшая сестрёнка тоже работает в Москве, на заводе, а я, самая старшая, по настоянию МАМЫ (она мне говорила, что для человека главное это его семья и хлеб, иди учись на агронома) после школы поступила в Целиноградский сельхозинститут, закончила его и проработала многие годы агрономом. Вышла замуж, живём с мужем около 36 лет. У нас трое детей, все получили высшее образование, у старших даже по два. Все имеют семьи. Мы с мужем бабушка и дедушка. Живём в Астане. Для нас всех Родина — это Казахстан. Я всегда помню, как МАМА, несмотря ни на что, учила нас жить честно и с добром относиться к людям. Я часто думаю, как МАМА, перенеся все невзгоды, не озлобилась и учила нас быть добрыми и внимательными к людям. И сама себе отвечаю: наверное, ЕЁ ПАМЯТЬ ХРАНИЛА ТЕПЛО ТЕХ ДОБРЫХ РУК, ПРОТЯНУВШИХ ПОМОЩЬ В ТРУДНУЮ МИНУТУ. Знаю одно: МАМА всегда оставалась Человеком и нам говорила: "Радуйтесь Жизни, радуйтесь тому, что есть".

ДОБРАЯ ЕЙ ПАМЯТЬ!

Светлана БЛАЖКОВА.

г. Астана.

Владимир ТРЕТЬЯКОВ

Возвращение на Обитаемый остров

Повесть

(Продолжение. Начало в № 3, 4 за 2011 год)

Глава 8

В последующие три дня жизнь в лагере заметно приостановилась. Заключённых перестали выводить на работы за пределы охраняемой зоны, предоставив им строить по этому поводу самые разные догадки. А так как заняться было нечем, то оставалось только сидеть на нарах и разговаривать между собой. Говорили разное. Одни твердили о вполне возможном ударе пиратские рейды белых субмарин Островной Империи. Другие “аналитики” пришли к выводу, что, скорее всего, в самое ближайшее время всей лагерной братии предстоит переселение в другие места. Мол, здесь, на старом месте, всю черновую работу они в основном уже завершили, и теперь на их место придут “вольные”, которые и станут доводить до ума новый сверхсекретный объект. Третьи уверяли, что это не так, и до окончания черновых работ “ещё о-го-го сколько...”. Скорее всего, в первоначальный проект вкралась какая-то инженерная ошибка, и когда её исправят, то работа вновь закипит в утроенном темпе. “Вот увидите, — говорили они. — Под это дело, как пить дать, рабочий день увеличат, а пайки оставят на прежнем уровне, если ещё больше не урежут”.

Одним словом, недостатка в предположениях и догадках не было, но только двое заключённых знали истинную причину перевода лагеря на казарменное положение, но оба помалкивали. Хорёк, хотя его и распирало от желания раззвонить всем и вся о возможных грядущих переменах в статусе большинства обитателей камер, боялся наказания за свою трепотню со стороны всесильного и жестокого Барона. Максим же просто молчал, стараясь быть выше всяких сплетен, как ему, собственно говоря, и подобало себя вести, учитывая высокое теперешнее положение в тюремном обществе. Как-никак, авторитет, а не какая-нибудь сявка мелкая!

Так незаметно, как одно счастливое мгновение, пролетели эти три дня. За это время заключённые ходили лишь во внутренние наряды, радовались неожиданно свалившейся на них возможности передохнуть от каторжного труда, да продолжали высказывать различные версии того, как долго будет продолжаться подобная лафа. А на четвёртый день всё переменялось.

Утром на разводе начальник лагеря приказал привести территорию в образцовый порядок. “Чтобы у меня всё тут блестело, как у кота... гланды, а какая сволочь вздумает филонить — пойдёт в расход!”.

Закипела работа. Под присмотром бригадиров заключённые, несколько отвыкшие за эти дни от привычной физической нагрузки, охая и вполголоса матерясь, проклиная свою непосильную долю, принялись наводить лоск на всё то, что бросалось в глаза и даже было скрыто от оных. Особо нерадивым постарались ещё раз доходчиво объяснить основную мысль начальни-ка о том, что статья о саботаже всё ещё продолжает действовать, и что ежели

кто начнёт вольничать, так вполне может с этой статьёй познакомиться вплотную. Особо несведущим в тонкостях Уголовного кодекса была прочитана короткая лекция о значении слова “саботаж” и предусмотренном в законе наказании по этой статье в условиях военного времени. Вплоть до расстрела. Последнее обстоятельство подчёркивалось особо и произвело двойной эффект. Во-первых, скорость работ заметно повысилась, а во-вторых, лагерные “аналитики” получили очередную порцию пищи для размышлений. Теперь стало ясно, что те, кто говорил о возможном ударе возмездия, наверное, были правы, а иначе зачем было говорить о военном положении. Понятно было и другое: “раз пошёл такой базар, то скоро надо ждать приезда “шишек”, которые начнут отбор “пушечного мяса” в штрафные отряды, коим надлежит принять на себя всю тяжесть удара вражеского десанта”.

Это было, конечно, гораздо хуже, чем просто амнистия, но всё же гораздо лучше, чем вообще ничего. Народ прекрасно был осведомлён о непроходимости минных полей, окружавших Империю, и надеялся дожить-таки до победы, получив после неё свободу и чистый паспорт. Да и вообще жизнь на войне представлялась многим весьма весёлым мероприятием, где можно и самогончики вволю попить, и “травки” покурить, да и в “самоход” к девочкам в ближайшую деревню из траншей отлучиться, а то и вовсе “ноги сделать”.

Наконец состояние внешнего вида лагеря удовлетворило начальство. Контингент приказано было развести по местам до особого распоряжения. В томительном ожидании предстоящих событий прошли вечер и ночь. Утром заключённых подняли на полчаса раньше обычного, разрешили в ускоренном темпе привести себя в порядок и проглотить традиционную порцию перловой каши, в которой, против обыкновения, самые пытливые разглядели следы присутствия жира. Это вызвало дополнительные толки, которые достигли своего пика, когда настала очередь пить чай. Он был с отчётливым сладковатым привкусом! Такого завтрака не могли припомнить даже сидельцы с самым большим стажем пребывания в этом лагере. Тут же во всеуслышание некто высказался в том духе, что “это только цветочки, а полноценная малина начнётся на фронте”. Последняя фраза была встречена гулом всеобщего одобрения.

После завтрака лагерников построили на центральной аллее, и сам начальник прошёлся вдоль шеренги, придирчиво осматривая каждого стоявшего в ней. Всех, у кого был замечен хотя бы малейший непорядок с одеждой, он жестом руки отсылал в швейную мастерскую для устранения. Дойдя до Максима, он колючим взглядом окинул его хоть и потрёпанный, но вполне сносный мундир, довольно хмыкнул, изобразив при этом на лице подобие улыбки, и, не говоря ни слова, пошёл дальше. Затем остановился, как будто вспомнив что-то, вернулся обратно и, привстав на цыпочки, прошептал Максиму на ухо:

— Я надеюсь, у вас не было причин быть недовольным условиями содержания, господин барон?

Максим хотел было, как положено, ответить громко и односложно, но, поняв, что вопрос был задан неспроста, вовремя сдержался. Улыбнувшись одними уголками рта, он чуть заметно кивнул, мол, всё в порядке, претензий нет.

Осмотрев заключённых и дав необходимые указания, начальник удалился в свой коттедж. После этого прошёл час, другой, третий, но никаких других команд не поступало. Заключённые всё так же стояли в строю по стойке “вольно”, негромко переговариваясь между собой. А Максим

старательно, уже в который раз, пытался выстроить линию своего поведения на случай предстоящей встречи с Дженсом. В том, что она состоится уже скоро, он даже не сомневался, а всплеск эмоций по отношению к нему со стороны начальника расценил как добрый знак. Всё будет в порядке.

Прошёл ещё час томительного ожидания. Заключённым разрешили стоять ещё вольнее и даже, неслыханное дело, дозволили курить, раздав по три пачки дешёвеньких сигарет на бригаду. Максим усмехнулся про себя. Страхуется начальник, чувствует, что придётся вскоре вести своих подопечных в атаку, в условиях, когда у многих недовольных им в руках будет боевое оружие. А может быть, не знает, а лишь чувствует это, что не меняет сути дела.

Над строем повисли облачка сизого дымка. Заключённые, большинство из которых имело уголовное прошлое, с удовольствием смаковали дармовое курево и продолжали обсуждать перспективы своего бытия в ближайшем будущем.

Наступило время обеда. Но, против обыкновения, питание организовали не в столовой, а здесь же, в строю. Огромные кастрюли, расположенные на тележках, повара катили вдоль шеренги, выдавая каждому миску с непривычно густым и ароматным супом, в котором плавали мясные волокна. На второе подали макароны с маслом(!), а на третье... компот из свежих фруктов! После такого обеда, проведённого, правда, в условиях близких к походным, даже самые недалёкие и недогадливые поняли, что на их скромные персоны сделаны ставки, и размер их весьма значителен. Кое-кто, возгордясь сверх меры, начал позволять себе лишнее: громкие разговоры, плевок и жесты оскорбительного свойства в сторону охранников. Хулиганам было в мягкой форме вначале указано, а когда это не возымело необходимого действия, то конвоиры без лишних разговоров выдернули из строя парочку самых злостных нарушителей и без долгой канители шлёпнули их на виду у всех. Чтобы остальные помнили своё место, а не то... По законам военного времени, как говорится.

Сидельцы на какое-то время оцепенели от ужаса, а оценив в полной мере суровую силу воспитательной меры, без всякой команды заняли привычные места в строю, подтянулись и притихли. Наступила почти полная, можно даже сказать, мёртвая тишина. Так прошло ещё около часа.

Внезапно кто-то вскрикнул и показал рукой в небо. Все взгляды мгновенно устремились в этом направлении, и каждый увидел еле заметные, но с каждой секундой становящиеся всё больше и больше точки. Вскоре всем стало ясно, что это вертолёты. Три огромные металлические стрекозы, летящие в сторону лагеря развёрнутым строем. Вот они сделали вираж и начали заходить на посадку. Внезапно, прямо из густых, низко повисших облаков, на них вывалился небольшой истребитель без каких-либо опознавательных знаков. Раздалась короткая очередь, и все стоявшие на аллее увидели, как пулёмётная трасса протянулась от самолёта и упёрлась в один из вертолётов. Через секунду прогремел мощнейший взрыв, и объятая пламенем машина, разбрасывая по сторонам огненные капли, камнем рухнула на землю невдалеке от лагеря.

У Максима в этот момент сжалось сердце. Неужели его надеждам не суждено сбыться, ведь гибель Дженса означала крах его плана.

В лагере началась паника. Стройная шеренга заключённых рассыпалась. Каждый искал себе место для укрытия. Охранники, поначалу растерявшиеся не меньше, постарались создать отпор неведомо откуда

взявшемуся противнику, но делали это на редкость неорганизованно, стреляя в белый свет как в копеечку.

А истребитель тем временем развернулся и дал длинную очередь в сторону стрелявших. Пули частой строчкой взбили фонтанчики пыли в опасной близости от охранников и те, не желая далее искушать судьбу, кинулись врассыпную. Теперь уже никто не мешал самолёту спокойно расстреливать беззащитные вертолёт, которые бестолково мотались из стороны в сторону, так и не рискнув пойти на посадку.

Максим вышел из столбняка и мгновенно оценил обстановку. Если каким-то образом сейчас не помешать самолёту, то через несколько минут он отправит оставшиеся вертолёт в гости к первому, густые клубы чёрного дыма которого высоко вздымались над лагерной оградой.

А почему бы, собственно говоря, и не помешать ему? Всего в каких-нибудь пятидесяти метрах от Максима стояла караульная вышка, покинутая часовым. Там ясно виднелся великолепный и готовый к бою крупнокалиберный спаренный пулемёт, предназначенный в обычной обстановке для удержания заключённых в повиновении. Но так это же в обычной, а сейчас вполне годящийся для поражения воздушной низколетящей цели.

Максим левой рукой поймал пробежавшего мимо Хорька, который, подавшись общей панике, вознамерился было под общий шумок “слинять”.

— За мной! — гаркнул он, глядя в переполненные первобытным ужасом глаза своего сокамерника.

Хорёк тут же пришёл в себя, мотнул головой в знак понимания и огромными скачками понёсся вслед за Бароном.

— Поправляй ленты, следи за патронами. Сможешь? — торопливо спросил Максим, когда они взлетели на вышку. Хорёк снова кивнул, шумно сглотнул слюну и начал пододвигать патронные коробки поближе к установке.

Максим же быстрым движением сорвал со стволов чехлы, отшвырнул их не глядя в сторону и, развернув турель, изготавился к стрельбе. Он дал упреждение, и что есть силы надавил на гашетку. Мимо. Трасса чуть-чуть опоздала и прошла в стороне от цели. Лётчик заметил угрозу, оставил на время свои беззащитные жертвы, которые от него всё равно не смогли бы далеко уйти, развернулся и начал атаку на новую цель. Теперь он летел прямо на вышку, и рёв мотора буравом вгрызался в мозг. Максим поймал самолёт в прицел и начал стрелять, но в тот же миг увидел, как под крылом истребителя сверкнуло пламя. “Ракета”, — успел подумать Максим, и тут же на него навалился грохот взрыва, что-то больно ударило в грудь, тело поднялось в воздух и полетело в пустоту...

... Очнулся он от едкого запаха, исходившего от пузырька, который держал перед его носом лагерный лекарь. Максим сел и, держась руками за гудящую, словно медный колокол, голову, огляделся по сторонам. За то время, пока он пребывал в бессознательном состоянии, паника в лагере прекратилась. Заключённых собрали, вновь построили, а охрана заняла привычные места. Лишь поваленная и разрушенная вышка напоминала о недавней атаке. Ракета угодила под одну из опор и, взорвавшись там, опрокинула всё сооружение. Самого же самолёта нигде не было видно. Зато два уцелевших вертолёт стояли на посадочной площадке, а от неё шла группа людей в военной форме.

— Ты сбил его! — раздался рядом с ухом восхищённый возглас Хорька. — Барон, ты влепил ему очередь прямо в фонарь! Он и мявкнуть не

успел, только осколки брызнули в стороны. Вот только ракету успел пустить чуть раньше тебя. Но мы-то уцелели, а он сейчас догорает где-то за теми холмами. Барон, ну ты ваще...

— Два выстрела слились в один... — машинально пробормотал Максим по-русски.

— Чего-чего? — не поняв, переспросил Хорёк.

— Встать помоги, говорю, вот чего, — раздражённо ответил Максим, понимая, что едва не прокололся на пустяке.

— А-а-а... — протянул Хорёк, подставляя руку.

Максим облокотился на неё и выпрямился. С другой стороны его услужливо подхватил лекарь. Максим тряхнул всё ещё гудящей головой и, пошатываясь на слабых, словно ватных ногах, направился в строй.

Дженс он узнал сразу, несмотря на то что тот заметно поправился с тех пор, когда Турренсок его видел на выпускном вечере по случаю окончания училища. На принце был скромный, военного образца мундир, но без знаков различия и орденов. Дженс в сопровождении начальника лагеря и нескольких офицеров своей свиты медленно шёл вдоль строя, строго глядя на стоявших в нём заключённых и одновременно, не особенно стараясь подбирать выражения, поносил всю лагерную администрацию.

— Твои люди вели себя как панельные шлюхи, которые удирают со своего поста при одном только появлении полицейского. А сам ты разве был лучше?! В какой дыре отсиживался ты, в то время когда на мою жизнь покушались!? Уж не в солдатском ли сортире? А ведь я лично просил тебя организовать встречу и быть готовым ко всему. Ты понимаешь значение этого выражения: "Ко всему!", в том числе и к самому худшему.

— Но, Ваша Светлость! — пытался оправдаться начальник. — Всё случилось настолько неожиданно...

— Что?! — вскипел Дженс. — Неожиданно?! То, что Аган сейчас может пойти на всё, лишь бы избавиться от меня, это для тебя тоже неожиданность? Ну тогда ты просто тупица, не способный понять самых простых и очевидных истин, и я просто напрасно трачу на тебя своё красноречие. Слава богам-создателям, что среди этой толпы нашёлся хоть один человек, способный думать и действовать в критической ситуации. А кстати, где этот храбрец?

— Он перед Вами, Ваша Светлость! — торжественно произнёс начальник, делая плавный жест в сторону Максима.

Дженс повернулся на каблуках и, прищурившись, уставился в указанном направлении.

— Ба! — воскликнул он с восхищением. — Так, значит, меня спас всё-таки офицер! Они всё же у вас есть. — Он коротко хохотнул. — Только почему-то герои стоят совсем не в том строю. Но, чёрт побери! — Дженс вплотную приблизился к Максиму и грозно нахмурился. — Почему боевой офицер содержится вместе с уголовниками, это ещё что за бардак?!

Начальник лагеря попытался было что-то сказать, но принц перебил его:

— Постой, а ведь я тебя откуда-то знаю. Назови себя, герой.

— Субмарин-мичман барон Турренсок Кейзо, — браво отрапортовал Максим, вытягивая руки по швам, одновременно с этим щёлкая каблуками. — Имел счастье учиться вместе с Вами в училище, Ваше Величество!

— Ну-ну... — несколько смущённо протянул Дженс. — Рановато ещё меня так величать... — Но по всему было видно, что эти слова были для него приятны.

— И всё же объясни мне, субмарин-мичман, как ты очутился здесь, среди этих...

Он сдержался и не произнёс того, о чём думал, вероятно, потому, что не желал с самого начала оскорблять тех, кто потенциально являлся солдатами его будущей армии.

— Ладно, — прервал Дженс самого себя. — Все расспросы потом, после окончательной победы. Когда-нибудь, за бутылочкой старого марлетского ты расскажешь мне историю своих злоключений, я расскажу тебе свою историю, и мы вместе посмеёмся над превратностями наших судеб. Ну а пока я считаю себя твоим должником, но оставаться им надолго не намерен. И вот доказательство того: ты больше не заключённый, — он протянул Максиму руку. — Ты свободен. — Принц усмехнулся. — Но я не был бы самим собой, если бы не оговорил твоё освобождение одним условием, о котором речь будет чуть позже. Уверен, что тебе это моё условие понравится. Потерпи.

Он ободряюще кивнул головой и, повернувшись, направился к трибуне с микрофоном. Взойдя на неё, принц несколько секунд оглядывал строй заключённых и наконец заговорил, вначале тихо, но с каждой секундой голос его набирал силу, пока не загремел на полную мощь:

— Братья! Я обращаюсь к вам именно так, потому что в этой стране у меня не осталось больше людей роднее, чем вы. Меня, Дженса, сына и законного наследника вашего правителя, убитого самым подлым образом моим младшим братом Аганом, сейчас этот самый Аган на ваших глазах чуть было не лишил жизни. Эта не первая такая попытка. Совсем недавно его наймиты покушались на меня во время моей поездки по стране. Но провидению было угодно даровать мне жизнь и покарать то слепое оружие, которое послал коварный отцеубийца. Аган с самого раннего возраста проявлял неумеренное честолюбие и жажду власти. Если его не остановить сейчас, то этот зверь в образе человека зальёт нашу прекрасную Родину реками крови, в том числе и вашей. Именно для того, чтобы не допустить этого и прервать страшную поступь чудовища, я прибыл к вам сюда за помощью. — Дженс остановился и, выдержав паузу, продолжил. Теперь он уже почти кричал, и Максим совершенно отчётливо видел, что слова принца находят в среде заключённых понимание и поддержку:

— Братья! Кто из вас желает с оружием в руках послужить торжеству правого дела?! Кто из вас хотел бы после этой службы сменить позорную робу арестанта на гражданский костюм свободного человека, сделайте три шага вперёд!

Возникла короткая пауза, после которой толпа взревела и в едином порыве подалась вперёд. Среди всех Максим был, конечно же, первым.

— Я верил в вас! — продолжал реветь на трибуне Дженс. — Я знал! Отныне все вы солдаты моей армии, а вашим командиром я назначаю... — он строго посмотрел в сторону начальника лагеря. Тот приосанился и сделал робкий шаг вперёд.

— ... Я назначаю... барона Турренсока Кейзо! — неожиданно закончил Дженс.

Тут уже толпа взревела так, что Максиму показалось: грохот канонады по сравнению с этим ужасным звуком не более чем шёпот умирающего. Ему казалось, что он спит. Ничего себе — поворот темы! А вокруг него уже столпились бывшие заключённые, а ныне солдаты армии Дженса, продолжая орать и подбрасывать в воздух арестантские шапочки.

А вот и сам принц с улыбкой благодетеля приближается в сопровождении свиты. Широко раскинув руки, заключает в объятия, ласково треплет за ухо и шепчет:

— Служите мне хорошенько, и вы достигнете таких высот, о которых даже не смели мечтать, — внезапно шёпот его стал свистяще-зловещим. — Только смотрите, не оступитесь — можете упасть значительно ниже ватерлинии.

Он отпрянул в сторону и пристально посмотрел в глаза Максиму так, что тому сразу же стало не по себе. Это был взгляд волка, оценивающего свою добычу.

Глава 9

— Да, брать крепости — это вам не фраеров пасти... — пробормотал себе под нос Максим и, откинувшись на спинку походного стула, вновь, в который уже раз, посмотрел на план крепости издалека и с прищуром, как будто пытаясь увидеть в этом листе бумаги что-то новенькое, то, что ранее ускользало от его взгляда. Никаких свежих мыслей разглядывание не принесло — крепостная стена выглядела монолитом, не имеющим слабых мест. Чтобы хоть как-то отвлечься, Максим продолжил начатую мысль:

— ... и не мусор мести... и не деньгу грести... и не интриги плести... Крепости брать, это, дружище, искусство. Полководческое. А с этим у меня пока того-с, не очень.

Он ещё раз приблизился к плану, надеясь увидеть там хоть какое-то слабое место в обороне противника, но после минутного напряжения сдался.

Вот уже без малого месяц как армия экс-уголовников под общим руководством кандидата в императоры Дженса пыталась овладеть столичными крепостными стенами, возведёнными ещё в местные средние века неким царём Горохом для защиты от варварских племён. Умели строить в старину, ничего не скажешь, потому как атаки и тогда, лет двести тому назад, и сейчас не приносили никаких ощутимых плодов. Стены восьмиметровой высоты складывались из огромных валунов, скрепляясь между собой раствором особой прочности с каким-то секретом. Кроме того, внешняя сторона облицована под небольшим углом гладкими, как стекло, плитами, взобраться по которым возможно было лишь при помощи штурмовых приспособлений. Солдаты Дженса, имевшие лишь лёгкое стрелковое оружие, поначалу прибегли именно к такому древнейшему способу штурма. Преодолев широкий и заполненный водой ров, они устремились к стенам, неся к ним наскоро сколоченные лестницы. Но сметённые с них огненным шквалом, который на них обрушили защитники, в панике откатились на исходные рубежи, потеряв при этом убитыми, ранеными и утонувшими во рву несколько сотен человек. Так что взять крепостные стены с наскока не удалось, как, впрочем, не получилось это сделать и со второго, и с третьего раза. Пришлось прибегнуть к осаде, которая также не приносила никакого эффекта.

Столица была окружена стенами с трёх сторон, а четвёртая выходила к морю, по которому горожанам совершенно беспрепятственно подвозилось всё необходимое для нормальной жизни. Торговцы, правда, пользуясь сложившимися обстоятельствами, несколько взвинтили цены, но не до астрономических высот. Так что, пережив лёгкий испуг месяц тому назад, жители столицы возобновили привычный быт, не особенно обращая внимание на то, кто там сидит под городскими стенами.

Небольшой, но отлично обученный гарнизон, подчинявшийся узурпатору и отцеубийце Агану, успешно справлялся с многочисленной, но бестолковой армией Дженса, ежедневно и ежечасно нанося ей урон посредством меткой стрельбы.

Морально-волевой дух осаждающих, ещё совсем недавно надеявшихся на лёгкую победу, после которой неизбежно должен был последовать обещанный Дженсом трёхдневный грабёж богатой Столицы, поначалу находился на очень высоком уровне. Но после нескольких неудач и многочисленных потерь настроение начало падать столь же стремительно, как лавина камней, катящаяся с гор. Почувствовав опасность, большинство солдат Дженса, которые в глубине души всё же оставались обычными урками, начали задумываться о том, как бы “сделать ноги”, надеясь пересидеть этот “грандиозный кипеш” до поры до времени где-нибудь в спокойном и укромном уголке. А там, как говорится, “будем посмотреть”.

Некоторые, наиболее отчаянные, от разговоров об истинной свободе перешли к реальным действиям, сбежав с передовой. Пришлось прибегнуть к непопулярной, но весьма действенной мере пресечения подобных действий — заградительным отрядам, состоявшим из кадровых военных и охранников лагерей. Отловив нескольких дезертиров, очень неудачно выбравших время и место побега, они устроили им публичную казнь, после чего поток “бегунцов” значительно уменьшился, хотя и не иссяк совсем. Только теперь не желавшие воевать и погибать за здорово живёшь начали придумывать более хитроумные способы, вроде угона личного вертолёта Его Почти Что Императорского Величества, как теперь называли Дженса в окопах, почти не снижая при этом громкости голоса.

Вертолёт потом обнаружили километрах в тридцати от места старта, изрядно помятым, без малейших признаков топлива и тех двенадцати человек, которые улетели на винтокрылой машине. Те же, кто ещё не решился бежать, старались отсиживаться в блиндажах, не рискуя высовываться под пули защитников Столицы. Вышибить их из укрытий и послать в новую атаку не представлялось возможным. По большей части солдаты либо отсыпались впрок, либо играли в карты, ставя на кон всё что возможно, в том числе личное оружие и обмундирование. Проигравшие, не стесняясь, крыли матом всех и вся.

Так что воинская дисциплина в этой армии опустилась гораздо ниже критической черты. Офицеры откровенно побаивались своих подчинённых, способных в любой момент пустить им пулю в спину, а Дженс, прекрасно видевший, что от его авторитета за последнее время не осталось и следа, ходил мрачный, как грозовая туча.

Максим понимал, что так долго продолжаться не может. Необходим был моментальный и значительный успех, иначе оружие, столь опрометчиво вручённое уголовникам, способно будет обратиться против тех, кто его дал. Необходима была артиллерия, хотя бы для того, чтобы взломать массивные крепостные ворота, но тяжёлых орудий в Империи не производили вообще, а те лёгкие, которыми оснащались субмарины, находились в руках Агана.

Можно было бы попробовать сделать подкоп под какой-то участок стены или даже ворота и рвануть там мощный заряд, но как в таком случае обойти ров, Максим даже не мог представить.

Кто-то из офицеров предложил начать производство орудий в сельских мастерских. Дженс одобрил это предложение и повелел начать

работу. Достаточно быстро первый опытный образец был изготовлен и доставлен в лагерь осаждающих. Пушку, достаточно примитивную, заряжавшуюся не с казённой части, а прямо со ствола и стреляющую разрывными снарядами, выкатили на подготовленную позицию и зарядили. Дженс, как и все остальные, с сомнением смотревший на этого уродливого монстра, приказал совершить первый выстрел тем, кто его ковал. Кузнецы было замешкались, но грозный окрик главнокомандующего заставил их двигаться побыстрее. Сотворив быструю молитву во спасение своих грешных душ, старшой поджёг фитиль, и через несколько секунд грянул выстрел. Снаряд, описав широкую дугу, перелетел крепостную стену, раздался взрыв, о последствиях которого можно было лишь догадываться по интенсивному ответному огню, который открыли защитники крепости, старавшиеся попасть в канониров. Те, впрочем, были неплохо защищены, и весь град пуль пришёлся в земляной бруствер, окружавший артиллерийскую позицию.

Приободрённые первым успехом на бомбардирском поприще, кузнецы загнали в свою пушку следующий заряд, но, видимо, энтузиазм мешал им правильно определить количество пороха, который превысил допустимую величину. Второй выстрел оказался на редкость неудачным, или вернее сказать, трагическим. Ствол разорвало, и все сельские мастера полегли на месте, поражённые осколками своего детища. Стало ясно, что второе орудие ковать будет просто некому.

Именно после этой неудачи Максим начал искать что-то принципиально новенькое, нечто такое, что могло бы подарить удачу, иначе эту проклятую крепость можно осаждать с прежним успехом и год, и два, и все десять. Как когда-то осаждали Трою ахейцы. Тоже, как дураки, штурмовали, штурмовали, пока один из них, хитроумный Улисс, внезапно поумнев, не придумал, как обмануть троянцев. Деревянный конь. Именно эта обманка с воинами, отчасти напоминающая современную боевую машину, и решила исход многолетней осады практически за одни сутки. Стоп! Максим хлопнул себя по лбу, поняв, что почти решил труднейшую задачу. Вряд ли аборигенам известна эта чисто земная история старика Гомера, а значит, есть смысл попробовать рассказать им её на свой лад. Так сказать, преподнести в наглядных образах. Остаётся только придумать, какой вид придать местному Коню, но то, что слепо копировать земной опыт нельзя, было ясно.

Взгляд Максима вновь стал осмысленным и теперь искал на столе другую карту, где изображался план Столицы и прилегающих к ней окрестностей. Выполненная крупным масштабом, она содержала множество подробностей. Были указаны все ручейки, участки брода, всевозможные холмики с указанием их высот и даже лески с чёткими значками тех деревьев, которые там преимущественно росли. Те же подробные указания касались и всех населённых пунктов, сёл и деревень с точной цифрой количества дворов. Помимо этого на карте имелись специальные метки, обозначающие местные достопримечательности. Одна из них, находившаяся всего-навсего в пяти километрах от Столицы, очень заинтересовала Максима. Музей, а над ним два скрещённых меча. Военный музей, где, если покопаться капитально, можно найти много чего интересного. Вполне возможно, там найдётся и то, что в данный момент так необходимо для успешного завершения осады крепости.

Максим резко встал, пригнувшись, вышел из блиндажа, и уже не разгибаясь из опасения схлопотать пулю, направился по ходу сообщения к резиденции Дженса.

Сдав личное оружие охране, которая в такой ситуации не делала исключений ни для кого, Максим дождался приглашения и вошёл в походные покои принца.

Дженс встретил его не очень радушно, скорее даже, безразлично. Похоже было, что он уже потерял всяческую надежду найти победное решение своего предприятия, и теперь всерьёз подумывал о сдаче позиций, с последующим сохранением собственной чести и достоинства при помощи пистолета, заряженного одним патроном.

— Ваше Величество, — обратился к нему Максим. — У меня к Вам есть разговор, но я бы хотел, чтобы он состоялся с глазу на глаз.

Дженс посмотрел на него тусклым взглядом и после небольшого раздумья вялым движением руки выпроводил всех присутствующих вон.

— Я слушаю вас, барон, — сказал он голосом, не выражающим ни малейшего интереса. — Что там у вас ещё?

Максим, не вдаваясь в ненужные подробности, коротко изложил суть своего нового плана и испросил высочайшего дозволения на осмотр музея военной истории в паре со своим ординарцем. Дженс выслушал его не перебивая. В конце доклада стало видно, что кандидат в императоры заметно оживился. Не так уж чтобы очень, но всё же.

— Хорошо, барон, действуйте, — произнёс он голосом, в котором затепилась надежда. — Возможно, вы и правы, кто его знает. Возможно, именно там вы найдёте ключик к воротам этой крепости. Только вдвоём вам туда идти не следует — это опасно, а я не хотел бы рисковать столь ценной головой, какой является ваша. Поэтому я дам вам нескольких своих головорезов, которые смогут в случае чего помочь и охранят вашу жизнь, если в том возникнет необходимость.

— Я вполне способен сам защитить себя, Ваше Величество, — ответил ему Максим и понял, что Дженс просто опасается, как бы он не удрал от него, подобно другим. “Нет, господин мой, мне от тебя бежать нет резону. Повязаны мы с тобой, как сиамские близнецы — куда ты, туда и я, и постараюсь сделать всё, чтобы ты, Дженс, поскорее добрался до трона. В этом вся надежда на успех моей миссии”.

Сопровождение, выделенное Максиму Дженсом, состояло из двух амбаловидных детин, очень напоминавших несгораемые сейфы. Даже внешне они были практически неразличимы. На их лицах не читалось ничего, кроме личной преданности своему повелителю. Других искр разума не мелькало, и Максиму сразу стало ясно, что эти ребята, очень похожие на примитивных роботов, не остановятся ни перед чем, чтобы выполнить свой долг до конца, даже если он будет для них ужасным. Поэтому он сразу же оставил надежду хоть как-то разговорить их и общался только с Хорьком, служившим теперь у него в качестве ординарца. С этой ролью тот справлялся легко, предваряя любое желание своего начальника, даже если оно ещё им только обдумывалось, но не озвучивалось. Хорёк мог достать всё необходимое для создания определённого комфорта, начиная от фляжки со спиртом или дефицитной тушёнки и заканчивая тёплыми, богато расшитыми разнообразными узорами одеялами, без которых по ночам было достаточно прохладно. По привычке он, конечно же, приворовывал, и это было рискованно. Красть у своих в уголовной среде считалось тягчайшим преступлением. Но Хорёк всё делал настолько виртуозно, что подозрений на него не падало.

По жизни Хорёк был типичной “шестёркой”, но обязанности свои выполнял не подобострастно, а с известной долей достоинства, совершенно искренне радуясь тому, что сумел вовремя угадать желание старшего. Сам же он довольствовался тем, что перепадало ему с барского стола, но и подачки принимал так, как будто делал одолжение. Одним словом, Хорёк был тем самым идеальным ординарцем, за спиной которого любой полководец мог чувствовать себя в плане быта как за каменной стеной.

Небольшой отряд дошёл до поста заградгруппы, где один из сопровождавших амбалов показал часовому выданные Дженсом пропуска. Без лишних слов им открыли шлагбаум и показали направление, по которому легче всего было добраться до музея военной истории.

Ничего интересного по пути не случилось, и спустя час четвёрка подошла к металлическим воротам, закрытым на огромный висячий замок. Максим надавил на кнопку звонка, и где-то далеко раздался звук, очень напоминавший корабельный ревун. Прошло несколько минут томительного ожидания, но на этот сигнал, способный разбудить даже мёртвого, никто не откликнулся. Тогда детины принялись колотить в ворота прикладами автоматов, делая это столь рьяно, что едва не разнесли оружие вдребезги. Эффект и на этот раз получился нулевым. Потеряв всякое терпение и надежду войти на территорию музея как нормальные посетители, Максим приказал всем отойти в сторону, а сам короткой очередью срубил замок. Лишь после этого на тропинке, ведущей в глубину двора, появился согнутый дугой старик в истрёпанной форме субмарин-боцмана. Рядом с ним шёл огромный чёрный пёс, наверняка такой же древний, как и его хозяин.

— Кто такие, чего здесь расстрелялись? — недружелюбным голосом спросил он, подойдя вплотную к воротам. Густой запах перегара совершенно явственно давал понять то, что субмарин-боцмана оторвали от очень важного занятия, которому он решил посвятить всю оставшуюся часть жизни. Вооружённые люди, похоже, не вызывали у него особого страха. Видал он и не такое и не таких, а алкоголь, недавно принятый им вовнутрь, только усиливал его пофигизм ко всему происходящему за пределами созданного им самим мира. Однако походка у старика была удивительно ровной, а речь достаточно внятной.

— Нам необходимо осмотреть ваш музей, — вежливо ответил ему Максим.

— А пропуск у вас есть? — угрюмо спросил субмарин-боцман. — У нас тут строго, только по специальным пропускам.

— Такой пропуск тебя устроит, старик? — вопросом на вопрос ответил ему один из амбалов. Он подошёл вплотную к воротам и, широко расставив ноги, демонстративно положил на плечо свой автомат.

Старик с уважением посмотрел на его сейфоподобную фигуру и, отступив на шаг, буркнул: “Вполне”.

Путь был открыт, и вся компания дружно двинулась по тропинке. Почти сразу Максим увидел первые образцы военной техники, стоявшие слева и справа на специальных площадках. Это были корабельные пушки, стрелявшие когда-то ядрами и составлявшие основную огневую мощь парусного императорского флота двухвековой давности. О том, чтобы использовать их сейчас в качестве осадных орудий, нечего было и думать: орудия не были обеспечены в необходимом количестве боекомплектom. Возле каждого из них лежало по несколько снарядов, которыми при

желании можно было стрелять, но тащить всё это хозяйство за пять километров к укреплениям Столицы из-за трёх-четырёх выстрелов — только сместить её защитников. Да и крепостным стенам эти ядра — как слону щелчки.

— Чего ищете-то? Может, я подскажу чего, — спросил у Максима старик, увязавшийся за компанией и уже успевший понять, кто здесь старший и что эти люди пришли сюда не с праздным интересом, а с вполне определённой целью.

Максим и сам не знавший, что определённо ему нужно, повернулся на голос и тут же заметил за густо растущими кустами нечто такое, отчего сразу же понял: они не зря сюда пришли. В десяти шагах от него стоял самый настоящий танк. Именно на таких, достаточно лёгких и скоростных машинах с мощным вооружением разъезжали береговые патрули.

— Откуда он здесь? — спросил он у субмарин-боцмана, кивая в сторону кустов.

— Танк-то? Так это наши доблестные десантники года три тому назад во время высадки на вражеское побережье отбили у неприятеля в неравном бою. Я как раз заканчивал службу, так экипаж моей субмарины и отличился. Два танка мои “кайманы” сумели подбить, а этот захватили в целости и сохранности. Потом его на транспортной лодке домой доставили. Хотели скопировать для наших внутренних нужд, ну там ежели подавлять бунт придётся, или ещё чего, но что-то там у инженеров не пошло, так они его сюда и сдали. С тех пор он здесь и ржавеет, а жаль, потому как трудов на него затрачено было, страшно сказать.

Максим обошёл находку и внимательно оглядел её со всех сторон. Даже этот поверхностный осмотр показал, что трофеями в императорском военном музее дорожили. Ходовая часть исправна, разве что необходимо было подтянуть траки. Максим одним прыжком взобрался на корму, открыл командирский люк и перекинул ногу вовнутрь. Хорёк был уже рядом, подавая руку для опоры. Амбалы также подошли поближе, с интересом наблюдая за происходящим.

— Слышь, дед, а снаряды к этой коробке есть? — спросил Максим, сидя верхом на башне.

— Есть, как не быть, — ответил старик. — Все до единого находятся на складе. Только он закрыт и опечатан.

— Пусть тебя это не волнует, — сказал Максим. — Нам там кроме них ничего больше не нужно. Только их, да ещё бочку горючего.

— А вот этого нет, тут уж не обессудьте.

— Ясно, — откликнулся Максим. — Ну что ж, нет так нет, будем искать. Так, парни, слушай боевой приказ! Где хотите, а чтобы в ближайшее время нашли мне топливо. Задание понятно?

Амбалы молчали, затем один из них сказал:

— Нам, это... не позволено оставлять вас. Обязаны быть при вашей особе неотлучно.

— Хорошо, пусть один остаётся, а другой отправляется на поиски. И побыстрее, если не хотите, чтобы я доложил о вашем отказе выполнять мои приказы Их Величеству, — раздражённо сказал Максим и исчез в башне.

Когда он с перепачканным в смазке лицом, но довольный произведённым осмотром, высунулся из люка, возле танка стоял лишь один сопровождающий. Второй, видимо, побежал выполнять приказ.

Глава 10

— Хорёк, ну долго вы там будете ещё возиться?! — крикнул Максим из открытого люка.

— Щас, барон, ребята уже заканчивают, — отозвался ординарец, контролировавший процесс погрузки в танк снарядов. — Чутьочку осталось.

Максим пальцем сбил шлемофон на затылок и вытер пот со лба. За те пять суток, что его отряд находился в музее, была проделана огромная работа по восстановлению боевых возможностей трофейного танка. Двигатель разобрали до последнего винтика, просмотрели, нет ли каких дефектов, и вновь собрали. Здесь всё оказалось предельно просто и надёжно. Что-то, а бронетанковую технику в Стране Отцов умели делать очень качественно. Затем пришёл черёд пушки и пулемётов. Они также были в порядке, но нуждались в чистке. Эта крайне утомительная процедура была поручена амбалам. Те поначалу решили только создать видимость работы и, несколько раз прогнав банник по каналу ствола, доложили о том, что всё готово. Максиму пришлось, подобно придиричвому, но справедливому капралу, объяснить филонам всю важность чистоты оружия перед боем, после чего заставить их более тщательно подойти к своим обязанностям. Наконец часа через полтора, когда с ребят сошло семьдесят семь потов, им было милостиво дозволено перекурить. Полученный урок не прошёл даром, и амбалы выдраили так пулемёты, что они, как сказал Хорёк, «блестели и пахли одеколоном “Букет Столицы”». Так что, собственно, танк был готов к походу уже к концу второго дня их командировки. Гораздо больше времени заняло изготовление «хобота» и «хвоста» — специальных приспособлений, о необходимости которых Максим подумал, когда представил, как танк будет преодолевать ров. Можно, конечно, обойтись и без них, забросать в нужном месте канаву камнями или пробросить колейный мост. Но всё это потребует много времени и, конечно же, привлечёт внимание защитников крепости, которые наверняка заинтересуются активностью неприятеля и переведут на данный участок дополнительные силы. И тогда прощай фактор внезапности, который в плане Максима играл очень значимую роль. Да и без жертв не обойтись, а они, в условиях недовольства действиями командования, очень нежелательны. Лучше уж потратить ещё некоторое время и лучше подготовиться к операции, которую Максим уже окрестил «Троянский конь».

«Хвост» и «хобот» были просты по своей конструкции, но для их изготовления потребовалось найти нужные материалы, сварочный аппарат и достаточно много необходимых инструментов. Всё это предоставил субмарин-боцман — при музее имелась неплохая мастерская. Но основную работу пришлось делать самому, так как его соратники, за исключением Хорька, были способны лишь принести-подать.

Кроме приспособлений, необходимых для преодоления рва, Максим усилил броневую защиту танка, для чего навесил на него некоторое количество стальных экранов, снятых с других экспонатов. Вес машины несколько подрос, а скорость, по идее, должна была снизиться, но решающего значения для успеха операции этот факт не имел. Даже напротив, усилив защиту, Максим страховал себя от таких неприятных неожиданностей, как наличие у горожан чего-то вроде базуки, которая могла выстрелить и поразить танк в самый неподходящий момент.

Параллельно со всеми работами Максим занимался ещё одной, совершенно секретной — подготовкой своего тайного убежища в боевом отделе танка, где ему необходимо было остаться как в “троянском коне” и сыграть роль “хитроумного Улисса” после того как машина всё же будет “подбита”. Свободного места было немного, но Максим нашёл небольшую нишу, где можно было, скрючившись в три погибели, перележать без движения какое-то время. Своё убежище он отгородил гибким пластиковым листом, который выкрасил под общий фон. Теперь туда можно было быстро юркнуть, схоронившись до поры до времени.

Наконец Хорёк крикнул, что у них всё готово.

— По местам! — скомандовал Максим. — Сейчас я вас с ветерком...

Он высунулся из люка, отсалютовал поднятым вверх большим пальцем субмарин-боцману, который в эти дни был ему верным помощником, успев привязаться к деятельному барону Турренсоку.

— Пока, старик! Будет угодно богам — увидимся! — крикнул он и нажал на стартер.

Двигатель взревел, Максим осторожно и плавно направил танк по центральной аллее в сторону открытых ворот, а как только миновал их, дал полный газ. Танк рванул вперёд, подобно легковому автомобилю, мягко покачиваясь на неровностях грунтовой дороги. Максим немного поманеврировал, потом сделал остановку и усадил на своё место Хорька. Именно ему надлежало сыграть роль механика-водителя в предстоящем деле. Ординарец быстро понял, что к чему, и спустя час уже управлял танком не хуже своего командира.

— Ты чем думаешь заняться после этой заварухи? — спросил его Максим, перекрывая рёв двигателя.

Хорёк посмотрел ему прямо в глаза, потом потупился и едва слышно ответил:

— Не знаю, наверное, опять пойду воровать. Другого я ведь ничего делать не умею.

— Дай сейчас же клятву, что завяжешь, и я тебя возьму в личные шофёры, — сказал твёрдым голосом Максим. — Немного подучишься только. А может быть, и ещё что-нибудь придумаем.

Хорёк посопел.

— Ну, положим, до конца заварухи нам ещё дожить надо, — сказал он, глядя в сторону. — Но если уцелеем, и вы не отмените своего предложения, то сочту за честь служить вам в любом качестве, хоть шофёром, хоть лакеем. А завязать я обещаю. Это не так сложно. Мне самому это дело уже порядком обрыдло. А что делать, если после смерти моего папаши мне как-то семью кормить нужно было. Вот с семи лет и приобщился.

— Замётано, — подвёл итог Максим. — Ладно, давай на максимальной до той ямы и попробуй ещё раз через неё.

Хорёк мастерски подлетел к яме и, немного сбавив скорость, перебрался на другой край. “Хобот” и “хвост”, выполнявшие роль дополнительных опор, справились со своей задачей на сто процентов.

— Лихо, — похвалил Максим. — Молодец, ничего не скажу. Так, ты пока переходи, а мне нужно проверить вооружение.

Он поднялся и прошёл к башне, возле которой, ухватившись за поручни, сидели бледные, как бумага, шкафоподобные братья-амбалы. Похоже, что Хорёк их укатал.

— Слезайте пока и отойдите в сторонку, — сказал им Максим. — Я хочу пострелять.

Амбалы посмотрели на него и, вероятно, заподозрив в таком приказе желание от них избавиться и угнать танк куда подальше, дружно помотали головами, не в силах произнести ни слова.

— Ну не хотите, как хотите, — махнул на них рукой Максим. — Моё дело предупредить. Уши хоть прикройте — оглохнете.

Он влез в люк наводчика, прильнув к окулярам прицела, нашёл цель — старое сухое дерево, после чего зарядил пушку, ещё раз хорошенько прицелился и нажал на спуск. Грохнул выстрел, и “мишень” разлетелась мелкой щепой в разные стороны. Проверка пулемёта также не заняла много времени. Оружие находилось в полном порядке и было отлично пристреляно. Максим выпрыгнул наружу, мельком глянул на державшихся за уши амбалов и спустился к Хорьку.

— Ну всё, я закончил, можно двигаться, — велел он. — Только не гони, а то парни нам всю машину заблюют. На них уже сейчас смотреть страшно.

Хорёк коротко хихикнул и тронул танк вперёд на самой малой скорости. Они уже почти подъехали к передовым позициям, когда Максим дал команду остановиться за невысоким холмиком и заглушить двигатель. Он поманил к себе одного из амбалов, и когда тот спустился, сказал:

— Сейчас двигай к Их Величеству и с глазу на глаз скажи ему, что у нас всё готово для решающей атаки. Постарайся убедить его в том, чтобы он пришёл сюда с минимальным количеством людей. Нам нужно чётко определить порядок наших действий, а лишние уши в таких делах — только помеха. Ты всё понял?

Детина кивнул и быстрым шагом отправился в лагерь. Не прошло и получаса, как он вернулся вместе с Дженсом и двумя его телохранителями. Приблизившись, принц широко раскинул руки и улыбнулся.

— Я верил, что вам удастся всё сделать как надо, барон. Где вы нашли это чудо техники?

— Там, где и хотел, в музее. Трофейный танк. Мне кажется, властитель должен лучше знать свои владения и всё что в них находится.

— Всё знать невозможно. Тем более — я ещё не властитель. Всё ещё может повернуться, так или иначе. На все воля великих Богов-Создателей. Но ближе к делу. Так, значит, при помощи этого... — Дженс похлопал танк по броне, — вы хотите одолеть неприятеля?

— Да. Именно для того я и позвал Ваше Величество, чтобы обсудить мой план и, если возникнет необходимость, скорректировать его.

— Хорошо, говорите, что вы придумали.

— У Вас есть с собой план крепости?

— Да, конечно, — Дженс достал из кармана схему и развернул её.

Максим взял из рук принца бумагу и увлёк его немного в сторону. Несколько минут они о чём-то оживлённо беседовали, и чувствовалось, что Дженса этот разговор очень заинтересовал. Он внимательно слушал, кивал головой, а то вдруг принимался спорить, размахивать руками. Наконец они закончили и вернулись к танку.

— Всё, мы пошли, — сказал Дженс. — Пока отдохните, подкрепитесь. Там кое-что принесли... Значит, сигнал две ракеты, после чего вы начинаете. Ну, до свидания! — он обнял Максима, прижал к себе и шёпотом добавил:

— Я очень на вас надеюсь, слышите? — после чего легко оттолкнул его от себя, круто повернулся и, не оборачиваясь, пошёл в лагерь.

Пока подчинённые отдавали должное яствам со стола принца, Максим прилёг в тени танка. Есть ему не хотелось, а вот отдохнуть бы совсем не помешало, потому как за эти дни спать ему довелось совсем мало, да и то урывками. Он предупредил Хорька, чтобы тот не зевал, и когда увидит две ракеты, разбудил его.

Максим сразу же провалился в сон и очнулся лишь тогда, когда ординарец легонько потряс его за плечо:

— Просыпайтесь, барон, ракеты...

Сон слетел тут же. Максим посмотрел в темнеющее небо и увидел там только след от погасшего сигнала.

— По местам! — подал он короткую команду и, обратившись к своим телохранителям, добавил:

— Вы доезжаете до поста и там спрыгиваете. Остальное мы сделаем сами.

Хорёк уже завёл машину и ждал сигнала к движению. Максим уселся на своё место и скомандовал:

— Вперёд, возле поста сделаешь короткую остановку.

Хорёк развернул танк и погнал его по тропинке. Максим высунулся из люка, подставляя лицо прохладному ветерку и сбрасывая с себя остатки сна. До него уже доносились звуки боя: треск автоматных очередей и разрывы ручных гранат слышались всё сильнее. Они доехали до поста, где возле часового охранники спрыгнули на землю. С этой точки вся панорама сражения отлично просматривалась. Максим видел, как, преодолев ров, к крепостной стене, стреляя на ходу, устремились штурмовые группы. Наступление шло сразу на двух участках, которые находились вдалеке от ворот. Медлить дальше было нельзя.

— Хорёк, давай сейчас на полной до рва, аккуратно через него переправляйся и газуй на ворота. Как только почувствуешь запах дыма — тут же уходи через десантный люк, а обо мне не беспокойся. И не вздумай послушаться — завалишь всё дело. Ты понял?

Верный ординарец кивнул в знак полного понимания и, не дожидаясь ещё одной команды, с ходу рванул вперёд на максимальной скорости. Максим же зарядил пушку и принял к окулярам прицела, высматривая возможную опасность. Их появления никто не ждал. И защитники Столицы, и солдаты Дженса отродясь не видывали у себя на Островах такого чуда-юда, как танк, и, не зная чего от него можно ожидать, лишь оторопело наблюдали за его движением. Однако первый снаряд, выпущенный Максимом и разорвавшийся в одной из амбразур, быстро привёл всех в чувство. Атакующие, почувствовав могучую техническую поддержку, радостно взвыли и с ещё большим остервенением рванулись к стенам. В рядах осаждённых, особенно после второго снаряда, угодившего в крепостные ворота, мгновенно возникла паника. Воротам не был причинён какой-то особенный ущерб — осколочно-фугасная граната была не в силах пробить мощную плиту, но грохот вызвала порядочный.

Хорёк под этот шумок уже добрался до рва и осторожно переправлялся через него. "Хобот" плотно лёг на противоположную стенку колёсами, которые при помощи гусениц начали двигаться вперёд. Вот и они достигли цели, и теперь танку помогал "хвост", на конце которого были такие же колёса, как и на "хоботе". Рывок — и бронированная машина, преодолев

препятствие, устремилась к воротам. Ещё один выстрел — и вновь ворота загудели тревожным набатом. Теперь Максим внимательно наблюдал за всем, что происходило на стене. Вот справа появился человек, стреляющий по танку из автомата. Короткая пулемётная очередь заставила его спрятаться. Слева выглянул ещё один защитник с гранатой в руке. Пусть бросает её, она не принесёт никакого вреда, но даст возможность выполнить задуманное.

Взрыв прозвучал на корме, и в тот же момент Максим поджёл дымовую шашку. Она занялась сразу, и через несколько секунд дым уже клубился вовсю. Звякнул десантный люк — это Хорёк, прикрываясь завесой, побежал спасаться. Пора было подумать и о себе. Под восторженные вопли, раздавшиеся со стен, Максим скользнул в своё убежище и притих там.

Лежать, согнувшись в три погибели, было страшно неудобно. Приходилось терпеть и прислушиваться к тем звукам, которые доносились извне. Судя по ним, защитники Столицы, воодушевлённые успехом, продолжали вести активные действия против неприятеля, который от паники уже переходил к беспорядочному бегству. Пока всё шло так, как и задумывал Максим. Вскоре он получил ещё одно подтверждение правильности своего плана — по броне зацокали подковки сапог, и вслед за этим кто-то спустился в боевое отделение. Вначале совсем рядом слышалось лишь тяжёлое дыхание, а затем раздался голос:

— Давай сюда, здесь никого нет.

Теперь “гостей” было двое. Первое время они, похоже, осматривались, знакомясь с незнакомой техникой. Потом тот, что проник в танк первым, произнёс:

— Как стрелять из пушки и пулемёта — ясно, а вот как развернуть эту сферу?

— Может, нужно вращать это колесо? — сказал второй. — Ну-ка, дай я попробую.

Легко заскрипело колесо поворота башни, и это означало, что “гости” идут по верному пути.

— Стой! — приказал первый. — Нормально. Дай я прицелюсь.

На несколько секунд воцарилась тишина, а затем грохнул выстрел. Судя по довольным восклицаниям, последовавшим после этого, они куда-то попали. Дальше стрельба пошла гораздо быстрее, а возгласы стали более деловитыми, наверняка попадания стали привычными.

— Бегут! — воскликнул первый. — Давай-ка, вон в ту кучу.

Грянул очередной выстрел.

— Здорово! — выкрикнул второй. — Теперь они не скоро очухаются!

— Всё, хорошо! Нужно поберечь снаряды.

— А с машиной что будем делать?

— Тут её бросать нельзя, всякое ведь может быть. Нужно её как-то втянуть за ворота.

Максим, лежавший тише пыли, внутренне возликовал. Эти ребята, похоже, читали его мысли.

— А как мы его туда втащим? — спросил второй. — Нет времени разбираться с тем, как он заводится, уже почти темно.

— Можно попробовать лебёдкой. Поднять ворота, застопорить, потом отсоединить от них трос и прицепить к этой банке. Там мощность большая — должна справиться.

— Хорошо, пошли.

Опять стало тихо, и Максим, лежавший в полной темноте, позволил себе немного расслабиться и даже задремал. Разбудили его громкие голоса, затем танк качнулся и медленно пополз. Через несколько минут движение прекратилось, а гул восторженных голосов стал ещё громче. “Народные гуляния по поводу победы, — усмехнулся Максим. — Ну погуляйте, недолго уже осталось”. Он поднёс к глазам часы со светящимся циферблатом. До контрольного времени оставалось три часа и сорок три секунды. Уже сейчас штурмовые группы готовятся к предстоящему штурму, который должен стать решающим. Максим на мгновение представил, что станет с защитниками крепости, когда толпы озверевших уголовников ворвутся в город, и по спине его пробежал озноб. Страшная эта штука — гражданская война, когда брат идёт на брата, готовый уничтожить его полностью, так, чтобы не только следа, но даже воспоминания не осталось.

Шум продолжал нарастать, видимо, посмотреть на трофейную диковинку подходило всё больше и больше народа. Но в танк никто не лез, или из-за простой боязни чего-то неизвестного, или не подпускала охрана.

Лёжа в своём тесном и неудобном убежище, Максиму ничего больше не оставалось, как прислушиваться к пьяным голосам. Преобладали выкрики “Победа!” и здравицы в честь нового императора Агана. Но удалось разобрать и кое-что другое. Например, то, что неприятель наголову разбит, позорно бежал, а Дженсу скрываться от справедливого возмездия осталось недолго. Кричали и про то, что защитникам Столицы удалось захватить богатые трофеи, в том числе богатый винный запас “самозванца” Дженса.

Спустя час гомон на улицах начал постепенно стихать, а затем и вовсе прекратился. Максим подождал ещё некоторое время и наконец, решившись, выбрался из ниши. Он привёл тело, затёкшее от неподвижного лежания, в порядок и бесшумно пролез к десантному люку, который после бегства Хорька никто и не подумал закрывать. Максим змеей выскользнул наружу, некоторое время лежал между гусеницами, успокаивая бешено колотящееся сердце и давая возможность глазам привыкнуть к темноте.

Наконец он двинулся вперёд и почти сразу же понял, что попал в очень необычное место. Танк притащили на довольно большую площадь, которая теперь была буквально завалена телами. Здесь вповалку лежали мужчины и женщины, но все они не были мертвецами. Отовсюду доносились густой храп, причмокивание и неясное бормотание, говорившие о том, что людей внезапно и совершенно неожиданно для них самих охватил тяжёлый сон.

Максим решительно ничего не мог понять. Конечно, можно праздновать и радоваться, плясать от души, а потом падать от усталости и мгновенно засыпать. Всё это можно как-то понять, если бы речь шла о каком-то частном случае, но здесь же налицо было массовое “выпадение в осадок”. Опыт подсказывал Максиму, что такое возможно только в одном случае — когда на толпу оказывается внешнее воздействие. Так было в Стране Отцов, где при помощи специального излучения подавляющему большинству населения внушались “правильные” мысли относительно политики правительства и прекрасной жизни в государстве, в то время как действительность была, мягко говоря, совсем не радужная. Какое-то время, пока излучение врубали на полную мощность, люди неистово радовались жизни, пели и прыгали от восторга. Многие падали в обморок от чрезмерного напряжения. Так что здесь картина, в общем-то, похожая. Но каким образом воздействовали на местных жителей, не излучением же?

Максим нагнулся к одному из спящих, богатырского вида мужчине, храп которого выделялся среди других. Густой винный перегар ударил ему в ноздри, и тогда многое стало понятным. «Ай да Дженс, ай да сукин сын! — подумал он. — Наверняка эти люди пили то самое вино, которое захватили в нашем лагере. И кандидат в императоры догадался подсыпать в него какое-то мощное снотворное! Ну что же, это только облегчает мою задачу. Вот только интересно, есть ли в этом сонном царстве бодрствующие?» — подумал Максим и, приглядевшись, увидел вдалеке несколько фигур, бродящих по площади. Это могли быть обычные мародёры, но встречаться с ними или с кем-то другим не входило в планы Максима. Он пригнулся и по бороздам танковых гусениц направился прочь с площади. Следы должны были неизбежно привести его к воротам.

Однако, пройдя метров триста, он понял, что его опасения были не напрасны. Свет костра и негромкий разговор свидетельствовали о том, что дисциплина в армии Агана отнюдь не хромала. Моряки-подводники, вынужденные временно воевать на суше, привычно несли караульную службу, не отвлекаясь на такие мелочи, как празднество по случаю великой победы. Теперь надлежало действовать осторожно.

Максим, плотно прижавшись к стене, подобрался поближе к караульным. Вокруг костра сидело с десяток моряков, негромко обсуждая недавнюю викторию.

— Не рассчитали они своих силёнок, — говорил пожилой вояка, наверняка побывавший во многих переделках. — Вот если бы у них получился этот трюк с машиной, сумели бы сломить ворота, тогда другое дело. С воодушевлённым противником воевать сложно. Хлынули бы вслед за своей коробкой, как саранча, что бы нам делать? Но не судьба — подбили машину, тут у них и упадок сил приключился. А кто, кстати, её грохнул?

— Да этот, как его... Сиода, кажется, из третьего экипажа, — ответил сидевший рядом матрос. — Стручок, первогодок, а смотри-ка, не испугался, задулил гранатой в железного дракона. Теперь наверняка из рук самого Их Величества награда будет, повышение в чине, да и отпуск на родину. Везёт же некоторым! Я вот уже третий год служу, а кроме внеочередных нарядов ничего не знал.

— Удача — она и есть удача, — вздохнул ветеран. — Одним она сама в руки идёт, а другим никак не даётся.

Максим оценил свои шансы. С десятью или даже большим количеством бойцов, если действовать неожиданно, он бы справился. Однако без шума здесь не обойтись, и тогда со стен могут сбегаться ещё человек сто, не меньше. Столько ему не одолеть, особенно если учесть, что начнётся стрельба. Значит, нужно действовать хитростью и быстро, потому что штурмовые отряды уже ждут в нетерпении. Что в такой ситуации можно придумать? Частенько в такие моменты мозг начинает думать в ускоренном режиме и иногда решение даже самой сложной задачи приходит неожиданно быстро. Этот случай не стал исключением.

Максим бесшумно вернулся на площадь и подошёл к тому самому здоровяку с мощным перегаром.

— Извини, братишка, — пробормотал он, приподняв спящего и снимая с него его куртку. — Мне она сейчас нужнее. Как-нибудь при случае постараюсь вернуть.

Он сбросил с себя свой форменный китель и переоблачился в экспропрированную куртку. Новый наряд дополнила широкополая соломенная

шляпа, валявшаяся неподалёку. Теперь обратно к воротам. Выйдя на открытое место, Максим, изображая пьяного, направился напрямик к костру. Заметив его, матросы прекратили беседу и уставились на подошедшего.

— Эй, ты откуда, красавец!? — окликнул его пожилой матрос.

— Здорово, мужики! — пьяным голосом выкрикнул Максим. — Вы тут мою собачку не видали?

— Какую тебе ещё собаку, чучело!? — воскликнул ветеран. — Ты ведь едва на ногах держишься. Иди — проспись, а твоя сучка сама домой прибежит.

— Она не сучка, а кобель, — возразил Максим. — Породистый, вот такого размера. — Он показал рукой себе на пояс. — Специально откармливал к празднику, а он сбежал. Теперь не знаю, что делать. Жена мне за него голову оторвёт.

— Собачка? Ничего себе! — заржали вразноголосицу моряки. — А твоего кобеля, случаем, не Бычком кличут?

— Нет, не надо смеяться, мне и так нехорошо. Люди сказали, что мой пёсик побежал к воротам. Можно я здесь у вас поищу? — Максим сделал несколько шагов по направлению к стене, пошатнулся и едва не упал.

— Эй, эй, сюда нельзя! — крикнул ему молоденький матрос, поспешно подбежав и пытаясь поддержать. Но не сумел, Максим удачно рухнул под самую стену, туда, где темнота делала его невидимым.

Матросик попробовал было поднять упавшего, но у него ничего не получилось. С тем же успехом он мог бы попытаться сдвинуть бетонную сваю.

— Что с ним делать, господин субмарин-лоцман? — спросил он. — Тяжёлый, зараза.

Субмарин-лоцману ужасно не хотелось уходить от тепла костра и возиться с каким-то пьяным. Чего его бояться...

— Да брось его, — проворчал. — Проспится — сам уйдёт.

Бдительность была утрачена, и данным обстоятельством необходимо воспользоваться.

— А если господа офицеры увидят? — спросил матросик.

— Они сейчас сами от радости под самую ватерлинию налились. Раньше чем к завтрашнему ужину в себя не придут. А там опять продолжают праздничный банкет. Кстати, чего там этот придурок про свою собачку говорил? Никто её не видел? Сейчас бы мяска на углях запечь, в самый раз.

Ответом ему было молчание. Потом кто-то предположил:

— Наверное, она в суматохе за ворота сбежала, да там и осталась? Может, поднять чуть-чуть да позвать.

Субмарин-лоцман заколебался. Какие-то остатки дисциплины, вбитые в него очень давно офицерским стеком, сейчас не очень активно боролись с подступившим голодом. Максим, оставшийся без присмотра, понял, что необходимо как-то ускорить процесс созревания старого служаки. Он вскочил на ноги и с ловкостью обезьяны вскарабкался на крепостную стену, которая с внутренней стороны не была гладкой, а напротив, имела очень много впадин, за которые так удобно было цепляться. Перевесившись на ту сторону, Максим коротко и отчётливо тявкнул по-собачьи и тут же вернулся на исходную позицию. Караульные не могли видеть этого манёвра — пьяный бюргер был скрыт от них каменной лестницей, ведущей на стену. Но, услышав собачий голос, они насторожились.

— Кажется, кобель и впрямь там, — произнёс один из них.

— Давай, поднимай ворота, — сдался субмарин-лоцман. — Сейчас мы его отловим. Эй, вы двое, к лебёдке марш!

Караульные кинулись куда-то в сторону, где вскоре раздался скрип двери, а вслед за этим броневой щит ворот медленно пополз вверх и остановился, достигнув высоты человеческого роста. Но в тот же миг перед субмарин-лоцманом и его командой вместо ожидаемого ими пса появились люди в маскировочных костюмах с короткими десантными автоматами наперевес. Караульные не успели произнести ни единого звука, как оказались уложенными на землю. Только после этого Максим отважился выйти из темноты поближе к костру. Заметив его, командир десантников, не скрывая восхищённого взгляда, шёпотом произнёс:

— Прекрасно, барон! Выше всяческих похвал! Вы сделали работу целой армии. Нам остаётся только довершить начатое и занять город. Думаю, что больших потерь теперь не будет. А вы отдыхайте.

Он повернулся к воротам и махнул рукой. Повинуясь этому знаку, из темноты начали выходить отряды “разгромленной” армии Дженса. Они шли сплошным потоком и конца им не было видно. Максим, по-прежнему стоявший в сторонке, неожиданно для себя представил возможное развитие дальнейших событий. Воображение нарисовало ужасную картину, заставило сжаться сердце, перехватило дыхание. Он почувствовал себя преступником, с руками по локоть запачканными в крови горожан, вся вина которых заключалась лишь в том, что они сейчас живут здесь и на них автоматически распространяется клеймо врагов. Пока ещё возможно что-то сделать, предотвратить неизбежное зло — необходимо как-то действовать. Убедить Дженса не допустить массовых грабежей и насилия по отношению к мирным жителям.

Максим сорвался с места и, протиснувшись между стенкой и солдатами очередного отряда, бегом отправился на поиски принца.

Глава 11

Под ногами похрустывало битое стекло, тротуар был завален мусором — рваным и грязным тряпьем, бумагой, мелкими предметами домашнего обихода, не представляющими никакой ценности для солдат-победителей. Впрочем, называть их так можно лишь с известной долей иронии — по сути своей они так и остались урками разного калибра, которые, как только представилась возможность, тут же начали грабить мирных жителей, а при малейшей попытке оказать им сопротивление убивали любого, кто вставал у них на пути.

Максим шёл вперёд по направлению к императорскому дворцу, с трудом вдыхая столичный воздух, насыщенный дымом многочисленных пожаров, сопровождавших грабежи. Ему не удалось прорваться к Дженсу сразу после входа войск, чтобы постараться предотвратить бесчинства озверевших от крови и безнаказанности уголовников. Никто тогда не мог точно указать местонахождение принца, и лишь когда рассвело, Максим понял, где можно найти его. Именно со стороны императорского дворца доносилась интенсивная стрельба — видимо, ставка Агана до сих пор ещё не была взята, и там шёл последний бой.

Где-то совсем рядом, во внутреннем дворе, страшно закричала женщина, взмахнув залаяла собака. Короткая автоматная очередь оборвала призыв о помощи на самой высокой ноте.

Максим поморщился, не в силах что-то предпринять в этой ситуации, и пошёл дальше. Убедить сейчас пьяных лагерников образумиться —

это всё равно что просить милостыню у нищего сироты — не поймут. А начать наводить порядок при помощи оружия, так придётся расстреливать всех подряд — ситуация уже вышла из-под контроля. Да её, собственно, никто и не пытался контролировать, всё было пущено на самотёк. Кстати об оружии. Максим вдруг осознал, что в руках у него ничего нет, а автомат или, на худой конец, пистолет, ему ещё предстояло где-то добыть. На этих улицах становилось небезопасно — могли шлёпнуть в равной степени как свои, упившиеся до положения риз, так и какие-нибудь народные мстители.

Максим прошёл ещё пару кварталов, увидел открытую дверь харчевни и понял, что если сию минуту не съест хотя бы кусок хлеба и не выпьет стакан воды, то просто не сможет двигаться дальше. Он перешагнул низкий порожек и очутился в достаточно большом и полутёмном помещении, где за столами уже не было свободных мест — группа солдат вовсю праздновала взятие столицы.

— Ба, да это же сам Барон! — раздался громкий возглас откуда-то из глубины. — Виват!!!

Максим увидел обращённые к нему со всех сторон лица. Через мгновение помещение огласилось дружным рёвом. Все вскочили на ноги, каждый тянулся к нему со своей кружкой, желая непременно выпить с героем. Максим сквозь силу улыбнулся, подождал, пока восторги несколько поутихнут, затем взял у одного из солдат ёмкость с вином и поднял её над головой.

— За победу! — произнёс он негромко. — И за нашу свободу. Мы добыли её в бою, и всё было по-честному. — Сказав это, Максим залпом выпил вино, поставил кружку на стол, схватил с тарелки кусок мяса, рванул его зубами и с набитым ртом добавил: — Фу, до чего же хорошо. Кажется, не ел уже целую вечность.

Солдаты дружно захохотали, как будто услышали отличную остроту. Максима усадили за стол, налили ещё вина, положили в отдельную тарелку мяса и вообще постарались окружить вниманием и заботой. Но через несколько минут, когда все вновь вернулись к прерванной трапезе, о его существовании забыли. Максим, успев подумать о мимолётности славы, поглощал еду и слушал похвалу соседей по столу.

— Подходим к одному особняку, — говорил здоровяк с лицом, изрытым оспинами. — Видим, по всему хозяин зажиточный, взять будет что. Ну, значит, стучим по-культурному, чтобы открыли. Тишина, как будто все вымерли. Раз такое дело — открываем сами. Отмычка у нас универсальная, спасибо Дженсу. — Он показал на автомат, и окружающие с пониманием заржали. — Вошли, осмотрелись, оказывается, все дома, но гостей принимать не желают. Я им так вежливо объясняю, мол, гоните цацки, какие есть, и не вводите во грех. Молчат. Тогда я выхватываю из толпы девчонку лет восьми и ещё раз вежливо объясняю, что или у них сейчас будет обычная драма, либо великая трагедия. Поняли. Хозяин спустился в подвал и притащил шкатулку. А там! И брюлики разные, и монетки золотые ещё довоенной чеканки. У ребят аж глазёнки разбежались в разные стороны. Вот так мы сегодня забогатели. Кто как, а лично я, когда кончится вся эта заваруха, открою своё дело. Пока, правда, не решил чем займусь, или ресторан со стриптизом, или публичный дом.

— А мы с Глистом сегодня нашли двух сестрёнок, — поддержал тему щедедушный человечек, сидевший за другим концом стола. — Девки справные, пальчики оближешь! Я таких раньше только в журналах видел.

Вначале ломались, ну мы им тогда с Листом свои аргументы предъявили. Вначале тот, который у тебя отмычкой называется, а потом и другие достали.

Максим не встречал в разговор, а, насытившись, постарался незаметно выскользнуть из харчевни.

Завернув за угол, он увидел на тротуаре тело первого погибшего. На молодом парне, уткнувшемся лицом в асфальт, была морская форма курсанта-подводника. Карманы её оказались вывернутыми — солдаты Дженса не теряли времени попусту. Максим задержался подле трупа на несколько секунд, посмотрел, нет ли рядом с убитым оружием и, не найдя, продолжил путь. Видимо, с этого места и начался настоящий бой за Столицу. Немногочисленные и разрозненные сторонники Агана отступали к дворцу, где, пользуясь его крепкими стенами, организовали оборону.

Чем ближе Максим подходил к конечному пункту, тем больше трупов ему стало попадаться. В одном месте павшие лежали тесной группой. Их было не менее пятнадцати человек, причём среди них находились и недавние заключённые, и солдаты из заградотряда. Судя по всему, всех их скосило одной пулемётной очередью, и Максиму не составило труда определить место, из которого её выпустили. Стреляли из укрытия, оборудованного в летнем кафе — там, за несколькими мешками с песком, лежал ещё один курсант-подводник, расстрелянный в упор несколькими автоматными очередями. Патронов не жалели, тело паренька было разорвано пулями в клочья. Максим проверил пулемёт. Он был в полном порядке, вот только патронов к нему не было — стрелок расстрелял их полностью и, видимо, тогда же его и прикончили, уже не опасаясь. Невдалеке, в разбитом окне первого этажа, виднелась светлая голова ещё одного стрелка. Этот наверняка погиб от взрыва гранаты. Максим перевесился через подоконник и увидел то, что искал. На полу валялся короткий десантный автомат со снаряженным магазином. Теперь, имея в руках оружие, можно было чувствовать себя спокойнее и двигаться по улицам, ежесекундно тающим в себе опасность, гораздо увереннее.

Стрельба возле императорского дворца тем временем стала ещё более ожесточённой, и Максим перешёл на ускоренный шаг, стараясь при этом контролировать возможные огневые точки в окнах домов.

Внезапно грохот стрельбы стих, и в наступившей вслед за этим относительной тишине Максим услышал приближающийся гул автомобиля. Вскоре он появился из-за угла. Это была машина, предназначенная для высших чинов флота, обычно такие закреплялись за командирами крупных соединений подводных кораблей.

Автомобиль проскочил мимо него, но тут же затормозил, дворца открылась, и оттуда появился один из амбалов, сопровождавших Максима в его танковом поиске.

— Барон! — радостно крикнул он, выскакивая на мостовую. — Какое счастье, что я вас нашёл! Садитесь быстрее, император приказал мне разыскать вас и доставить к нему.

— Ну вот, — подумал Максим, захлопывая дверцу. — Меня везут на первый приём к императору. Интересно только: казнить или продолжать миловать?”

Дворец во время штурма, конечно же, пострадал. Массивные колонны, подле которых уже стояли на посту кадровые офицеры подводного флота, оставшиеся верными Дженсу, были посечены пулями, большинство окон выбиты, но в целом повреждения не носили необратимого характера. За месяц-другой всё здесь можно восстановить до первоначального состояния.

Сопровождавший Максима амбал показал часовому пропуск, и тот, сделав уставный шаг в сторону, пропустил обоих за массивную, обитую чеканной бронзой, дверь. Они прошли по широкой главной лестнице на третий этаж, туда, где располагалась императорская приёмная. Турренсоку так высоко ещё не доводилось забираться. Во дворце он побывал лишь раз, когда после окончания училища тогда ещё отец Дженса торжественно вручал им офицерские погоны и короткие парадные сабли — символ чести и достоинства подводника. Но это происходило на первом этаже в огромном зале церемоний.

Выпускников — их тогда набралось около двухсот человек — ввели строем, сразу же приказали садиться за длинный стол, заставленный вазами с фруктами, сладостями, бутылками с лёгким игристым вином. Император появился буквально через минуту и сразу же приступил к церемонии. Вначале он поздравил всех с успешным окончанием училища и присвоением первого офицерского звания и предложил присутствующим выпить за это. Затем бывших курсантов по одному приглашали к императорскому трону, где в хорошем темпе производилось вручение кастовых атрибутов. Помнится, Турренсока охватила тогда какая-то пугающая робость, и лишь невероятным усилием воли он заставил себя не грохнуться в обморок, а чётко, по-военному подойти к царственной особе, принять из её рук саблю и погоны, отдать честь и, печатая шаг, вернуться на место...

Максим вошёл в приёмную, где уже не было заметно даже малейших признаков штурма. Секретарь при виде вошедшего сразу же вскочил со своего места и, бесшумно открыв дверь кабинета, исчез. Пока он докладывал, Максим критически оглядел себя в массивном зеркале и пришёл к выводу, что в таком мундире отныне можно заниматься лишь хозяйственными работами, скажем, очисткой подвалов, но никак не являться на приём к главе государства. Он наклонился чуть вперёд, пытаясь рукавом счистить грязь на брюках, но внезапно почувствовал, как на спину легла чья-то рука.

— Не нужно так стараться понравиться мне, барон, — раздался знакомый голос. — Вы мне дороги в любом виде.

Максим выпрямился и, увидев смеющегося Дженса, невольно улыбнулся ему в ответ.

— Оставьте в покое своё тряпье, — сказал новоиспечённый император. — Сейчас вам выдадут совершенно новый мундир. Голубчик! — обратился он к секретарю. — Организуй-ка нам в атакующем темпе портного с готовым платьем, а мы пока отдохнём от ратных дел.

Они прошли в кабинет, где на столе стояла пузатая бутылка тёмного стекла, а разнообразные закуски, разложенные по тарелочкам, источали такие дивные ароматы, что заставили Максима шумно сглотнуть слюну.

— Что, проголодались? — Дженс ещё раз добродушно улыбнулся и широким жестом пригласил гостя садиться. — Давайте выпьем за победу, а потом поговорим о том, что нам предстоит делать дальше.

Он налил в бокалы тёмное и густое, как кровь, вино.

— Ну, поехали. За нашу победу, после которой в моём государстве всё пойдёт совершенно иначе, чем при моём папаше, упокой боги его душу.

Они поднялись. Максим хотел было протянуть свой бокал, чтобы чокнуться, но, вовремя получив внутренний толчок, сдержал свой порыв. На Островах не было принято касаться кубками — перед распитием вина их просто поднимали, приветствуя сотрапезников.

Напиток огненной струей пробежался по глотке, обжёг пищевод, а спустя несколько секунд ударил в голову. Стало как-то удивительно легко и приятно.

— Отлично! — воскликнул Максим. Не дожидаясь повторного приглашения, он зацепил вилкой сразу несколько мелких грибочков и отправил их в рот. Дженс, смакуя вино мелкими глотками, молча наблюдал за ним. А Максим, не обращая внимания на придворный этикет, знакомый с детства каждому представителю дворянского сословия, продолжал быстро орудовать двузубой вилкой и успокоился лишь тогда, когда перепробовал все деликатесы.

— Ваше-ство, разрешите!? — в дверь просунулась сияющая физиономия секретаря. — Портной доставлен.

— Проси! — коротко приказал Дженс, вставая с места.

В кабинет вошёл, явно робея, невысокий пожилой человечек. Испачканные мелом рукава потёртого пиджака, висящий на шее клеёнчатый сантиметр выдавали в нём представителя сословия, снабжающего человечество высокочеловеческими предметами туалета. Портной, подслеповато шурясь, прошёл до центра кабинета, нерешительно кивнул присутствующим и остановился, сложив руки на причинном месте. На несколько секунд воцарилась тишина, которую нарушило появление секретаря, который нёс вешалку с висевшим на ней роскошным мундиром морского офицера. Максим сразу же почувствовал, что он предназначался именно для него, и всё же глаза отказывались верить увиденному: на погонах присутствовали три широкие лычки субмарин-мастера первого ранга, до которых Турренсоку, с его званием мичмана, служить бы как медному котелку. Однако Дженс развеял его сомнения.

— Ну-ка, примерьте, — сказал он, забирая у секретаря вешалку и передавая её Максиму.

— Кто, я... — растерянно произнёс он, машинально вытягивая руки по швам.

— Ну а кто же ещё!? — грозно воскликнул Дженс. — Давайте, пока я не передумал. Сбрасывайте своё тряпье, оно теперь вам не пригодится.

Максим взял мундир и, отойдя в дальний угол кабинета, начал переодеваться. Всё оказалось настолько впору, как будто портной до этого провёл не одну примерку. И всё же мастер ещё несколько минут крутил и вертел его вокруг оси, беззвучно шевеля при этом губами. Откуда ни возьмись, появился подмастерье с портативной швейной машинкой, и мундир в два счёта был доведён до идеального состояния.

— А теперь, субмарин-мастер первого ранга, соблаговолите помыться, — сказал Дженс, открывая боковую дверь. — Там есть ванна и всё, что необходимо для купания. Заметьте, ванная не какая-нибудь, а самая что ни на есть императорская. Потом внукам будете рассказывать! Только слишком не задерживайтесь, у меня к вам есть серьёзный разговор.

Максим прошёл в ванную, включил воду, добавил в неё ароматической пены и оглядел себя в зеркале. Новоиспечённый субмарин-мастер первого ранга, глядевший оттуда на него, впечатлял и чем-то даже нравился. Максим подмигнул своему отражению, и оно повторило этот mimический жест, как бы давая понять, что, мол, прорвёмся, милок, не дрейфь.

Горячая вода приятно расслабляла, а выпитое вино начало клонить в сон. Чтобы окончательно не раскиснуть, Максим включил холодный душ, пару минут постояв под ним.

Когда он вернулся в кабинет, на столе уже стояли кофейные чашки и пузатый графинчик с ликёром, а Дженс в расстёгнутом мундире восседал, задравши ноги на соседний стул, покуривая тонкую сигарету и изредка прихлёбывая из своей рюмки.

— Ну вот, — сказал он, внимательно оглядев Максима с ног до головы. — Теперь вы действительно похожи на боевого офицера. Садитесь, выпейте кофейку.

Максим присел на краешек стула, налил себе в чашку ароматнейшего чёрного кофе, отхлебнул и приготовился к разговору. Дженс некоторое время молчал и наконец заговорил:

— Вы наверняка думаете, что столь высокое звание — это лишь аванс на будущее?

Максим глянул исподлобья, но промолчал, ожидая продолжения.

— Вы правы, — не обманул его Дженс, — это действительно всего лишь аванс, да к тому же неполный. Я могу ценить верных мне людей и, если они того достойны, не скуплюсь, так что вас ещё ожидает боевая награда, которую вы вполне заслужили, как приложение к званию. Но... — он поднял указательный палец вверх, как бы подчёркивая важность момента. — Всё это предстоит отработать верной службой, а уж как она пойдёт, зависит только от вас. Вспомните, что я уже однажды говорил, — в этот момент глаза Дженса неприятно сузились, а голос понизился до свистящего шёпота, от которого моментально вспотела спина. — Я могу не только щедро награждать, но и сурово наказывать. А первое своё задание вы получите уже сейчас.

Максим вскочил, как этого требовал устав, вытянулся в струнку, но Дженс ленивым жестом показал, чтобы он опять садился.

— Сейчас ситуация в стране пока ещё очень нестабильна, — сказал он чуть глуховатым голосом. — Даже в столице порядок будет наведён лишь через несколько дней. Предстоит поставить на место мародёров и бандитов, и борьба за чистоту рядов моей армии уже началась. Кроме того, нам нужно подавить остатки мятежа в провинции и найти, а затем судить моего брата.

— Что, сбежал? — одними губами спросил Максим.

— Да, — подтвердил Дженс. — И пока мне не удалось выяснить, куда именно. Если он подался в горы, то тогда нам предстоит долгая война с горцами, которых Аган постарается привлечь на свою сторону. Если же он захватил субмарину и ушёл на ней в море, то тогда бороться с ним будет легче. Вход к нам на Острова в сто раз дороже выхода.

Дженс немного помолчал, а затем тихо произнёс:

— А теперь самое главное. В ближайшее время я готовлю налёт на побережье материка.

Максим удивлённо вскинул брови. Налёт?! На побережье?! Сейчас?!

— Именно, — подтвердил Дженс.

— Но... — слова застряли в гортани у Максима.

— Понимаю ваше недоумение, — кивнул Дженс. — Мы с древности жили пиратством, но сейчас, по вашему мнению, для этого не совсем подходящий момент, вы это хотели сказать?

— Точно так!

— Всё правильно, время для акции вроде бы неподходящее. Но откладывать её я не могу.

На лице Максима ясно читалось недоумение, и Дженс продолжил:

— Пока никаких вопросов, это потерпит. А чтобы вы не терзались любопытством, скажу: непосредственно в рейде участвовать не будете. Ваше

задание будет совсем другим. Чуть позже я о нём расскажу подробнее. А сейчас — идите, отдыхайте. Мой адъютант уже присмотрел для вас шикарную квартиру в центре города. Кстати, вам по званию полагается денщик.

— Я возьму Хорька, — сказал Максим вставая. — Привык к нему.

— Хорошо, Хорёк так Хорёк, — согласился Дженс. — Проверенный в деле денщик — это как родной отец. Кстати, а где он сейчас?

— Не знаю, он ведь ушёл из танка перед штурмом.

— Я распорядюсь, чтобы его нашли и доставили к вам на квартиру. Ладно, у меня всё, барон. Приятных сновидений.

Дженс встал, давая понять, что разговор завершён. Максим в ответ щёлкнул каблуками, отдал честь и, крутнувшись на месте, вышел в приёмную.

Секретарь вскочил, повинуясь заведённому порядку приветствовать старших по званию, сколько бы раз они перед ним ни появлялись, но Максим не обратил на это никакого внимания. Он мельком оглядел офицеров, ожидавших приёма, и задержался на одном, показавшемся ему знакомым. Всё точно, в кресле сидел тот самый тощий следователь, по милости которого он и загремел в лагерь. Их глаза встретились и несколько секунд оба сверлили друг друга ненавидящими взглядами. Следователь не выдержал и отвернулся первым, а Максим, хмыкнув, двинулся на выход.

— Ваше Величество, разрешите мне засвидетельствовать Вам моё...

— Тебе сказали в приёмной, сколько времени отпущено на аудиенцию?

— Точно так, две минуты.

— Тогда не теряй их и говори, что там у тебя важного?

— Я старший следователь Сарт, Ваше Величество. Служил верой и правдой ещё Вашему покойному батюшке. В своё время вёл дело барона Турренсока Кейзо. Видя его теперешний фантастический взлёт и приближение к Вашей священной особе, хочу предостеречь Вас от возможных неприятностей, которые могут пасть на Вашу голову при посредстве этого господина.

— Я помню тебя, Сарт. Отец упоминал о тебе как об одном из самых преданных ему людей. Но, короче, в чём дело?

— Этот Турренсок. Он не... Турренсок.

— А кто же?

— Не могу знать, Ваше Величество. Одно лишь могу сказать, что человек, который только сейчас вышел из Вашего кабинета, вовсе не тот, за кого себя выдаёт. Поверьте моему двадцатилетнему опыту службы в контрразведке, спросите моё начальство, и оно подтвердит: за всё это время я не допускал ни единой ошибки.

— То есть, прямых доказательств у тебя нет?

— Точно так, Ваше Величество, нет. Я просто хочу Вас предупредить, чтобы Вы были осторожнее с ним. Нутром чую — он способен погубить и Вашу священную особу, и Империю.

— Бред...

— Ваше Величество, заклинаю вас, будьте осторожнее. Доверьте мне следить за ним и, клянусь честью офицера, я предоставлю Вам доказательства. Награды мне никакой не нужно. Верное служение Вам — уже великая для меня награда.

— Хорошо, спасибо за рвение. Ступай, я подумаю над твоим предупреждением.

Продолжение в следующем номере.

Павел ВЛАСОВ

Шапка

Открытое письмо

Илья Михалыч, дорогой мой, здравствуйте! Пишу к Вам, чтобы разрешить один вопрос, которым я мучим... муком... мучной... который меня мучает. Надеюсь, Илья Михалыч, что Вы с высоты своих Махабхарат-туруханских знаний поможете мне понять, где у меня следствие, а где, как говорится, причина.

Три дня тому назад я обронил в Вашем автомобиле шапку. И я подумал, что на улицу мне теперь переться резону нет: без шапки и простудиться недолго, без шапки может и голову надуть... раздуть... продудосить... короче, сиди дома, подумал я. А ещё я подумал, и с совершенно другой позиции мнения, что как же это я дома буду сидеть, когда вон сколь накопилось важных и приятных дел?!. И подумав так, уважаемый Михал Ильич, понял я, что нету мне хода: дилемма меня сцопала!..

И тут случилось необъяснимое. Стоя во власти дилеммы, морща лоб от нехватки образования, я вдруг почувствовал, что... заболел!.. Натурально — нос заложило, из груди донеслось рокотание кашля... кашеля... кашлей... в общем, закашлялся я и возжелал аспирина.

Илья Манихеевич, Вы понимаете всю нечеловеческую логику этого случая, бывшего со мной... случившегося в былом времени... сбывшегося наперекор судьбе? — чтобы не идти без шапки на улицу и не заболеть, и чтобы иметь вескую причину не ходить на улицу, я заболел тут же, никуда не выходя, и вынужден был остаться дома!!!

Махмуд Исымбаевич, простите мне моё волнение и некоторый мандраж почерка, — думаю, они уместны и извинительны.

Я в тупике. А в тупике я давно не был. А чувствовать себя идиётом — занятие не из приятных. Одна надежда на Вас, дорогой мой Ильдар Мои-сеевич!..

Жду ответа, как соловей лета.

Ваш друг и любезный отечеству товарищ,

Пал Палыч Безшапкин.

г. Санкт-Петербург.

Адрес редакции: Республика Казахстан, 010000,
г. Астана, пр. Победы, 56 (112), кв. 13.

Телефон/факс: (7172) 39-38-06.

Телефон корпункта в Алматы (727) 253-51-12.

Сайт: www.niva-kz.narod.ru

www.niva.ucoz.kz

E-mail: gundarev@hotmail.ru

Редакция знакомится с письмами читателей, как правило,
не вступая в переписку.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность
за подбор и точность приведённых фактов, цитат,
экономико-статистических данных, имён собственных
и прочих сведений.

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Рукописи в редакцию направляются на дисках
или CD-дисках и распечатанные на белой бумаге.

Web-редактор **Л. Б. Мананникова.**

Корректор **Ю. В. Богданова.**

Набор и вёрстка **Е. В. Дмитриевой.**

Технический редактор **В. А. Богданов.**

Собственник:

ТОО «Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Журнал основан В. Р. Гундаревым
и впервые зарегистрирован 12.12.1990 г.
Первый номер вышел 17.04.1991 г.

Свидетельство о переучёте № 3518-Ж.

Выдано Министерством культуры, информации и общественного
согласия Республики Казахстан 27.01.2003 г.

Сдано в набор 14.03.2011 г.

Подписано к печати 08.04.2011 г. Формат 70 x 100 1/16.

Уч.- изд. л. 20, 00. Тираж 1000. Цена свободная.

Заказ № 1714.

Номер набран и свёрстан в ТОО

«Редакция казахстанского литературно-художественного
и общественно-политического журнала «Нива».

Типография ТОО «Жаркын Ко».
010000, г. Астана, пр. Абая, 57/1.